

Е. Н. БАДМАЕВА

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА:

ОПЫТ РЕШЕНИЯ В 1933–1943 гг.
(НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Е. Н. БАДМАЕВА

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС
В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ РЕШЕНИЯ В 1933–1943 гг.
(НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ)**

Элиста
2016

УДК 94(47).084.6
ББК 63.3 (2 Рос=Калм.)
Б 153

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
К. Н. МАКСИМОВ

Рецензенты:
доктор исторических наук О. А. ДЖАГАЕВА
доктор исторических наук Е. В. САРТИКОВА

Автор благодарит Ставропольский государственный музей-заповедник
им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве за любезно предоставленные фотографии

Бадмаева Е. Н.

Б 153 Продовольственный вопрос в аграрной политике советского
государства: опыт решения в 1933–1943 гг. (на примере Калмы-
кии): Монография. [Текст] / Е.Н. Бадмаева; отв. ред. К. Н. Макси-
мов. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 296 с.

В монографии на основе широкого круга новых источников про-
анализирован и обобщен с позиций комплексного подхода исторический
опыт социально-экономической модернизации Калмыкии в 1933–1943 гг.,
исследована продовольственная проблема и пути ее решения.

Для преподавателей истории, студентов и аспирантов, а также для
всех интересующихся историей Калмыкии.

ISBN 978-5-903833-90-0

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
КИГИ РАН, 2016

© Бадмаева Е.Н., 2016

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Всеобъемлющая модернизация страны – одно из активно развивающихся направлений в историографии истории России. Среди многообразия разделов этой историографии особенно ярко выделяется процесс трансформации аграрного общества в индустриальное сверхмощное государство и рассматривается как важнейшая отправная точка на заключительном этапе модернизации. По мнению отечественных ученых-историков, модернизация промышленной составляющей экономики России, важнейшим ресурсом которой было сельское хозяйство, завершилась, в основном, в 1950-е гг. Грань же модернизационного перехода в аграрной подсистеме России, его темпы и критерии, формы до сих пор представляются малоисследованным вопросом. А ведь без ответа на него трудно делать выводы об эволюции развития страны в целом, ее этапах и направленности, особенно учитывая, что до середины XX в. большая часть населения России проживала в деревне, именно сельхозпроизводителями выработывалась значительная часть национального дохода всей страны, в том числе и в таком аграрном регионе, как Республика Калмыкия.

Грандиозные события социально-политического характера первой четверти XX века – Октябрьская революция и Гражданская война – прервали естественный, эволюционный процесс экономического развития России. Вместе с тем, эти величайшие социальные потрясения стали мощным импульсом не только к разрушительным, но и модернизирующим процессам. Российское государство и общество, после прихода к власти большевиков, стали перед выбором оптимальных социальных форм, институтов, экономической и политической модели жизнедеятельности. В 1920-е гг. страна прошла и военно-административные (политика военного коммунизма) и экономические (новая экономическая политика)

методы управления экономикой, и в конце указанного десятилетия перед ней стал нелегкий, судьбоносный выбор путей дальнейшего социально-экономического развития. «Великий перелом» конца 20-начала 30-х гг. привел к формированию в СССР особой социально-экономической системы, получившей название «государственного социализма». Ее характерными чертами были: тоталитарный характер государства; однопартийная система; формальное обобществление труда и производства; полное огосударствление производства; ликвидация частной собственности.

Главной задачей экономики «государственного социализма» со свойственной ей административно-командной системой управления были форсированная индустриализация народного хозяйства, которая решалась ускоренным развитием промышленных средств производства за счет всех остальных сфер экономики. Производство средств производства, в свою очередь, было направлено, прежде всего, на развитие военного потенциала советского государства, находящегося в капиталистическом окружении и способного своей мощью противостоять суровым вызовам времени. Страна была вынуждена развивать традиционный для нее мобилизационный тип экономического роста с преобладанием политических факторов над экономическими, увеличением бюрократического аппарата, усилением эксплуатации собственного народа и т.д.

От первых шапкозакидательских нереальных планов социалистического строительства с высокими темпами индустриализации в первую пятилетку, которые были, естественно, не выполнены, в планах второй и третьей пятилетках наблюдается снижение среднегодовых темпов прироста промышленной продукции. Плановая экономика была ориентирована на количественный рост, вопрос о качественном производстве не стоял в повестке дня. Вместе с тем следует отметить, что львиная доля (более 80%) промышленной продукции в 1937 г. было получено с новых или полностью реконструированных предприятий. В Калмыкии в данный период также происходило возрождение небольших предприятий, связанных с животноводческой и земледельческой отраслью, действовали десятки кирпичных заводов, несколько типографий, дизельных

паровых мельниц. Был построен и давал продукцию Лаганский рыбоконсервно-холодильный комбинат – один из крупнейших в Нижне-Волжском регионе. В годы второй пятилетки вступили в строй икорно-балычный комбинат (1933 г.) и плавучий консервный завод им. Кирова (1934 г.)

Основными источниками финансирования индустриализации СССР являлись: доходы от легкой промышленности; экспорт сырья и продовольствия; доходы от сельского хозяйства. Мобилизационный тип экономики, характерный для страны в тот период, в полной мере использовал и такие нетрадиционные источники, как энтузиазм трудящихся (стахановское движение); конфискационное налогообложение частных предпринимателей; ограничение потребления (рост цен, принудительные займы); труд заключенных (система ГУЛАГа).

Действие мобилизационной системы потребовало ужесточения государственного контроля жизни всего населения: была введена система внутренних паспортов и прописки, ограничивающая свободу передвижения людей; объявлен запрет на увольнение рабочих по собственному желанию, введена так называемая «непрерывка» – четыре дня рабочих, а пятый – выходной, который приходился на любой день недели. Партийно-государственная номенклатура контролировала практически всю хозяйственную, экономическую и культурную жизнь страны, все население СССР было вовлечено в идеологизированную систему.

Жесткий государственный курс на модернизацию четко обусловил тенденцию подчинения материальных потребностей людей интересам ускоренного развития индустрии. Возросшие расходы на оборону страны существенно отразились на благосостоянии населения. С середины 1930-х гг. в стране стала внедряться новая система материального стимулирования рабочих и служащих, установлен минимум заработной платы. Вместе с тем, рост дороговизны на продукты питания обгонял увеличение оплаты труда. Государственные розничные цены в 1940 г. в целом были в 6–7 раз выше, чем в 1928 г.

В еще более трудном положении находилось крестьянство, чья оплата труда в колхозах состояла из двух частей – натураль-

ной и денежной. Преобладала натуральная оплата трудодней колхозников. Во многих колхозах показатели денежной оплаты труда оставались низкими. Такое положение с оплатой труда в аграрном секторе экономики отражалось на структуре доходов сельских жителей, основную долю в которой представляли доходы от личного подсобного хозяйства. В предвоенную пору повседневная жизнь населения осложнялась происшедшими в худшую сторону изменениями с обеспечением продовольственными товарами и предметами каждодневного спроса. В этот период, сельское хозяйство, находившееся под жестким контролем государства, не сумело выработать механизм своего саморазвития, что вполне закономерно привело к подавлению рыночных отношений в аграрной сфере. Советский эксперимент в том виде, который проводился на селе в советское время, в определенной степени провалился и в исторической перспективе изжил себя.

Существенное значение для понимания происходящих модернизационных процессов имеет изучение опыта осуществления социально-экономических мероприятий в регионах СССР в военный период. Важность исследования исторического опыта реализации социально-экономической политики в Калмыкии во многом обусловлена спецификой региона. Деятельность местных партийно-государственных органов власти в Калмыкии в 1941–1943 гг. являет собой опыт организации социально-экономических мероприятий на территориях, занимающих в период войны различное военно-организационное положение. В результате проводимых мероприятий в республике сформировалась система социального обеспечения, позволившая, правда, не совсем эффективно решать материально-бытовые проблемы населения фронтовых, прифронтовых и тыловых районов. Произошедшие изменения в 1990-е гг. в исторической науке позволяют нам по-иному исследовать широкий спектр проблем, возникавших в деятельности местных органов власти. Однако опыт решения социальных проблем, политика партии и государства в военные годы в социально-экономической сфере и по сей день остаются «белым пятном» отечественной истории, многие ее стороны требуют дальнейшего исследования и научной разработки. Поэтому научное, политическое и практи-

ческое значение военного опыта социально-экономического строительства и в настоящее время не потеряло своей актуальности.

Все это позволяет говорить о необходимости учета на нынешнем этапе как положительных, так и отрицательных моментов аграрного, индустриального, социального, культурного развития страны в 1930–1940-е гг., об актуальности нового обращения к важнейшему периоду истории российского государства и общества с объективных и деидеологизированных позиций, в особенности в связи с изменением общественно – политической ситуации в стране и открытием ранее засекреченных архивных документов.

История многонационального российского государства и общества не может быть полноценно исследована без локального исторического анализа. Потому историческая наука нуждается в региональных исследованиях, которые эмпирически привязаны к конкретному месту и времени. Необходимость такого рода исследований неоспоримо и актуально, т.к. позволяют раскрыть историческую реальность в ее конкретно-историческом проявлении, в среде повседневной жизнедеятельности людей, в рамках их социальной и экономической жизни.

Автор в своем научном исследовании рассматривает социально-экономическое положение Калмыкии в 1933–1943-е гг.: продовольственную проблему и ее решение. Ключевая задача работы – раскрыть основные этапы социально-экономического развития и решение продовольственной проблемы в рассматриваемый период.

В этой связи считаем вполне логичным обращение в нашем исследовании в историко-сопоставительном и историко-сравнительном плане к материалам других соседних к республике регионов для выявления общего и особенного в проведении социально-экономических реформ. Возможно, что исследование социально-экономической истории Калмыкии представляет не только научный интерес, но и поможет накоплению и обобщению фактического материала, характеризующего важнейший этап российской истории. Тем более, Республика Калмыкия и ныне являет собой один из интересных для изучения не только как полиэтничная, многоконфессиональная территориальная единица, но и как регион со сложными процессами развития.

Актуальность данной работы также определяется необходимостью глубокого исследования региональной и национальной (этнической) политики советского государства по отношению к малым народам в крупных территориях страны, ныне соответствующих федеральным округам. В связи с этим важно изучить особенности развития национально-территориального образования региона, взаимоотношение между органами государственной власти с федеральными и краевыми органами власти и управления. Изучение данной темы имеет не только научное, но и практическое значение с точки зрения исключения в современной государственной политике ошибок и просчетов прошлого.

В качестве **хронологических рамок** избран период с 1933 г. по 1943 г., что обусловлено следующими обстоятельствами: в 1933 г. в России по плану и итогам первой пятилетки в основном завершилась перестройка в сельском хозяйстве (ликвидировано мелкотоварное крестьянское хозяйство, сформировано крупное колхозное и совхозное производство), созданы основы индустриальной мощи страны (введены в строй важнейшие для развития экономики объекты тяжелой промышленности, машиностроения), достигнуты определенные успехи в культурном строительстве (осуществлено всеобщее начальное обучение). В партии и государстве бесповоротно победила сталинская линия (уничтожена оппозиция, в стране нет политических сил, могущих противостоять тоталитарному режиму) и в этот период окончательно сформировалось репрессивное государство. XVII съезд РКП (б) подвел официальную черту коренным социалистическим завоеваниям советской власти и заявил о невозможности реставрации капитализма в стране. Тем самым можно считать, что 1933 г. стал началом рубежа в социально-экономическом развитии и политической жизни страны, когда наметились позитивные изменения в развитии советской промышленности, аграрного сектора и социокультурной сферы в рамках социалистической модернизации.

Завершает хронологический этап 1943 год, когда сельское хозяйство и промышленность республики функционировали уже в иной социально-политической и экономической обстановке – военного времени, произошел коренной перелом в Великой Отечест-

венной войне и страна перешла от оборонительных боев к наступательным действиям и, что важно для КАССР – 28 декабря 1943 г. была ликвидирована национальная государственность калмыцкого народа и он подвергся насильственному выселению (депортации) и репрессиям по национальному признаку в регионы Сибири.

Используемый в нашем исследовании принцип исторической связи позволяет иногда выходить за рамки, обозначенные хронологически, что допускает возможность обратиться к событиям и явлениям исторического прошлого и настоящего Калмыкии и страны в целом.

Территориальные рамки исследования включают в себя территорию Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики.

Вместе с тем, данное исследование не ограничивается обозначенными нами территориальными рамками КАССР и для проведения сравнительного анализа в соответствии с принципом исторической связи в работе используются общереспубликанские (РСФСР) и общесоюзные (СССР) данные.

Выделение КАССР в качестве территориальных рамок научного исследования позволило всесторонне и комплексно исследовать социально-экономическую ситуацию, рассмотреть содержание и оценить результативность мероприятий в области решения социально-экономических проблем населения.

Объектом исследования является Республика Калмыкия в контексте социально-экономической, политической трансформации в период проведения и завершения коллективизации сельского хозяйства, индустриализации, в предвоенные и военные (1941–1943) годы.

Цель исследования состоит в конкретно-историческом изучении социально-экономического положения Калмыкии в 1933–1943 гг., продовольственной проблемы и ее решения. В соответствии с намеченной целью в научном исследовании поставлены следующие **задачи**:

- изучить историографию и источниковую базу исследования;
- показать трансформацию сельскохозяйственного производства;

- исследовать индустриальное развитие: особенности и результаты;
- проанализировать причины продовольственного кризиса 1932–1933 гг. с выделением его особенностей и последствий для исторических судеб крестьянства и всего населения Калмыкии;
- проанализировать итоги и результаты политики сплошной коллективизации;
- оценить кризисные явления в развитии аграрной сферы республики в предвоенные годы;
- изучить причины, масштабы, последствия «Большого террора» в Калмыкии в 1937–1937 гг.;
- рассмотреть причины ослабления материально-технической базы сельского хозяйства республики в 1941–1943 гг.;
- проанализировать причины продовольственных трудностей в КАССР в военные годы.

Методологическая основа предложенного исследования базируется на принципах и методах научного познания. Автор, прежде всего, опирается на диалектическую концепцию развития, из которой, как известно, вытекают основополагающие принципы исторического исследования: историзм, объективность и системность.

Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить социально-экономические показатели развития Калмыкии (КАО и КАССР) в сравнении с соседними нижеволжскими регионами в период форсированной коллективизации сельского хозяйства и определить место Калмыкии в народнохозяйственном комплексе Нижнего Поволжья и страны. Исторический метод позволил исследовать деятельность местных партийно-государственных органов Калмыкии в реализации социально-экономической политики в ее хронологическом развитии на протяжении всего периода, включая военный период до 1943 года.

Взаимоотношения между центральной и региональной властями рассматривались с привлечением структурно-функционального метода. Изложение данного материала основано на проблемно-хронологическом принципе, который дал возможность не только выделить основные проблемы главным образом сельско-

хозяйственного и промышленного производства во временной последовательности, но и проанализировать количественные и качественные перемены.

Автор в своей работе, исходя из принципа системности, рассмотрел не только преемственность в развитии народного хозяйства в Калмыкии в исследуемый период, но и его функциональную взаимосвязь с другими процессами, происходившими в стране – социально-культурными, демографическими и т.д.

Следование принципу историзма позволило рассматривать события и явления того времени в процессе их возникновения и эволюции, в тесной связи с конкретными историческими условиями. В настоящей работе автор стремился в максимально возможной мере реализовать и принцип объективности исследования, позволивший избежать политизированных суждений и выводов.

В исследовании была использована система методов исторического описания и актуализации, а также принципы логического отбора, анализа и обобщения фактического материала. Применение статистического метода в исследовании позволило обработать количественные показатели с целью выявления динамики и качественных характеристик развития процессов сельскохозяйственного и промышленного производства в 1930–1940-е гг., в том числе в сравнительном плане с дореволюционным периодом.

Использование в работе исследовательской модели социальной истории, главным объектом которой является само общество, помогло в изучении организации производства и его функционирования, механизма власти и управления, демографии и миграционной подвижности населения, повседневности и микроистории и т.д.

Применение различных методов и принципов в совокупности обеспечило автору комплексный подход к исследованию социально-экономического положения в Калмыкии в 1930–1943 гг.: производственной проблемы и ее решения.

Историография проблемы и источниковая база исследования рассматриваются в первой главе научного исследования. Анализ состояния научной разработки проблемы исследования, проведенный автором, показал, что изучению социально-экономи-

ческого положения в 1933–1943 гг. посвящено значительное количество исторических работ. Вместе с тем, проблема реализации партийно-государственной продовольственной политики, анализа ее содержания и результативности сегодня начинает вычленяться в самостоятельный предмет исследования. Этим обусловлена определенная фрагментарность, отсутствие комплексного подхода к исследованию обозначенной проблемы. Кроме того, далеко не все аспекты деятельности местных органов государственной власти в области решения продовольственной проблемы в указанный период изучены всесторонне.

Анализ изученной автором литературы, источников по социально-экономическому положению и продовольственной проблеме в 1930–1943 гг. позволил сделать вывод о том, что при всей своей актуальности научная разработка вышеуказанной проблемы явно недостаточна и требует дополнительного исследования.

Научная новизна работы определяется широтой и масштабом поставленных исследовательских задач, решением крупной научной проблемы, ранее не подвергавшейся комплексному научному анализу. В работе впервые основательно и всесторонне исследуются результаты, методы и последствия реализации государственной политики в социально-экономической сфере в Калмыкии, продовольственной проблемы и ее решения.

Основные положения исследования состоят в следующем:

– в научном исследовании на основе широкого круга исторических источников проведен комплексный анализ социально-экономического положения и продовольственной проблемы в Калмыкии в указанный период. Значительная часть архивных источников введена в научный оборот впервые.

– проведение индустриализации в первую очередь за счет сельского хозяйства, крестьянства потребовало героических усилий большей части советского общества, вызвало огромное число человеческих жертв, жестокую ломку многовекового уклада жизни, изменение крестьянского и этнического менталитета в национальных окраинах Советской России.

– в исследовании показано, что осуществление сталинской «революции сверху» – коллективизация сельского хозяйства вы-

звала кризис сельского хозяйства и привела к продовольственному кризису 1932–1933 гг. Социально-политические катаклизмы активно повлияли на трансформацию сельскохозяйственного производства в Калмыкии и придали ему специфические черты. В колхозную эпоху отсутствовали стимулы экономической активности крестьян–колхозников, необходимо было выживать, а не накапливать. Крестьянство в начале 1930-х гг. в республике оставалось самой бедной частью населения.

– исследование архивных материалов позволило автору сделать вывод о том, что продовольственный кризис 1932–1933 гг. явился самым трагическим испытанием для жителей КАССР и не может быть оценен иначе, как крупный провал экономической политики советского государства. Продовольственные затруднения сопутствовали советским людям все предвоенные годы и стали постоянным фактором их повседневной жизни.

– на основе использованного в научном исследовании исторического материала автором выявлено, что в этот период для республики не характерны высокие темпы роста валовой продукции и численности промышленно-производственного персонала и по ряду показателей она значительно отставала от других регионов. Впервые в Калмыкии возникла инженерно–техническая интеллигенция, в том числе из рядов калмыцкого населения. Калмыкия из аграрного района превратилась, об этом можно с определенной натяжкой сказать, в аграрно-индустриальную республику.

– автором доказано, что аграрный сектор к концу десятилетия «великого перелома» далеко не соответствовал потребностям модернизированной страны «победившего социализма». Кардинальное изменение форм хозяйствования, проведенное техническое перевооружение сельского хозяйства, возросший уровень механизации в отрасли не смогли существенно переменить ситуацию в сельском хозяйстве и качественно изменить жизнь сельчан, в предвоенные годы еще составлявших большую часть населения страны.

– материалы архивов позволили установить, что массовые политические репрессии 1937–1938 гг. имели для жизни общества и государства серьезные негативные последствия, сказавшиеся в дальнейшем на историческое и экономическое развитие страны.

– автор установил, что вследствие оккупации немцами ряда земельных и животноводческих районов Калмыкии производство совокупного общественного продукта республики уменьшилось, изменилось соотношение между накоплением и потреблением, сократились их абсолютные размеры по сравнению с довоенным 1940 годом. В военные годы сельское хозяйство Калмыкии, несмотря на ослабление материально-технической отрасли, за счет внутреннего производства посильно обеспечивало снабжение продовольствием и сырьем армейские части и население советских городов.

– архивные материалы позволили установить, что республика стала в первые два с половиной года войны стабильной базой для пополнения воинских частей Красной Армии строевыми и рабочими лошадьми, обеспечения конской упряжкой и т.п., производства мяса, способствовала созданию устойчивых мясных резервов страны. Доказано, что продовольственные трудности во время войны возникли из-за неблагоприятных погодных условий, ослабления материально-технической базы сельского хозяйства, слабой экономики колхозов. Введение нормированной системы распределения ограниченных продовольственных ресурсов позволило в минимальном размере обеспечить продовольствием население республики. В Калмыкии население создавало «собственную продовольственную базу», источниками пополнения которой были подсобные хозяйства, коллективные и индивидуальные огороды, охота, сбор грибов и ягод.

Научно-практическая значимость. Материалы научного исследования могут быть использованы при подготовке научных трудов по истории России, при изучении истории отдельных регионов страны, в курсах учебных лекций, специальных курсах и семинарах по отечественной истории, истории аграрных отношений и крестьянства в высших учебных заведениях. Предложенное исследование может быть методическим и учебным пособием для студентов вузов и аспирантов, учителей школ и лиц, интересующихся данной страницей истории страны и отдельного региона – Калмыкии.

Структура научного исследования определена целью и задачами работы и состоит из введения, IV глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1. Историография

Социально-экономическое положение страны в 1930–1940-е гг. неразрывно связано с аграрными преобразованиями и продовольственной проблемой в советской России. Потому данная тема является весьма обширной и многогранной для изучения на протяжении длительного исторического времени. Согласно исторической традиции любое научное исследование невозможно без основательного и разностороннего изучения историографии заданной проблемы. Социально-экономическому положению и истории аграрной политики 1930–1940-х гг. посвящено значительное количество работ, созданных как отечественными, так и зарубежными авторами. Научный интерес к данной проблеме в течение всего времени оставался весьма актуальным. Продовольственные проблемы и аграрные преобразования этого периода относятся к числу стратегически важных социально-политических мероприятий в советской истории, коренным образом изменивших социально-экономические отношения в деревне, изменивших (и до сих пор оказывающих влияние) на весь ход развития страны.

В истории изучения указанной проблематики 1930–1940-е гг. следует, на наш взгляд, выделить три основных периода, на протяжении которых избранная тема изучалась с различной степенью интенсивности и в рамках различных историографических подходов. В историографии проблемы хронологически необходимо выделить период с 1930 по 1953 гг., с середины 1950-х до 1990-х г. и с начала 1990 гг. по настоящее время.

Все проблемы, рассматриваемые в работах начала 1930-х гг. на примере Калмыкии, были тесно связаны с осуществлявшимися параллельно политическими, социально-экономическими мероприятиями в КАССР. В силу этого, большинство авторов заявляли

о необходимости и своевременности коллективизации сельского хозяйства, говорили о правильности официальных методов ее осуществления. В основном эти материалы были опубликованы на страницах местных периодических газет и региональных журналов, в которых предпринимались попытки не только осветить, но и проанализировать ход и первые результаты «колхозного строительства» в регионе [10 лет Калмыцкой автономной области 1931]. В них рассматривались вопросы организационно-экономического состояния коллективных хозяйств, а также социально-политические и идеологические аспекты аграрной политики, подчеркивалась определяющая роль коммунистической партии и советов; рассказывалось о непримиримой борьбе с яростно сопротивляющимся кулачеством и т. д. В большинстве случаев основной упор в работах этого периода делался на обострение в годы коллективизации классовой борьбы, анализ политических процессов, а хозяйственные вопросы, в особенности продовольственные затруднения, почти не затрагивались [Бурмистенко 1932]. Авторы искусственно формулировали выводы о якобы грандиозной работе, проводимой коммунистической партией по восстановлению промышленности, аграрного сектора, решению социальных вопросов. Эти выводы в основном не были подкреплены объективными фактами и очень часто не совпадали с реалиями жизни общества. В большинстве указанных работ особенно ценным является конкретно-социологический подход, дающий как бы исторический срез того времени, который теперь получить уже невозможно. Несомненной заслугой данных публикаций является накопление фактического материала, без использования которого невозможно понимание происходивших в тот период истории социально-экономических процессов. Выходившие обобщающие юбилейные издания регионального характера по стилистике соответствовали идеологическим установкам того времени, но и в таком виде они содержат важный аналитический и фактический материал по экономической и социальной истории региона [10 лет Калмыцкой автономной области 1931; Два года пятилетки 1931 и др.]. Все работы этого времени были написаны в русле официальной идеологии и трудов руководителей Коммунистической партии и Советско-

го Правительства: В. И. Ленина, И. В. Сталина, Н. И. Бухарина, М. И. Калинина, Л. Д. Троцкого и др. Главным выразителем теоретических и практических положений идеологической, экономической, социальной, аграрной политики партии и правительства, естественно, являлся И. В. Сталин [Сталин 1949].

В историографии 1930-х гг. повышение материального благосостояния крестьянства и его социального статуса рассматривалось как более отдаленная перспектива, что нельзя считать логичным. В 1930-е гг. считалось, что именно ликвидация эксплуатации была для крестьянства первостепенной необходимостью и «забывалось», что сельское население в ходе проведения сплошной коллективизации попадало под еще более жесткий государственный контроль. Вполне естественно, что авторами, в силу продуманной, по их мнению, аграрной политики советов, отрицалась сама возможность противодействия основной части крестьянства аграрной политике правительства. Например, нарком земледелия Я. А. Яковлев считал, что «крестьянин сам по своей инициативе выбрал сельскохозяйственную артель как наиболее удобную для него форму производства, отвечающую его коренным интересам» [Яковлев 1935: 5].

В начале 1930-х гг. некоторая часть авторов предприняла попытку изучения форм и методов противодействия крестьянства официальной аграрной политике. Однако это делалось в угоду политическим конъюнктурам и, как правило, носило неглубокий и поверхностный характер. Таким образом, авторы приходили к ошибочному выводу о том, что в первой половине 1930-х гг. усиленное сопротивление мероприятиям советской власти в деревне оказывало лишь кулачество. «Нет ни одной крупной хозяйственной и политической кампании, – отмечали правоведы Н. Лаговьер и А. Роднянский в своих уголовно-судебных очерках, – которая бы не встречала бешеного сопротивления кулачества вплоть до применения террора» [Лаговьер, Роднянский 1930: 8]. Причем «кулацкий» террор абсолютно неверно выделялся как самая распространенная и острая форма сопротивления крестьянства.

Впоследствии, ухудшающее положение в сельском хозяйстве в 1930-е гг. и вследствие этого и в продовольственном обеспече-

нии советских людей, объяснялось деятельностью «враждебных элементов» и являлось характерным для советской историографии вплоть до конца 1980-х гг. [Сергеев 1982: 19, 24].

Со второй половины 1930-х гг., когда сталинская коллективизация в стране была уже в основном завершена, появился ряд научных работ, в которых рассматривались произошедшие коренные изменения в деревне за годы первых пятилеток. Авторы, главным образом, сосредоточили внимание на результатах коллективизации, её социокультурных, экономических и политических последствиях [Анисимов 1937; Шуваев 1937 и др.]. Одной из позитивных и положительных черт этого периода можно отметить, что в течение указанного времени в историографии были заложены основы для научно-теоретического осмысления проблемы и накопления значительного пласта конкретно-исторических материалов. Однако в это время еще не был исследован сам процесс подготовки и осуществления модернизационных процессов в сельском хозяйстве, не проанализированы мероприятия властей в ходе аграрных преобразований. Огромное влияние на последующее изучение этого периода оказал вышедший в 1938 г. при непосредственном участии И. В. Сталина официальный учебник «История ВКП (б). Краткий курс» [История ВКП (б) 1946]. Известно, что в «Кратком курсе» утверждалась мысль об удачном политическом ходе – аграрных преобразованиях страны. Неоднократно подчеркивалось, что благодаря «громдой помощи... партии и рабоче-крестьянского государства» в деревне было создано мощное механизированное коллективное производство, а сельское хозяйство уже в начале второй пятилетки находилось «на подъеме» и авторы этого учебника заявляли о массовой поддержке аграрных преобразованиях самим крестьянством [История ВКП (б) 1946: 305]. Как известно, все это не совсем соответствовало реальному состоянию дел в советской деревне.

Тем не менее, все отмеченные работы были написаны по свежим следам происшедших событий и зачастую их непосредственными участниками. По нашему мнению, все это помогает прочувствовать дух той эпохи и ощутить атмосферу проведения трансформации сельскохозяйственных производств, осмыслить и понять мировоззрение населения, особенно советского колхозни-

ка, восприятие ими окружающей действительности 1930-х гг.

Исследования аграрных преобразований в 1930–1940-е гг. были прерваны в годы Великой Отечественной войны. Начиная со второй половины 1940-е гг. интерес к вышеуказанным проблемам начал вновь усиливаться. Поскольку руководству страны в короткие сроки необходимо было восстановить разрушенную войной экономику и перевести ее на мирные рельсы. Естественно, колхозному производству уделялось первостепенное значение и полагалось, что оно станет фундаментом в этом восстановлении. Между тем, во второй половине 1940-х г. значительная часть колхозников выражала недовольство работой колхозной системой и своим положением в ней [Зубкова 1991: 284–320]. Поэтому, партийно-советским властям необходимо было еще раз доказать экономическую жизнеспособность, перспективность и большую социальную значимость созданной колхозной системы.

Первый, весьма поверхностный анализ процесса подготовки и проведения коллективизации был реализован в форме стенограмм лекций, изданных в виде учебных пособий. Прежде всего, необходимо отметить работы Э. Б. Бурджалова, Э. Б. Генкиной и П. А. Александрова [Бурджалов 1950; Генкина 1952; Александров 1951; КПСС 1955], которые выделялись четкостью изложения и анализа архивного материала. В их работах получила должное развитие разработка темы реализации аграрной политики и раскулачивания, освещение мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, деятельность политотделов МТС. Хотя их работы продолжали отражать прежнюю концепцию исторического исследования.

В послевоенные годы зарубежные исследователи обратили свое внимание на изучение аграрной истории СССР в 1930-х гг. Одним из первых этой проблемой заинтересовался Н. Ясный [Jasny 1949], который в своей работе проанализировал, по его мнению, особо жесткие организационные мероприятия советских властей в деревне. Не удивительно, что зарубежный автор негативно отнесся к аграрным преобразованиям, в частности, проведению сталинской коллективизации, а также крайне отрицательно оценивал методы ее осуществления.

Следует заметить, что теоретические разработки и научные статьи по истории Калмыкии в довоенный период в основном носили описательный и пропагандистский характер, освещали проблемы экономики в рамках официальной доктрины. К сожалению, национальная историография в Калмыцкой автономной республике прерывается в конце 1943 года, когда калмыки по ложному обвинению были высланы в восточные районы страны и возобновляется она после восстановления автономии калмыцкого народа в 1957 г.

В начале 1950-х гг. появились первые научные фундаментальные труды, в которых подробно рассматривались все этапы колхозного строительства. К такого рода работам следует, прежде всего, отнести монографии М. А. Краева и С. П. Трапезникова [Трапезников 1951; Краев 1954]. Монография М. А. Краева впервые анализирует развитие сельского хозяйства за 20 лет Советской власти. Она насыщена обилием цифровых данных и впечатляет значительным фактическим материалом. Но к сожалению, автору не удалось избежать концепции, заложенной в «Кратком курсе истории ВКП (б)». Н. Анисимов, Б. А. Абрамов и М. С. Смирнов в своих исследованиях подробно рассмотрели жизнь советского крестьянства на протяжении длительного времени [Анисимов 1947; Абрамов 1952; Смирнов 1952]. Но им, однако, не удалось избежать иллюстративности в своих исследованиях.

Итак, значительная часть представленных в нашем историографическом обзоре научных работ до середины 1950-х гг. носила, все же, поверхностный и описательный характер. К сожалению, многим исследователям не удалось избежать многих догм сталинской эпохи и их работы носили в основном цитатно-иллюстративный материал.

Вторая половина 1950-х – до начала 1990-х гг. – знаменует второй период наиболее активного развития советской историографии, в том числе и по развитию сельского хозяйства. В это время источниковая база обогатилась новыми документами, архивными материалами, свидетельствами очевидцев и т. д. Пересмотр многих догм стал возможен только в послесталинскую эпоху. У исследователей появились более широкие возможности для ведения науч-

но-исследовательской работы. В это время значительно возросло число исследований, расширилась их проблематика, в значительно большем объеме учеными стали использоваться первичные документы и архивные материалы. Появились многочисленные научно-исследовательские статьи по истории колхозного строительства, начали регулярно проводиться научные сессии, симпозиумы и научные конференции, посвященные аграрным проблемам.

Вследствие активного всплеска научной деятельности возникла необходимость обобщения проделанной исследователями работы, результатом чего стало появление целого ряда актуальных историографических трудов [Богденко; Зеленин 1962 и др.]. Со второй половины 1950-х гг. существенно возрос научный уровень работ, более совершенной стала методика исследования. Так, в частности, в начале 1960-х гг. отечественными историками была скорректирована традиционная периодизация коллективизации, согласно которой завершение процесса преобразований сельского хозяйства относилось к 1934 г. В 1961 г. на научной сессии по аграрной истории советского общества было принято решение об изменении хронологических рамок коллективизации с выделением периода 1933–1937 гг. как периода «завершения реконструкции сельского хозяйства». Увеличение хронологических рамок коллективизации косвенно свидетельствовало о признании историками сложности аграрных преобразований, о более длительном, чем считалось ранее, процессе «социалистической» перестройки деревни. Некоторые исследователи, касаясь методов осуществления коллективизации, впервые сделали акцент на административной и силовой стороне данной политики. Одними из первых заострили внимание на данном сюжете В. П. Данилов и Н. А. Ивницкий. Авторы отмечали, что активным проводником административного нажима и принуждения по отношению к крестьянству были не только низовые звенья, но и отдельные представители центральной власти [Данилов 1957; Ивницкий 1972]. Похожих взглядов на истоки насильственных методов реализации аграрной политики придерживался и ряд других исследователей.

В 1960–1970-е гг. выходит в свет большое количество научной литературы, освещающей как отдельные сюжеты сельскохо-

зяйственной жизни, так и историю аграрного развития в целом. В поле зрения ученых находились аспекты теории, политики партии и государства, экономической эффективности. В целом количество работ, посвященных коллективизации, увеличилось, углубился авторский анализ, расширился круг исследуемых вопросов. Однако отмеченные положительные тенденции наличествовали при неизменности методологической базы и сохранявшемся господстве советской моноидеологии. Поскольку радикальных сдвигов в методологии в тот период не наблюдалось, в монографиях и фундаментальных коллективных исследованиях [Вылцан и др. 1982; История советского крестьянства. Т.2. 1985 и др.] проблема «колхозного строительства» освещалась традиционно: на первый план выходили организационно-экономические, социально-политические, партийно-идеологические аспекты коллективизации, воспринимаемые не иначе как комплекс социалистических преобразований.

В работе И. Е. Зеленина нашли отражение проблемы рационального использования земли и техники, подготовки квалифицированных кадров для совхозов. По его мнению, постоянная реорганизация совхозов негативно влияла на развитие сельскохозяйственного производства [Зеленин 1982]. В работах партийных руководителей, практиков сельского хозяйства, а вслед за ними и историков, освещавших аграрную политику партии, непосредственное внимание стали уделять ее направляющей и руководящей деятельности по улучшению благосостояния советского крестьянства [Марьяхин 1949; Максимов 1970 и др.].

В середине 1970-х гг. на фоне общего спада сельскохозяйственного производства аграрная проблематика становится наиболее актуальной. Историки подробно освещали вопросы перспектив аграрного роста, активизации процессов интенсификации производства, увеличения удельного веса аграрных рабочих в социальной структуре деревни [Плешков 1976; Трепачев 1976; Староверов 1979]. Общетеоретические проблемные вопросы колхозного строительства широко отражены в глубоких и обобщающих трудах П. А. Игнатовского, С. П. Трапезникова, В. Б. Островского, А. П. Тюриной и других авторов [Игнатовский 1974; Трапезников 1976; Островский 1977; Тюрина 1982].

Особенно плодотворно советские ученые работали над исследованием проблем истории землепользования и землеустройства, рационального использования земли. В. П. Данилов на большом фактическом материале раскрыл проблемы межселенного и внутрихозяйственного землеустройства, показал классовый характер землеустроительных работ [Данилов 1979 и др.]. В книге известного ученого М. А. Вылцана сделан сопоставительный анализ официальной биологической урожайности в 1930-е гг. в сравнении с амбарной урожайностью по годовым отчетам колхозов; затрагиваются вопросы землеустройства, рационального использования земельного фонда [Вылцан 1978].

В Калмыкии на протяжении указанного периода историографии был издан ряд коллективных и монографических работ, где в числе других вопросов освещались нэп, индустриализация, «колхозное строительство» в регионе. Появились публикации о проведении новой экономической политики в деревне [Беликов 1968: 94–130; Васькин 1971 и др.]. Конкретно-исторический материал этих работ не потерял актуальности и до сих пор находится в научном обороте, в том числе используется и в работах К. Максимова, В. Убушаева, Ю. Оглаева [Максимов 1970; Убушаев 1983; Оглаев 1987 и др.]. Указанный период отмечен публикациями, которые осмысливали опыт функционирования коллективных хозяйств в Калмыкии и пропагандировали идеи кооперирования и коллективизации [Оглаев 1967: 110–146; Кичиков 1974: 3–17 и др.]. Ряд аспектов социально-экономических преобразований в Калмыкии в 1920–1930-е гг. освещен, как в исторических, так и в партийных региональных очерках [Очерки истории Калмыцкой АССР 1970; Очерки истории Калмыцкой организации КПСС 1980]. К сожалению, в этих работах авторы не смогли отойти от оценочных стереотипов, сложившихся в советской историографии по отношению к новой экономической политике и к процессам коллективизации, индустриализации [Бадмаев 1977 и др.]. Стержнем публикаций являлся партийно-классовый подход к проблемам сельского хозяйства, показ преимущественно достижений в аграрной сфере. Негативные же процессы рассматривались как временные трудности в ходе социалистического строительства. Как положительный

момент в работах того времени следует отметить углубление авторского анализа, расширение круга исследуемых проблем. Однако радикального пересмотра прежних положительных оценок о необходимости введения нэпа и проведения коллективизации, позитивных результатах реализации государственной политики в социально-экономической сфере не произошло, поскольку методологический монополизм марксизма в исторической науке сохранялся еще в полной мере.

Культурным процессам Калмыкии 1920–1930-х гг. посвящены работы Н. Ш. Ташнинова, М. Э. Джимгирова, У. Э. Эрдниева, которые носят историко-партийный характер, вследствие чего в них нет критического отношения и объективного анализа сложных и противоречивых процессов социокультурных преобразований, проводимых партийно-государственными органами Калмыкии [Ташнинов 1967: 60–80; 51, 276–316 и др.].

Во времена брежневской ресталинизации коллективизация оставалась востребованной темой, но советская идеология пресекала попытки критически оценить процесс «колхозного строительства», что привело в качественном отношении к некоторому историографическому спаду. Из работ такого плана следует отметить монографию Е. Н. Осколкова [Осколкова 1973], в которой затронута «неудобная» для того времени тема – хлебные заготовки начала 1930-х гг. Автором обоснованно замечено, что изъятие государством у колхозов большей части произведенной продукции отрицательно сказывалось на колхозном производстве и соответственно в продовольственном обеспечении населения. Протест крестьян против коллективизации впервые трактуется им не как «кулацкий саботаж», а как неразумная политика проведения заготовок.

Таким образом, в рассматриваемый период историографии появились несколько иные, чем в «сталинскую» эпоху, трактовки событий времени коллективизации. Это было обусловлено тем, что в стране после смерти Сталина произошла некоторая демократизация общественно-политической жизни. В частности, отдельные ученые, не ставя под сомнение прогрессивный, положительный характер коллективизации, не упоминая о нали-

чии ей альтернатив, стали писать о ее издержках («перегибах»), особых трудностях в организационно-хозяйственном устройстве колхозов. Утверждалось, что негативная реакция части крестьян на коллективизацию и хлебозаготовки объяснялась не происками «кулаков» и «кулацкого саботажа», а тактическими ошибками и некоторыми «перегибами» властей [Вылцан 1963: 15–24; 26; 27]. Впрочем, критический настрой, характерный для периода «оттепели», был существенно ослаблен брежневской ресталинизацией, преодолеть его полностью советской идеологической машине не удалось, но прежние «сталинские» оценки проведения сплошной коллективизации с ее идеализацией в работах большинства отечественных исследователей встречались все реже.

В условиях наступившей «оттепели» советским ученым удалось познакомиться с наработками зарубежных исследователей по вопросам аграрной истории, в том числе коллективизации [Мерль 1995: 104–116; Davies 1980 и др.]. В зарубежной историографии политика коллективизации и ее результаты, естественно, освещались совершенно в другом ракурсе, в отличие от СССР: весьма обоснованно указывалось на изначальное огосударствление колхозов и всей колхозной системы, подробно подвергались анализу такие табуированные в СССР темы, как хлебозаготовки и мясозаготовки, особенно тщательно анализировался голод 1932–1933 гг., массовые репрессии по отношению к крестьянам и т. п. К сожалению, научные исследования зарубежных ученых–аграрников в СССР трактовались неверно, воспринимались, как «буржуазные фальсификации» коллективизации» [Марушкин 1969].

Перестройка общественно-политической жизни СССР, начавшаяся в 1985 г., привела к заметным изменениям в характере историографии аграрной политики. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. шел поиск новых подходов к изучению эпохи 1930-х гг., места и роли советского крестьянства в аграрных преобразованиях страны. Например, многие работы о коллективизации были написаны в публицистическом ключе, что выводило данную проблему на уровень политической полемики, но в то же время свидетельствовало о поиске новой концепции для изучения аграрных преобразований 1930-х гг. Важный этап в истории России – 1930-е гг. обычно рас-

сма­три­ва­лись как составная часть сталинской эпохи, но специальных же работ по аграрной проблеме практически не появлялось.

С начала 1990-х гг., когда начался новый виток в развитии историографии, рассмотрение аграрной политики 1930-х гг. постепенно стало выходить из политической плоскости. Исследователи отошли от огульного осуждения советского периода российской истории, когда объективность и научность нередко затушевывались обилием критики, зачастую звучавшей на эмоциональном уровне. Во второй половине 1990-х гг. эпоха 1930-х гг. стала рассматриваться не как вырванный из истории российского общества и потерянный период, а как ее неотъемлемая часть. В то же время продолжал сохраняться недостаток в виде отсутствия теоретической основы, методологического базиса как фундамента многих научных исследований. Положительным моментом рассматриваемого периода следует считать увеличение научного интереса к проблемам коллективизации и к аграрной истории в целом. Об этом, в частности, свидетельствовало активное появление в 1990-е гг. кандидатских и докторских диссертаций, как на центральном, так и на региональном уровне [Глумная 1994; Горохов 1998; Григорьев 1997; Кирьянова 1994; Михеев 1981 и другие].

В 1990-е гг. получила дальнейшее развитие дискуссия об истоках сталинской «революции в деревне». Некоторые ученые придерживались мнения о том (появившейся в конце 1980-х гг.), что это была именно «сталинская» коллективизация и его ближайшего окружения и не имела ничего общего с ленинским планом построения социализма. Подобной точки зрения придерживался, в частности, В. Т. Анисков [Анисков, Рутковский 2000].

Большая часть отечественных исследователей связывала формы и методы осуществления преобразований в деревне в годы коллективизации с традициями российской государственности, с ее национальными особенностями. По их мнению, власти зачастую действовали в традициях прежней власти, лишь изменив идеологический фон. На этой же позиции зиждутся исследования В. А. Красильщикова, изучающего проблемы трансформации социальной структуры, формирования и эволюции маргинальных групп [Красильщиков 1998]. Булдаков В. П. подробно анализирует

происхождение и особенности революционного насилия в России, исследует психосоциальную динамику революции и показывает, что в ее основе лежали традиционалистские реакции на модернизационные процессы [Булдаков 1997 и других]. Хотя за рубежом подобный взгляд на преемственность в российской истории (как и первые две позиции) был известен еще в середине XX в., что, в частности, нашло отражение в трудах проф. Гарвадского университета, директора Русского исследовательского центра Ричарда Пайпса [Пайпс 1993, 1997, 1994].

Наиболее пристальное внимание историческая наука в 1990-е гг. уделяла главной составляющей репрессивной политики власти по отношению к крестьянству – его раскулачиванию. Весьма обстоятельный, подробный анализ политики раскулачивания дан в работах проф. Н. А. Ивницкого [Ивницкий 1994, 2000]. Автор, в отличие от историографии предыдущих этапов, определял политику власти по отношению к зажиточному крестьянству преступной и «бесчеловечной» и беспристрастно, в категоричной форме отрицал саму необходимость ее проведения. Раскулачивание крестьянства отчасти была затронута в научных статьях В. А. Смирнова и В. Н. Земскова. Абсолютно новый подход к политике раскулачивания дал в диссертационном исследовании В. Я. Шашков, расширивший хронологические рамки этой политики до 1953 г. [Смирнов 1994; Шашков 1995; Земсков 1996].

Вопросам распределения и снабжения продовольствия в СССР посвящены обстоятельные работы Е. А. Осокиной [Осокина 1993; 1999]. Автор уделил основное внимание изучению экономического развития страны в 1920–1930-е гг. В центре научного исследования находятся не столько политэкономические аспекты проблемы, сколько процессы деформации жизни людей, их быта, труда, психологии в условиях распределительной системы. Одна из целей исследования автора – показать особую роль снабжения в механизме управления обществом, а также в карательной политике Сталина. Государственная торговля при социализме никогда не была единственным источником снабжения населения. В стране всегда существовал обширный легальный и подпольный рынок товаров и услуг. Ее монография возвращает читателя к истокам

социалистической торговли, в легендарные первые пятилетки. В центре внимания – повседневная жизнь общества в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка. В материале используются новые ранее закрытые архивные материалы, включая и документы архива ОГПУ–НКВД. Рассмотрение Е. А. Осокиной уровня жизни советского общества в целом и крестьянства в частности являлось весьма примечательным явлением для исторической науки 1990-х гг.

На региональном уровне вышла солидная работа проф. К. Н. Максимова, исследующая социально-классовую политику партии и общественно-политические процессы в калмыцкой деревне [Максимов 2004] и др.

В 1990-е гг. изучение политики советского государства стало отходить на задний план, а наука сделала резкий поворот в социальную область. Исследователей стали больше интересовать социальные аспекты истории. Активизации отечественных историков по изучению крестьянства в значительной мере способствовали работы иностранных авторов, где социальная история была популярна еще с 1960-х гг. Поэтому западная историография имела большой методологический и теоретический багаж в изучении рассматриваемых проблем, который активно усваивался отечественными учеными в последнее десятилетие XX столетия.

Среди первых переводных работ, способствовавших росту интереса к социальной истории в России, следует назвать исследование общеметодологического характера Л. Холмса, а также статьи Т. Шанина и Д. Скотта, непосредственно посвященные изучению крестьянства [Холмс 1994; Скотт 1992].

В отечественной исторической науке 1990-х гг. большое внимание уделялось рассмотрению роли и места крестьянства в общественно-политических процессах, их поведение и взаимоотношения с властью. Серьезная работа по изучению социальной психологии и политического поведения крестьянства в 1930-е гг. была проделана В. Т. Анисковым, С. В. Яровым, Д. Х. Ибрагимовой, М. М. Кудюкиной [Анисков 1993; Яров 1999; Ибрагимова 1997]. Проблема поведения крестьянства в рамках колхозной системы была поднята М. А. Безниным и Т. М. Димони [Безнин, Димони

1999: 81–100]. Отдельные аспекты крестьянской жизни рассматривались в работах Е. А. Осокиной, М. А. Вылцана, Ю. П. Бокарева, в которых ученые предпринимают попытки анализа не только социально-экономических и политических аспектов постановки проблем, но и социокультурного контекста событий рассматриваемого периода [Осокина 1999; Вылцан 1995: 364–387; Бокарев 1996: 28, 72–91]. В частности М. Вылцан относит историю единоличных хозяйств к малоизученным проблемам и это связано, прежде всего, с тем, что внимание исследователей длительное время было сосредоточено на коллективизации, колхозах и колхозниках. А источниковая база по динамике и социокультурному положению единоличных хозяйств в годы коллективизации была весьма ограничена, сведения о них были достаточно скудны.

Историческая наука все чаще и все больше внимания стала обращать на изучение социальной политики советского государства [Криворучко 1992: 111–116; Ващук 1999 и др.].

В целом на данном этапе историография совершила качественный скачок. Исследователями были пересмотрены методы и масштабы крестьянского сопротивления в 1930-е годы. Некоторые историки сделали заключение, что борьба крестьянства с властью в 1930-х гг. приняла всеобщий характер и активно велась в большинстве районов страны.

С точки зрения итальянского ученого А. Грациози, события, происходившие в советской деревне в 30-е гг., были ничем иным, как «величайшей крестьянской войной» [Грациози 2001: 6]. Отечественный историк-аграрник И. Е. Зеленин в одной из своих статей также употребил термин «Крестьянская война» по отношению к зиме-весне 1930 г. и подчеркнул, что в 1931–1932 гг. эта война разгорелась с новой силой [Зеленин 1994: 34]. В настоящее время термин «крестьянская война», применительно к эпохе коллективизации признается многими исследователями. В то же время отдельные авторы масштабы сопротивления сельского населения в годы коллективизации сводили до минимума. Так, по мнению В. А. Красильщикова, широкие слои крестьянства являлись надежной опорой и поддерживали все проводимые властью мероприятия по модернизации страны. «Коллективизация, – от-

мечал В. А. Красильщиков, – отвечала уравнительным настроениям большей части крестьян, которые за годы нэпа не хотели и не смогли приспособиться к рыночным отношениям» [Красильщиков 1998: 94]. Заметным явлением научной жизни 1990-х гг. явился выход специальных сборников, посвященных изучению крестьянства [Крестьяноведение: 1996; Судьбы российского крестьянства: 1996]. Крупнейшим достижением российской науки в 1990-е–начале 2000-х гг. стала, на наш взгляд, публикация серии документальных сборников, посвященных истории коллективизации и жизни советской деревни в 1920–1930-е гг. под общим названием «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927–1939». Эти публикации осуществлены совместными усилиями российских и зарубежных историков [Скотт 1992: 5–17; Шанин 1993; Мандра 1994: 33–42].

В постсоветский период появились интересные и новаторские работы иностранных ученых-историков, в них оценки коллективизации, раскулачивания и голода 1932–1933 гг. практически совпали с отечественной историографией: А. Грациози, Р. У. Дэвиса, Л. Виолы, М. Б. Таугер, Ш. Мерль, Р. Конквеста, Ш. Фицпатрик, С. Г. Уиткрофт и др. [Davis 1991: 92–108; Грациози 2001; Мерль 1995: 49–61; Таугер 1995: 298–332; Фицпатрик 2001; Уиткрофт, Дэвис 1998: 95–109]. Работы этих зарубежных исследователей сыграли важную роль в формировании и развитии новой отечественной историографии коллективизации.

Усилиями отечественных специалистов В. Кондрашина, С. Никольского и др. получила развитие разработка вопросов крестьяноведения. В их работах крестьянство рассматривается как цельное особое явление [Кондрашин 2001; Никольский 1990]. Методологическим ключом их работ стало теоретическое наследие русских ученых А. В. Чайнова, Н. П. Макарова, А. Н. Челинцева и других основоположников теории крестьянского хозяйства и кооперации.

1990-е гг. и начало XXI в. стали периодом активного осмысления не только таких важнейших социальных преобразований, как индустриализация и коллективизация, но и голода 1932–1933 гг., который стал символом сталинской эпохи в истории России

[Кондрашин, Пеннер, Диана: 2002; Кондрашин 2008; Хубова 1995: 67–88].

Довольно широко, особенно в постсоветское время, проблемы социалистического переустройства сельского хозяйства и промышленности, развития национальных культур, социальной сферы рассматривались не только в масштабах всей страны, но и отдельных регионов. Они вносят неоценимый вклад в изучение истории России. В ряду этих работ заметным явлением в историографии проблемы стали монографии известного калмыцкого ученого, профессора К. Н. Максимова [Максимов 2002; История национальной государственности 2000] и др.

Современная историография постепенно преодолевает партийный, классовый подход, сложившийся в ней в советский период, когда отечественная история в хронологическом отношении прерывалась 1917 г., дореволюционная история и история советской России не стыковались и противопоставлялись друг другу. Противоположение советского и дореволюционного периода было необходимо советским обществоведам для подчеркивания величайшего значения Октябрьской революции в жизни российского государства и общества, а экономическое сопоставление – для демонстрации крупнейших побед советской власти во всех областях жизни. В большинстве работ постсоветского периода история Отечества рассматривается в единстве, в хронологической, а не политической последовательности. Нельзя прерывать отечественную историю 1917 годом, Октябрьской революцией, каким бы грандиозным событием, «началом новой эры» оно не представлялось в некоторых умах. Противопоставление и тем более обрывание единого исторического процесса – это тупиковый исследовательский путь, приводящий к искажению подлинной истории. История страны должна рассматриваться в динамике, в единстве, во всем ее многообразии, с ошибками и успехами, катаклизмами и объективными закономерностями. Представляется, что в научном отношении – это наиболее правильный и перспективный путь, который позволит раскрыть богатейшую и неповторимую историю России.

В последнее десятилетие на региональном уровне стала активно исследоваться проблемы модернизации аграрного сектора в

1930-е гг. [Бадмаева 2010]. В монографии подробно рассматривается социально-экономическое развитие нижеволжской деревни в период проведения нэпа, коллективизации сельского хозяйства, проведен тщательный анализ репрессивной политики государства в отношении крестьянства, подробно раскрыты причины и показаны масштабы голодных бедствий 1921 и 1933 гг.

В работах В. Н. Данилова исследуется работа чрезвычайных органов власти в военный период [Данилов 1996; Данилов 2002]. Автор рассматривает военно-организаторскую деятельность комитетов обороны, отмечает их роль в решении проблем жизнеобеспечения населения в военный период, в обеспечении продовольственного снабжения, организации работы учреждений культуры и общественного питания, реализации противозидемических заболеваний, размещении эвакуированного населения. В указанных трудах нашла отражение деятельность некоторых местных комитетов обороны регионов РСФСР. В 1990-е гг. появились исследования, посвященные истории крестьянства в военный период. Среди них необходимо отметить работы М. А. Вылцана, В. Т. Анискова, В. Я. Мачнева. М. Вылцан отмечает тяжелое продовольственное положение в деревне в военный период, поднимает проблему голода среди сельского населения. Автор рассмотрел последствия голода, среди которых указал на распространение специфических для военного времени заболеваний цингой, дистрофией, септической ангиной. Им, на основе богатого архивного материала, исследована работа сельских парторганизаций, Советов и колхозов в области продовольственного снабжения сельчан, их материально-бытового обеспечения, отмечено, что «потребность колхозников в овощах колхоз удовлетворял на 15–20 %, а выдача мяса и молока, если не считать расходов на общественное питание, вообще не производилась» [Вылцан 1995]. В обеспечении продовольствием, отмечает автор, большое значение имело личное подсобное хозяйство колхозников, при этом значительная часть производимой продукции отходила государству в виде заготовок. Поэтому избежать в военное время голода не удалось. Кроме того, М. А. Вылцан в исследовании уделяет внимание работе сельских партийных и советских организаций в области организации торговли,

оказания помощи остро нуждающимся категориям населения, для которых открывались столовые, организовывалось снабжение товарами первой необходимости. В монографии нашли отражение некоторые сведения о деятельности местных партийно-советских организаций отдельных регионов России, однако их работа на территории Нижнего Поволжья автором не рассматривается. В. Т. Анисков в своих исследованиях рассмотрел трудности советской деревни в военный период [Анисков 2003; Война и судьбы российского крестьянства 1998]. Особое внимание автор уделил анализу ее производительных сил, показал продовольственное положение деревни, особенности работы медицинских и культурно-просветительных учреждений на селе. Автор исследует проблему организации решения материально-бытовых, продовольственных, жилищных проблем.

Состояние сельскохозяйственного производства в Поволжье в военный период раскрыл В. Я. Мачнев [Мачнев 1998]. Автор показал вклад сельских тружеников в решение проблем обеспечения Армии и мирного населения Поволжья продовольствием. Вместе с тем, социальные проблемы крестьян в Поволжье в военный период не явились предметом исследования.

Проблема организации медицинской помощи населению стала предметом ряда научных работ. В монографии Л. И. Рогачевой нашла отражение проблема охраны детства в военный период [Рогачева 2000].

Особо ценным для настоящего исследования имеют работы региональных ученых-историков, посвященных проблемам работы местных властных органов в военных условиях [Максимов 2013; Бадмаева 2013: 316–320]. Бадмаева Е. Н., рассматривая в своих работах проблемы Великой Отечественной войны, анализирует и решение продовольственных проблем населения в военный период. Автор, основываясь на архивном материале, рассматривает снабжение колхозников продовольствием, промышленными товарами и одеждой.

В исследованиях проф. Максимова К. Н. рассматриваются вопросы мобилизации материальных и людских ресурсов Калмыкии в годы Великой Отечественной войны. Автор обращает внимание

на мобилизацию военнообязанных и призывников республики, на обеспечение Красной Армии техникой, лошадьми, организацию сбора теплых вещей, денежных средств, продуктов питания. В результате проведенной архивной работы автором были выявлены сведения о количественном составе уроженцев Калмыкии, категориях военнослужащих-калмыков, участвовавших в Великой Отечественной войне, что позволило наиболее полно отразить значимые события в истории Калмыкии военного периода [Максимов 2010; 2007, 1982; 1981; 2005: 26–29; 2010: 160–163; 2006: 74–80; 2010: 4–13 и др.].

В работах калмыцких ученых Убушаева В. Б. и Убушаева К. В. показан вклад народов Калмыкии в организации помощи фронту, в достижение Победы. Авторы рассматривают опыт государственного строительства на территории Калмыкии в годы войны, особенности решения кадровых проблем в регионе, роль местной рыбной промышленности в снабжении населения республики продовольствием [Убушаев, Убушаев 2007].

Некоторые проблемы социальной политики, реализуемой в регионах нашей страны, в том числе продовольственное снабжение населения, нашли отражение в научных сообщениях на конференциях, посвященных военной тематике [Кринко 2012: 264–270; Бадмаева 2013: 290–298].

Интерес для настоящего научного исследования представляют материалы конференций, проведенных в Калмыкии и посвященных Великой Отечественной войне [Вклад регионов Юга России 2010; Строительство железной дороги 2012; Вклад народов Северного Кавказа 2005].

На научных конференциях обсуждались проблемы деятельности местных властных структур Калмыкии в военный период, боевые действия на территории Калмыкии, работа социально-бытовых учреждений, организаций здравоохранения и транспорта [Басхаев 2005: 61–63; Gladkova 2005: 64–66; Бадугинова 2010: 140–145; Иджаева, Бадмаева 2010 199–203].

Вопросы эвакуации населения, имущества и скота с территории Калмыкии в конце июля 1942 г. раскрыли Горяев М. С. и Gladkova С. А. Главной причиной срыва эвакуации они назвали

запоздалые указания из центра и поздние решения местных руководителей. По мнению исследователей, власти на местах не смогли должным образом справиться с поставленной задачей из-за отсутствия проработанных планов эвакуации, грубых просчетов, а также нехватки времени и транспорта [Горяев 2001: 95–110; Гладкова 2001: 65–95].

Одним из методологических инноваций в последнее время становится повышенный интерес к человеку в истории, обращение к повседневной жизни населения Калмыкии на оккупированной территории, гендерные исследования [Бадмаева 2014: 96–100; Бадмаева 2014: 183–187].

В целом, работы калмыцких историков последнего времени свидетельствуют о большой исследовательской работе, проведенной ими по изучению интересующей нас проблемы и подготовке необходимой историографической основы для перехода к созданию обобщающего исследования. Заслуга их состоит и в том, что они ввели в научный оборот огромный массив первичных источников по Калмыкии и смогли объективно осмыслить их в контексте исторического развития России в XX в. Однако, несмотря на то, что учеными-историками изучены многие документальные источники, осуществлены исследования отдельных социально-экономических мероприятий, проводимых в 1930-е–1940-е гг. и в военный период, в историографии далеко не все направления работы региональных органов власти в этом направлении всесторонне изучены и нуждаются в дальнейшем изучении.

Таким образом, проведенный анализ историографии показывает, что изучение социально-экономического положения Калмыкии в 1930–1943 гг. и реализации аграрной политики советского государства на примере национального региона, по сути, еще только начинается. Работы, рассматривавшие эти проблемы, в основном носят общий характер. Ещё менее разработанной является конкретная проблема – продовольственный вопрос и продовольственные трудности в эти годы.

§ 2. Источниковая база исследования

Изучение социально-экономического положения Калмыкии и вопросов продовольственного обеспечения населения региона в указанный период предопределили использование в настоящем научном исследовании различных исторических источников: архивные материалы, документальные публикации, документы личного происхождения (письма, переписка), документы и материалы ЦК КПСС и советского правительства по экономическим и социальным вопросам, данные государственной статистики, социологических исследований, мемуарная литература и материалы периодической печати.

Недостаточная разработанность, сложность, многоплановость темы исследования обусловили, с одной стороны, особую значимость ее источниковой базы, с другой – большую ответственность автора в ее использовании.

Важнейшей группой источников по избранной теме явились архивные материалы. Именно они в совокупности обеспечили возможность сложить из мозаики многочисленных факторов и явлений целостное представление о социально-экономическом положении в Калмыкии в 1933–1943 гг. и продовольственной проблеме в республике, выявив ее особенности и тенденции. Весьма значительный по объему архивный материал позволил в полной мере раскрыть данную проблему.

При исследовании научной темы использовались архивные материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), Научного архива Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).

Основной массив материалов по аграрной истории России XX века: декреты, постановления и циркуляры центральных и местных органов власти, определявшие отношение государства к указанной проблеме – итогам и результатам коллективизации, раскулачиванию, голоду 1933 гг., антирелигиозной политике, в том

числе изъятию церковных ценностей, «большого террора» сосредоточен в фондах ГА РФ. Так, ряд изученных документов ЦИК СССР [ГА РФ. Ф. 3316] и ВЦИК [ГА РФ. Ф. 1235] позволил убедиться в том, что высшие законодательные органы страны являлись лишь исполнителями и проводниками политики, проводимой центральными органами ВКП(б). Вместе с тем данные фонды дали возможность получить разнообразный материал о содержании, особенностях и направленности проводимой в тот период социальной политики и механизмов ее реализации. Материалы фонда ЦСУ РСФСР [ГА РФ. Ф. 374] позволили изучить количественные и качественные характеристики уровня социального обеспечения и здравоохранения в деревне исследуемого периода, которые доказаны региональными материалами [ГА РФ. Ф.Р.-1064]. Фонд ЦК помощи голодающим (ЦК Помгол) при ВЦИК содержит докладные записки, справки, сводки о мероприятиях в помощь голодающему населению. Материалы фонда [ГА РФ. Ф.Р.-5263] Постоянной Центральной Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР (1922–1934 гг.) позволили изучить переписку областных органов власти с местными религиозными организациями и ВЦИКом, письма-жалобы верующих в ВЦИК, лично М. И. Калинину о непосильном налогообложении, закрытии церквей и т. д.

В фонде отдела здравоохранения [НА РК. Ф.Р.-9] выявлены источники, освещающие трагические страницы населения КАО в 1932–1933 гг., статистические сведения о социальных заболеваниях, количестве умерших. Дела улусных исполкомов и советов [НА РК. Ф.Р.-21, 43, 49] включают постановления улусных исполкомов, переписку со статистическими данными и отчетами, сведения о количестве голодающих – взрослых и детей, о беженцах, больных, инвалидах и т. д.

Документы Российского государственного архива экономики дополнили соответствующую картину, главным образом, материалами информационно-статистического и аналитико-динамического характера. Так, материалы Народного комиссариата земледелия РСФСР [РГАЭ. Ф. 478] и Колхозцентра СССР и РСФСР [РГАЭ. Ф. 7446] обеспечили исследование материалами, характеризующими динамику кооперативного движения в деревне, реальный

уровень и темпы коллективизации крестьянских хозяйств. Кроме того, фонды РГАЭ включают документы многоотраслевых органов кооперативных организаций (Промкооперации) и ряда других учреждений (Выставки достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ), Совета по изучению производительных сил, Института экономики Госплана и др.).

В фонде Наркомата РКИ СССР [ГА РФ. Ф.374] удалось обнаружить сведения о союзной и низовой сети кустарно-промышленной кооперации.

Автором исследования изучены документы в фондах Наркомата земледелия [РГАЭ. Ф. 478] – приказы, директивы, материалы обследований, позволяющие проанализировать деятельность земельных управленческих структур по развитию земледелия, а также богатейшие статистические материалы о посевных площадях и других показателях производственной деятельности. Из фонда Центрального союза потребительских обществ СССР (Центросоюз СССР) [РГАЭ. Ф. 484] почерпнут содержательный материал для получения данных по кооперативному движению в регионах Нижнего Поволжья.

В фонде Наркомпрода СССР [РГАЭ. Ф. 764] отложился особо ценный материал по продовольственной ситуации в стране, в том числе и в Нижнем Поволжье. Кроме того, изучены документы областного продовольственного комитета Калмыцкого ЦИКа [НА РК. Ф.Р-22].

В процессе исследования продовольственных проблем в Калмыкии, а также снабжения населения продовольствием и промышленными товарами также использовались документы РГАЭ. Так, из фонда [РГАЭ. Ф. 8040] Народного комиссариата заготовок СССР почерпнуты сведения о состоянии сельского хозяйства и возможностях продовольственного снабжения населения. Особо ценные документы имеются в фонде ЦСУ СССР [РГАЭ. Ф. 1562]: сводные годовые отчеты колхозов, итоги переписей скота, сведения о динамике и экономических параметрах хозяйств колхозников и единоличников, бюджеты колхозов, позволившие проследить развитие сельского хозяйства, как в стране, так и в Калмыкии. Материалы переписи населения, сектора социальной

статистики [РГАЭ. Оп. 19], отдела демографии [РГАЭ. Оп. 20] и Бюро Всесоюзной переписи населения [РГАЭ. Оп. 336] дают сведения о численности населения Нижнего Поволжья, в том числе КАССР и особенностях миграционных потоков, что выявлялось в ходе переписей и других единовременных обследований. Все эти материалы до середины 1920-х гг. образовали комплекс основных документов фонда ЦСУ. Параллельно с этим налаживалась статистика на базе текущего учета и отчетности предприятий, учреждений, организаций. К концу 1920-х гг. эта статистика становится основной, образуя большую часть материалов. В начале 1930-х гг. происходят две крупные реорганизации, существенно повлиявшие на структуру и содержание документов фонда. Первая – подчинение всего статистического дела складывающейся централизованной плановой системе. ЦСУ ликвидируется и превращается в экономико-статистический сектор Госплана СССР, затем заменяется учетом – создается Центральное управление народно-хозяйственного учета при Госплане СССР (ЦУНХУ). Материалами ЦУНХУ автор воспользовался при подсчете жертв голода 1932–1933 гг. Конкретизация приведенных в исследовании сведений осуществлялась на основе использования материалов региональных государственных архивов. Особый интерес представляют документы статистического бюро, отдела ЦИК КАО, образованного в январе 1921 г. Ценными источниками по теме нашего исследования являются отчеты, статистические ежегодники, характеризующие состояние Калмыцкой автономной области, особенно ее экономики. В делах фонда имеются сведения о количестве скота, размерах посевной площади, наличии сельскохозяйственного инвентаря и т. д., однако для получения целостной картины по проблематике темы использовалась обобщающая статистика, основанная на общереспубликанском материале. При этом автор сознательно не выделял специфику национальных образований, полагая, что она может стать предметом специальных исследований.

Особую группу источников представляют документы РКП(б) – ВКП(б): документы центральных партийных органов (директивные письма ЦК РКП(б), протоколы заседаний Оргбюро ЦК ВКП(б), стенограммы заседаний Отдела агитации и пропаганды

ЦК РКП(б), протоколы Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) [РГАСПИ. Оп. 3, 21, 60, 84, 112, 113], [ГА РФ. Ф.Р.-130, Р.-5451]. Они дают представление о социально-экономическом курсе страны в целом, основных направлениях политики партии в деревне и их постепенном изменении, стратегии и тактике, формах антирелигиозной борьбы. Материалы организационно-распределительного отдела [РГАСПИ. Ф.17. Оп. 67, 68, 69], организационного бюро и секретариата [РГАСПИ. Оп. 113, 114], информационного отдела ЦК [РГАСПИ. Оп. 32] позволили проследить директивную, организационную и распорядительную роль центральных партийных органов по разработке и формированию классово-дифференцированной политики по отношению к крестьянству.

В фондах ГА РФ представлены материалы, характеризующие основные направления социально-экономического положения Калмыкии в военный период. Так, в фонде А-410 с материалами Министерства торговли РСФСР содержатся постановления, протоколы, сводные отчеты по вопросам товарооборота, организации общественного питания, ценообразования и др.

При этом особую ценность для настоящего исследования составили различного рода информационно-аналитические материалы о социально-экономической и политической ситуации в различных регионах, включая Калмыкию, Нижнюю Волгу и в целом по стране, малоизученные статистические и общественно-политические данные о социальном расслоении крестьянства в 1930-е гг., о характере процесса ликвидации кулачества, об административных рычагах подгонки темпов коллективизации, о характере направленности и масштабах крестьянского сопротивления радикальному аграрному курсу советской власти. Большую ценность представляет содержащийся в бывших партийных архивах критический материал о работе различных хозяйственных органов, отдельных советских и партийных руководителей. Значительное количество дел хранится в ранее засекреченной части [НА РК. Оп. 10 с]. Эти дела в основном касаются политического положения, борьбы с местными и пришлыми формированиями, выступавшими против советской власти, противоправных действий по отношению к местному населению некоторых красноар-

мейских частей, призванных покончить с этими формированиями и навести порядок в КАО, процесса раскулачивания зажиточных крестьян. Особо выделены материалы по выявлению врагов партии и народа, вредителей, чуждых элементов и т. д. Массовые чистки партии, проверки партийных документов в 1921–1936 гг. явились составной частью репрессивной политики диктаторского режима государства и составили основной массив документов по «Большому террору» в 1934–1938 гг. в этом фонде НА РК. Эти документы впервые вводятся в научный оборот.

Значительная часть источникового материала была выявлена в фондах Калмыцкого облисполкома [НА РК. Ф.Р.-3], которые позволили проследить за социально-экономическими процессами, происходившими в Калмыкии, дать динамический анализ реализации классово дифференцированного подхода в социальной политике в деревне и оценить масштабы и последствия социального террора в 1930–1940-х гг. Здесь же был исследован ряд материалов, характеризующих численность, характер, и направленность крестьянских выступлений накануне и в период завершения сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, проявления и масштабы голода 1932–1933 гг., повседневную жизнь колхозной деревни в период Великой Отечественной войны.

Важную информацию хранят фонды НА РК [Ф.П.-1] Калмыцкого обкома партии, [Ф.П.-22] Калмыцкого ЛКСМ, [Ф.П.-68] Эркетеневской улусной контрольной комиссии ВКП(б), [Ф.П.-9] Сарпинского райкома КПСС и КППРФ. При анализе социально-экономического положения республики были использованы протоколы республиканских, улусных партийных конференций, пленумов, заседаний бюро, секретариата обкома Калмыцкого ВКП(б). Справки, отчеты, докладные записки о состоянии сельского хозяйства, хлебоуборки, мясо и хлебозаготовок, об итогах сельскохозяйственных работ республики применялись при исследовании продовольственной проблемы населения Калмыкии. Протоколы, решения партийных комитетов по вопросам сельского хозяйства позволили вскрыть имевшиеся проблемы в ряде улусов республики.

Особенно активно при написании научно-исследовательской работы использовались материалы, характеризующие социально-

экономическую деятельность республиканских, городских, улусных Советов депутатов трудящихся КАССР, их исполкомов, отделов и постоянно действующих комиссий [Ф.Р.-1] Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР, [Ф.Р.-131] Совета Народных комиссаров Калмыцкой АССР, [Ф.Р.-76] Исполнительного комитета Уланхольского улусного Совета депутатов трудящихся, [Ф.Р.-169] Исполнительного комитета Лаганского улусного Совета депутатов трудящихся. Материалы о деятельности сельских, городских и поселковых Советов, отчеты, информации и справки о работе их постоянно действующих комиссий, о выполнении первой и второй пятилеток позволили охарактеризовать основные направления социально-экономического развития республики, проанализировать комплекс мероприятий, проводимых указанными органами в целях решения продовольственной проблемы.

Характер реализуемой в Калмыкии социальной политики отражают документы отделов, работавших при исполнительных комитетах местных Советов: социального обеспечения, торговли, здравоохранения и др. [Ф.Р.-61] Отдела социального обеспечения Сарпинского района.

Следует отметить, что различные отчеты и справки местных Советов Калмыцкой АССР являются носителями не только статистических материалов, но и указывают на важнейшие социально-экономические проблемы. В ходе настоящего исследования использовались пятилетние, годовые, квартальные справки и отчеты наркоматов; статистические сведения о наличии продовольственных товаров и торговли хлебом; доклады о восстановлении сельского хозяйства республики; о сельскохозяйственных заготовках и уборке урожая зерновых; численности скота; сведения о выдаче продовольственных карточек; заготовке сельхозпродуктов, сосредоточенные в фонде [Ф.Р.-90] Госплан КАССР.

Кроме того, фонд [Ф.Р.-68] Комиссии при СНК КАССР по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного им ущерба народному хозяйству республики позволил исследователю оценить масштабы нанесенного немцами во время оккупации непоправимого ущерба народному хозяйству Калмыкии.

Основу источниковой базы исследования составили в основном как архивные материалы, вошедшие в известные публикации, сборники, так и извлеченные и введенные нами в научный оборот. Особенно большую и важную информацию по интересующей нас проблеме содержат материалы целого ряда фондов НА РК, представляющие собой как оригинальные документы и работы, так и копии дел, хранящихся в архивах гг. Москвы, Астрахани и др.

В работе с архивными источниками имелись и трудности. В большинстве из них содержится материал, характеризующий развитие сельскохозяйственного производства, социальной сферы в деревне в целом. Имеет место использование разных методик определения тех или иных экономических показателей. Существуют различные пробелы в отчетности за отдельные годы. Особенно это касается различного рода статистических материалов, которые зачастую содержат трудно сопоставимые данные, имеют недостаточную репрезентативность. К примеру, в некоторых национальных регионах на достаточно низком уровне велась статистика или она отсутствовала вообще. В частности, в Калмыцкой автономной области это объясняется тем, что накануне и в период проведения коллективизации в отдельных аймаках (селах) местное руководство в большинстве своем было малограмотным, и потому учет численности населения велся недостаточно грамотно. Численность скота определялась ориентировочно, и выявить точное количество имевшегося скота стало для нас весьма трудной задачей. В некоторых деревнях картина учета и отчетности тоже велась на низком уровне или совсем не велась. В то же время в исследовании учтена специфика других организационных форм. Там, где это представлялось возможным, использовались обобщающие статистические данные.

В определенной мере поиск источников осложнялся и рядом проведенных изменений в административно-территориальном устройстве РСФСР и административно-территориальном делении Калмыцкой АССР в 1930-е – начале 1940-х гг. Как известно, 4 ноября 1920 г. была образована Калмыцкая автономная область, в 1928 г. она вошла в Нижне-Волжский край, в 1934 г. – в Сталинградский край. В 1935 г. область была преобразована в Калмыцкую

АССР. Внутри национальной территории часто проводились административно-территориальные изменения. Проводимые изменения приводили к частой переподчиненности архивов и потому некоторые сведения носят разрозненный и противоречивый характер. Все это не позволяет составить обобщающие статистические таблицы, данные которых полно характеризовали бы советскую социальную политику в деревне в 1920–1940-е гг. и ее результаты. Вместе с тем, при всей неравнозначности, определенной неполноте отдельных использованных источников, в совокупности они обеспечили возможность проведения конкретно-исторического анализа основных направлений политики советского государства в калмыцкой деревне, реализации продовольственных задач.

Источниковая база работы включает в себя так же опубликованные архивные материалы и документы по различным периодам и аспектам социально-экономической политики 1930–1940-х гг. Новейшими среди них являются изданные за последние годы документы и материалы по проблемам крестьяноведения, коллективизации, раскулачивания и крестьянского движения [Трагедия советской деревни. Т. 1. 1999; Трагедия советской деревни. Т. 3. 2000].

Важную группу источников директивно-политического характера составили опубликованные документы центральных органов ВКП (б): материалы съездов, резолюции ряда конференций и пленумов ЦК.

Основным источником нормативного характера явились опубликованные постановления высших органов государственной власти ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, собранные в сборнике Узаконений РСФСР (СУ РСФСР) за исследуемый период. Вскрыть недостатки и проблемы в указанной области, а также оценить эффективность мероприятий в военное время, нацеленных на их разрешение, помогли материалы, представленные в сборниках документов [Важнейшие законы 1946; Законодательные и административно-правовые 1943; Сборник важнейших приказов 1944; Собрание постановлений 1943; Собрание постановлений 1941 и др.].

Ценными источниками нормативного характера явились опубликованные указы и постановления, законы, инструкции, ди-

рективы государственных и руководящих политических органов страны, опубликованные в «Сборнике узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», «Сборнике законов и постановлений рабоче-крестьянского правительства СССР», «Сборнике постановлений и распоряжений правительства СССР», «Решениях партии и правительства по хозяйственным вопросам». Для изучения социально-экономического положения в стране, в том числе в Калмыкии, продовольственной политики государства, значимый интерес представляют опубликованные документы в многотомном издании «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)», изданные в 2001–2008 гг. [Лицом к деревне 1924; Индустриализация Нижнего Поволжья 1984; Сборник документов 1954; Решения партии и правительства 1967; Установление и упрочение 1973; «Совершенно секретно»; Калмыкия в годы 2005 и др.]. Кроме прочих документов, они содержат материалы о реализации продовольственной политики. В сборнике документов с материалами региональных властных структур Калмыкии содержится информация о деятельности местных Советов, их исполкомов и партийных органов, докладные записки о ходе восстановления хозяйства в республике.

Значительные материалы по характеристике социально-экономической политики получены при изучении различного рода статистических сборников как центрального, так и регионального уровня. Данные официальной статистики 1930–1940-х гг. зачастую содержат противоречивые, а то и вовсе неверные показатели, тем не менее, они позволяют выявить объективные тенденции тех или иных социально-экономических процессов с достаточной степенью достоверности [Статистический справочник 1934; Статистический сборник 1923; Народное хозяйство СССР 1977 и др.]. Так, в статистическом сборнике, содержащем сведения по РСФСР, приведены подробные данные, показывающие динамику в развитии советского общества в рассматриваемый период, которые позволили оценить показатели оборота торговли и общественного питания, степень обеспеченности населения продовольственными и промышленными товарами, данные о нормированном снабжении населения, динамике цен на продовольствие, позволяющие

охарактеризовать остроту социальных проблем не только в военный период.

При исследовании проблем социально-экономических процессов в деревне в качестве источника использованы материалы ряда центральных и региональных периодических изданий [Статистический справочник 1934; Статистический сборник 1923 и др.]. Хотя газетные и журнальные публикации того времени носили не столько информационный, а сколько пропагандистско-идеологический характер, автор исследования учел тот факт, что вместе с тем они содержат значительный фактический материал.

Особым источником для настоящего исследования явилась мемуарная литература – воспоминания участников и очевидцев событий 1930–1940-х гг. Живая коллективная память народа – это национальное богатство, величайшая культурная ценность общества. Подобные воспоминания содержат фактические сведения об организуемых в Калмыкии социальных мероприятиях, в них уделялось внимание проблемам продовольственного снабжения населения [Алексеев 1963; Манджиев 1963; Маслов 1962].

Значительную ценность для настоящего научного исследования представляют материалы центральной и региональной печати. Материал периодических изданий представлен в виде отдельных заметок, статей, информации, очерков. В них публиковались официальные материалы, постановления центральных и местных партийных и государственных органов, краткие информации о содержании и характере их деятельности в области решения социально-экономических проблем населения. Кроме того, материалы, публикуемые в печати, содержали фактические сведения о материально-бытовых проблемах населения. Так, на страницах газет «Известия», «Правда», «Волга», Экономическая жизнь, Известия, Труд, Калмыцкая область (Астрахань), Калмыцкая степь (Астрахань), Наш край (Астрахань), Жизнь национальностей, Ойратские известия (Астрахань), Теегин герл (Калмыкия), Известия Калмыкии (Калмыкия), Ленинский путь (Калмыкия), Советская Калмыкия (Калмыкия) и др. печатались выступления партийно-государственных руководителей, решения центральных и региональных властных органов, материалы о состоянии социально-экономиче-

ского положения и социальной сферы. Местные периодические издания Калмыкии позволили исследовать особенности реализации постановлений высших и региональных партийно-государственных органов власти, направленных на решение социально-экономических проблем в Калмыкии. В региональной периодической печати представлены не только материалы о социальной политике властных органов, но и информации, характеризующие деятельность самого населения, трудовых коллективов, общественных организаций в области решения социальных задач. Большую ценность для настоящего исследования представляют имеющиеся в газетах сведения о многочисленных нарушениях в сфере снабжения, торговли и общественного питания. Так, в газете «Ленинский путь» особую ценность представили материалы о проведении и завершении коллективизации, голоде 1932–1933 гг., продовольственных трудностях в годы 1-й пятилетки, восстановлении республики после оккупации 1942 года. Кроме того, интересны сообщения о роли местной продовольственной базы республики в решении продовольственной проблемы. В вышеуказанном периодическом издании эта проблема рассмотрена, в частности, на примере работы рыбозавода «Улан Хальмг».

Немало исследователей занималось одной из ключевых тем аграрной истории России XX в. – коллективизацией и неразрывно связанным с ней голодом 1932–1933 гг. Этой теме посвящено много интересных публикаций. Учитывая данное обстоятельство, автор данного исследования расширил ее источниковую базу за счет привлечения свидетельств очевидцев, живых свидетелей эпохи – крестьян, непосредственно переживших голод. В частности, важным для исследования источником стали материалы анкетирования и опроса свидетелей голода 1932–1933 гг., проведенного автором в сельских районах Республики Калмыкия. В 59 селах и 10 районных центрах республики с помощью специально составленной анкеты и диктофона были проинтервьюированы 225 очевидцев, переживших в Калмыкии голод 1932–1933 гг., записаны их воспоминания. Нами не отрицается ценность свидетельств очевидцев. Мы с огромным уважением относимся к людям, пережившим эти голодные годы во время проведения коллективизации,

но с научной точки зрения возможности такого рода источника ограничены. Поэтому они использованы в комплексе с другими, не менее значимыми источниками.

Выявленные в ходе исследования и введенные в научный оборот источники существенно расширяют источниковедческую базу по социально-экономическому развитию калмыцких территорий. Аналитический и фактический материал, содержащийся в работе, значительно обогащает историографию темы и является определенным приращением знаний по изучению социальной истории Калмыкии.

Исследование опирается на значительный комплекс исторических источников общего и регионального уровня применительно к изучению такого региона Российской Федерации, как Калмыкия. В нем раскрываются социально-экономические и общественно-политические последствия государственной политики в области сельского хозяйства и промышленности, социально-культурной сферы, продовольственного обеспечения в 1930–1940-е гг.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1930-е гг.

§1 Трансформация сельскохозяйственного производства

1930 годы XX в. характеризовались продолжением инновационного, модернизационного подхода преобразования России. Советская модель модернизации, по словам крупного российского ученого проф. А.С. Сенявского, продолжила развитие имперской модели модернизации, которые «в совершенно разных исторических условиях... последовательно решали (на разных стадиях и разными способами) одну и ту же задачу – переход от аграрного общества к индустриальному, от сельского к городскому» [Сенявский 2004: 119–124]. Модернизация первых послереволюционных десятилетий характеризуется применением радикальных мер, направленных на быстрейшее преодоление последствий гражданской войны и восстановление экономики страны. Различные методы управления и реформирования экономики, используемые властью, как показала практика, не всегда давали желаемые результаты. Новая экономическая политика с использованием экономических методов привела к существенному оживлению экономики, росту эффективности производства, помогла преодолеть тяжелейшие последствия голода 1921 г. Коллективизации с ее административными, административно-репрессивными методами управления ухудшила положение дел в сельской экономике, что во многом определило голодное бедствие 1932–1933 года. В соответствии с модернизационной парадигмой развития России, приоритеты советской политической элиты в этот период были нацелены, прежде всего, на создание современной промышленности экономически развитой державы. Деревня интересовала власть в основном с точки зрения получе-

ния зерна, столь необходимого для проведения индустриализации страны. Принудительные сельскохозяйственные заготовки, раскулачивание, командно-административные методы управления надолго затормозили развитие аграрного сектора, привели сельское хозяйство к кризисному состоянию. Деревня умирала, но с нее выжимали последние соки. Успехи в индустриализации были достигнуты, в основном, за счет крестьянства, репрессивной политики советского государства и дешевого принудительного труда. Модернизационные процессы, начатые в середине 1920-х гг. – коллективизация и индустриализация – и продолженные в 1930-е годы были насаждены сверху партийным руководством страны, их темпы форсировались, зачастую, в ущерб качеству жизни населения и самого процесса модернизации. Касательно первых двух послереволюционных десятилетий следует сказать, что основная часть населения страны не поддержало насильственно насаждаемые, неорганичные и несвоевременные реформы, которые провоцировали и предельно обострили социальную напряженность в советском обществе. Однако, по своей сути, модернизационная политика советской власти явилась событием мирового масштаба, хотя она так и не смогла решить многих актуальных для нее задач – не создала рынка товаров, капиталов, не обеспечила свободу личности и достаточного продовольственного обеспечения населения. И вместе с тем отрицать ее историческую значимость невозможно.

Представленное в параграфе исследование на основе концепции модернизации, в данном случае сталинской модернизации, позволяет нам глубоко исследовать процесс трансформации крестьянского хозяйства и сельскохозяйственного производства в Калмыкии в условиях перевода хозяйств из единоличной в коллективную форму хозяйствования. Трансформация в структурообразующих элементах аграрной сферы республики на рубеже 1920–1930-х гг. происходила в виде радикальных изменений, произошедших в результате коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания крестьянства, приведшие к образованию абсолютно нового социально-экономического уклада в деревне, основанного на принципах коллективного хозяйствования.

Для изучения продовольственного положения Калмыкии обратимся к рассмотрению развития основной отрасли сельского хозяйства – животноводства в период перехода от единоличной формы хозяйствования к коллективной в годы так называемого реорганизационного периода, т. е. в годы сплошной коллективизации. В Калмыцкой автономной области в 1929 г. у населения насчитывалось 1 238 754 головы скота всех видов, тогда как в 1917 г. – 1 116 888 голов. поголовье лошадей и верблюдов все еще отставало от довоенного уровня, составляя к нему 32,9 % и 25,5 % соответственно [Бадмаева 2009: 357]. В последующие годы в автономной области произошло довольно значительное сокращение численности скота. Такое же положение сложилось и в животноводческой отрасли в целом по стране – наметилось сокращение поголовья скота и объемов сельскохозяйственного производства. В большей степени это происходило из-за проводимой насильственной массовой коллективизации сельского хозяйства, силовой политики государства по отношению к крестьянству с целью изъятия скота для обеспечения все возраставших потребностей в мясной продукции промышленно развивающихся районов страны и Красной Армии. В 1929 г. были установлены обязательные плановые задания по сдаче мяса и зерна государству республиками, областями, районами и селами. Партийное руководство не было удовлетворено существующими темпами развития сельского хозяйства и тем более объемами госзаготовок. В решении этих вопросов государство возлагало большие надежды на коллективные хозяйства и совхозы. Однако колхозы и совхозы не стали основными производителями и поставщиками государству сельхозпродуктов, в том числе и мяса. Крестьяне упорно сопротивлялись принудительному обобществлению и в явных и скрытых формах выражали недовольство непомерными заданиями по сельскохозяйственным заготовкам. Своеобразным протестом против силовой политики государства являлись уничтожение ими скота, посевов, сельхозинвентаря. С переходом к насильственной коллективизации, осенью 1929 г. – зимой 1930 г., в стране началась массовая распродажа скота, вследствие чего произошло резкое сокращение поголовья животных. Убой и продажа скота были отмечены практически во

всех регионах страны. Только в Калмыкии в течение зимы–весны 1930 г., как отмечает проф. К. Максимов, поголовье скота сократилось на 30-35 % (приблизительно с 780 575 гол. до 530 790 гол., т. е. на 249 785 гол., в том числе около 100 тыс. голов скота пало от бескормицы зимой 1930–1931 гг.) А если сравнить с 1928 г., то к началу 1930 г. поголовье скота в области уменьшилось в 1,6 раза (по РСФСР – в 1,26 раза) [Максимов 2004: 56].

Факты конфронтации между властью и крестьянством нашли свое отражение в многочисленных донесениях ОГПУ, являющейся мощной базой информационной системы для власти. В январе 1930 г. федеральное руководство имело достоверную картину о массовом сбыте и убое продуктивного и рабочего скота в регионах страны, хотя потери животных были вызваны не только забоем животных, а рядом объективных причин: недостатком грубых и концентрированных кормов; массовой коллективизацией и нежеланием определенной части середнячества сдавать скот в колхозы сверх нормы, широко распространявшимися массовыми слухами о предстоящем изъятии скота и передаче его в колхозы [Советская деревня глазами 2003: 71–72]. Как результат, только на Северном Кавказе в октябре – декабре 1929 г. заготовка скота составила всего 276 тыс. голов.

Распродажа не обобществленного рабочего и продуктивного скота практиковалась и членами колхозов, причем, именно в тех из них, где принимались решения о стопроцентном обобществлении скота. Поголовье сокращалось с пугающей быстротой. Массовая распродажа и убой скота наблюдался и в Нижнем Поволжье и Калмыкии. Убыль крупного и мелкого скота в регионах Нижнего Поволжья достигала 50 % всего имевшегося в них скота [Панин 1997: 120]. Отрицательную роль в сокращении численности скота сыграли и целенаправленные действия заготовительных организаций и местных партийных органов власти. Только на октябрь – декабрь 1930 г. в Калмыкии было установлено плановое задание по заготовкам в 25 тыс. голов крупного рогатого скота, 35 тыс. голов овец, а всего в убойном весе – 4 110 т. [НА РК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 364 а. Л. 169]. Для выполнения такого плана мясозагото-

вок нужно было пустить под нож 50 % всего имеющегося крупного рогатого скота.

Социально-экономическая эволюция деревни вступала в принципиальное противоречие с искусственно насаждаемым госзаказом по заготовкам мяса и с массовым уничтожением скота крестьянином. Партийный принцип недопущения массового забоя скота отчетливо прослеживается в постановлении от 16 января 1930 г. «О мерах борьбы с хищническим убоем скота» [Свод законов 1930]. В нем прямо и четко говорилось, что райисполкомы могут лишать права пользования землей, а также конфисковывать скот и сельхозинвентарь у тех кулаков, которые сами хищнически убивают скот или подбивают к этому других. Очередное постановление Президиума Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета от 10 мая 1930 г. «О запрещении убоя на мясо приплода крупного рогатого скота 1930 г.» налагало запрет на убой молодняка текущего года и устанавливало обязательное выращивание молодняка крупного рогатого скота в племхозах, совхозах, учхозах и колхозах, расположенных в непосредственной близости к промышленным городским центрам [Известия Нижне-Волжского 1930: 173].

Этим документом было принято решение «распространить на колхозы, выращивающие молодняк крупного рогатого скота приплода 1930 г. в количестве, превышающем размеры нормального ремонта стада, а также единоличные хозяйства, выращивающие у себя дома молодняк, премирование из 1 проц. отчислений от единого сельхозналога». За нарушение требований статей 1 и 2 данного обязательного постановления устанавливался штраф, взыскиваемый в административном порядке в размере: в городах – до 50 рублей с заменой в случае неуплаты его принудительными работами на срок до 2 недель, а в сельских местностях – до 10 рублей с аналогичной заменой в случае его неуплаты [Известия Нижне-Волжского 1930: 194].

1 ноября 1930 г. ЦИК и СНК СССР издадут новое постановление «О мерах против хищнического убоя скота», в котором намечены ряд мер по усилению развития животноводства: запланирована широкая программа строительства крупных жи-

вотноводческих хозяйств; введен ряд льгот для колхозов и колхозников, единоличных бедняцких и середняцких хозяйств; поощряется развитие кормовой базы для животноводства и т. д. В указанном документе рекомендовалось принять решительные меры по сохранению поголовья племенного и стельного скота, молодняка и производителей. В связи с этим запрещался убой племенных животных, молодняка крупного рогатого скота, быков, баранов и хряков, годных в качестве производителей, а также коров и «беременных маток всех видов скота». Нарушители закона, отмечалось в постановлении, несут ответственность в административном порядке – штраф в размере до десятикратной стоимости забитого животного. У кулаков и частных скупщиков, нарушающих закон или подстрекающих к этому других, сверх того конфискуется весь принадлежащий им скот или часть его. Одновременно эти лица должны привлекаться к уголовной ответственности, причем суд применяет к ним лишение свободы до двух лет с высыланием из данной местности или без высылания [Свод законов и распоряжений 1930: ст. 598]. Такие же меры воздействия согласно постановлению СНК СССР от 26 декабря применялись за убой конского поголовья и молодняка [Собрание законов 1931: ст. 22].

Несмотря на принятые партийно-государственными органами постановления и требования их жесткого исполнения на местах, общее положение в животноводстве не улучшалось. В справке ОГПУ «Об убое и разбазаривании скота» от 14 января 1931 г. констатировалось: «Декабрь 1930 г. не дал перелома в отношении уменьшения размеров убоя и сбыта скота. По-прежнему это явление носит массовый характер, особенно по Нижнему Поволжью, Северному Кавказу и другим районам. По отдельным районам Северного Кавказа, Нижне-Волжскому краю, Центрально-Черноземной области размеры убоя с распродажи скота, особенно лошадей, в декабре значительно возросли. Массовое уничтожение скота имело место не только со стороны кулацко-зажиточных прослоек, но и со стороны значительных групп середняков и бедняков, а в ряде районов и колхозников» [Советская деревня глазами 2003: 562].

ОГПУ продолжает информировать партийно-государственные органы федеральных и региональных уровней власти о причинах разбазаривания и массового забоя скота, приводившие к уменьшению общего количества скота. Причины все те же, что назывались и в предыдущих справках: слухи о конфискации у крестьян всего скота и передаче его в колхозы; перегибы в ходе мясозаготовок и других кампаний; недостаток кормовой базы; неудовлетворительное содержание и плохой уход за скотом в совхозах и колхозах. В целях улучшения тяжелой ситуации ЦК ВКП (б) и СНК СССР 30 июля 1931 г. принимают специальное постановление «О развертывании социалистического животноводства», где утверждается, что «путем строительства совхозов и колхозов была разрешена зерновая проблема, таким же путем должна быть решена и животноводческая. 1931 и 1932 гг. должны стать годами такого же решительного перелома в области развертывания животноводства, какими были 1929 и 1930 гг. в деле организации социалистического зернового хозяйства» [Коллективизация 1957: 391–398].

В соответствии с поставленной партийно-государственными органами задачей устанавливались контрольные цифры по организации животноводческих ферм в колхозах и определялись источники пополнения общественного стада. В частности, Наркомснабу СССР предлагалось передавать (продавать) колхозным фермам скот, поступивший по мясозаготовкам. Колхозцентр должен был организовать покупку у колхозников молодняка для общественного животноводства колхозов. Продолжалось дальнейшее обобществление скота, набиравшее высокие темпы. Конфискованный скот передавался в колхозы и совхозы для их дальнейшего укрепления. В середине 1931 г. в обобществленных стадах колхозов Нижнего Поволжья насчитывалось 60 тыс. коров, около 300 тыс. овец, 35 тыс. свиней, 125 тыс. голов обобществленного скота. Если в начале 1930 г. общее поголовье обобществленного скота в крае составляло 5 %, то в июле оно достигло 12 %.

Товарных ферм по колхозам имелось: 370 молочных с 30 тыс. голов скота, 350 свиноферм с 45 тыс. голов, 128 овцеферм с 155 тыс. голов, 43 мясных с 13 тыс. голов скота [Известия Нижне-Волжского 1930: 316].

Руководством Нижневолжского края отмечалось: «В области организации товарного животноводства основные достижения, прежде всего, нужно отнести за счет совхозного сектора. В крае имеется широкая сеть животноводческих совхозов по линии Скотовода, Овцевода, Свиновода (имеются ввиду тресты. – *Е. Б.*) и т.д. Сейчас мы имеем по линии Скотовода поголовье рогатого скота в 165 тыс. гол. (к концу года будем иметь 290 тыс. гол.), по линии Овцевода – 330 тыс. гол. (540 тыс.), Свиновода – 37 тыс. гол. (43700 г.). По линии молочных совхозов мы имеем сейчас 8 600 коров, к концу года должно быть – 10 тыс. гол. скота» [Известия Нижне-Волжского 1930: 316].

Однако в крае имелись существенные недостатки по комплектации стада, не придавалось нужного значения созданию кормовой базы для животноводства. Вот лишь два примера по регионам края. В Республике Немцев Поволжья свиное стадо укомплектовано было всего на 20–25 %, а стадо коров – на 55 %. К примеру, план закладки силосной массы по колхозам Сердобского района был выполнен всего на 18 %, а единоличники к тому времени не заложили еще ничего, между тем сезон заготовки концентрированных кормов подходил уже к концу скота. [Известия Нижне-Волжского 1930: 339]. Все эти недоработки, характерные также для других сельскохозяйственных регионов края, не способствовали увеличению поголовья скота, а значит, выполнению плана по скотозаготовкам. В связи с этим, краевые власти стали уделять большое внимание развитию животноводства.

Планом организации колхозных животноводческих товарных ферм в регионах Нижнего Поволжья в 1931 г. предусматривалось строительство: 474 молочно-товарных ферм с доведением поголовья к концу года до 76 тыс. коров и 123 тыс. нетелей и молодняка до двух лет; 502 мясных ферм с общим поголовьем скота в 305 тыс. голов; 410 овцеферм с поголовьем в 526 тыс. голов; 675 свиноводческих ферм с общим поголовьем в 213 тыс. гол. (из них взрослых свиноматок 47,7 тыс. гол.), 662 птицеводческих ферм с поголовьем в 1192 тыс. гол.; 21 инкубаторно-птицеводческих станций с общей емкостью в 4040 тыс. яйцемест и 101 птицефермы на 192 тыс. гол.; 60 конских колхозных племенных и ремонтных рассадников с по-

головьем в них 9 055 лошадей и 72 кроликофермы с общим поголовьем в 102 тыс. маток. Крайколхоз намерен был подготовить к концу 1931 г. не менее 34 тысяч животноводов – колхозников. Через заочное обучение предполагалось подготовить 10 тыс. колхозников. Намечалось введение премирования, а число ударников решено было довести к концу года до 50 тыс. человек [Известия Нижне-Волжского 1930: 339].

В Калмыцкой автономной области к 1931 г. крепкие крестьянские хозяйства почти все были либо разорены, либо ликвидированы. Колхозы и совхозы области были еще маломощны, к тому же в связи с постигшим неурожаем, область столкнулась с серьезной продовольственной проблемой, а именно с острым недостатком продуктов питания. Слабый травостой, обусловленный засушливым летом, нехватка зимних кормов привели к спаду сельскохозяйственного производства, значительному сокращению поголовья скота. Как отмечалось руководством нижеволжского края, «на усиленную сброску скота в значительной степени повлиял также и недород кормов в южных и восточных районах края и в Калмоласти в 1929–1930 гг.» [Два года пятилетки 1931: 32]. Численность животных в области уменьшилась не только вследствие массового забоя, а также от бескормицы, от которой пало 95 542 голов или 18 % общего поголовья скота. В 1931 г. по сравнению с 1930 г. в автономии значительно сократилось поголовье тягловой силы, крупного рогатого и мелкого скота.

*Таблица 1. Численность скота в Калмыкии в 1930–1931 гг.
[НА РК. Ф.Р.-90. Оп. 1. Д. 345. Л. 8-9.]*

Наименование	1930 г. (тыс. гол.)	1931 г. (тыс. гол.)
Лошади	39 377	29 486
Верблюды	6 958	5 706
Крупный рогатый скот	220 594	177 205
Овцы и козы	651 650	490 302

Численность скота в целом по стране из года в год не только не росла, а сокращалась, о чем свидетельствует приведенная ниже таблица.

*Таблица 2. Численность скота в 1929–1933 гг.
[Ивницкий 2009: 83]*

Наименование	В миллионах голов, в % к 1929 г.				
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Лошади, в %	34,0 100,0	30,2 88,8	26,2 77,1	19,6 57,6	16,6 48,8
Крупный рогатый скот, в %	68,1 100,0	52,5 77,1	47,9 70,3	40,7 59,8	38,6 56,7
Овцы и козы, в %	147,2 100,0	108,8 73,9	77,7 52,8	52,1 35,4	50,6 34,4
Свиньи, в %	20,9 100,0	13,6 65,1	14,4 68,9	11,6 55,5	12,2 58,4

Таблица наглядно показывает интенсивное сокращение за годы коллективизации (1930–1933) поголовья основной тягловой силы – лошадей более чем в два раза, овец и коз – в три раза, а крупного рогатого скота и свиней – более чем на 40 %.

Основные причины сокращения поголовья скота в стране наиболее точно охарактеризовал в апреле 1932 г. нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев: «извращение в коллективизации, выразившееся в принудительном обобществлении скота; извращение в политике скотозаготовок, когда задания доводились не только до отдельного селения, но и до каждого хозяйства, а также административные меры при изъятии скота, вплоть до последней коровы крестьянина; неудовлетворительное отношение к организации животноводства не только в индивидуальном, но и обобществленном (колхозном секторе); чрезмерно высокие задания по мясозаготовкам» [Трагедия советской деревни Т. 1. 1999: 317].

Жестко проводившиеся мясо- и хлебозаготовительные кампании 1930-х гг. в полной мере высветили извращенную и антинародную политику советского государства по отношению к самому

крестьянству, игнорировавшую многовековые традиции земледелия и животноводства народов российского многонационального государства. Методы развития сельского хозяйства, предлагавшиеся большевистской властью, не отличались научным подходом, не учитывали плодородие, ландшафт и природно-климатические условия регионов. Перечисленные факторы сказались на эффективности ведения разных форм хозяйствования, создавали напряженность в обеспечении населения продовольствием, предопределили негативные последствия развития сельского хозяйства страны в будущем. В Калмыкии среди причин, приведших к сокращению поголовья скота, можно назвать непродуманную, разрушительную по сути своей акцию советского правительства, волюнтаристски трансформировавшего хозяйственно-культурный тип деятельности кочевого калмыцкого народа. Калмыки, как известно, испокон веков занимались скотоводством. Издревле уход за «четырьмя видами скота» – крупным рогатым скотом, овцами, лошадьми и верблюдами – был основным видом их жизнедеятельности, во многом определявшим культурно-хозяйственный тип калмыцкого народа. За длительный период занятия скотоводством калмыки выработали четкие принципы организации ухода за скотом, овладели методами генетического улучшения породы животных. Постоянно меняющееся аридное пространство, почти всегда представлявшее собой ярко выраженную экстремальную среду, требовало особых форм ведения скотоводческого хозяйства, для которого более всего подходило пастбищно-кочевое скотоводство. В 1929 г. из 75 % населения области, занимавшегося животноводством, носившего экстенсивный характер, 66,4 % продолжало вести кочевой и полукочевой образ жизни. Только 17 % хозяйств занимались земледелием [Материалы IX областной 1927: 145]. Занятие животноводством в КАО было не только связано с многовековой традицией калмыцкого народа, но оно определялось и почвенно-климатическими условиями места обитания кочевников. Традиционное хозяйство калмыков в целом было ориентировано на задачу удовлетворения биологических и социальных потребностей, и в преломлении этой цели оно являлось рациональным. Земли Калмыцкой области, за исключением некоторых западных

улусов, не подходили для ведения земледельческого хозяйства. В этой связи, уместно будет заметить, что в дореволюционное время царские чиновники не пытались административным путем вторгаться в традиционную экономику и систему землепользования кочевых обществ, резонно опасаясь вызвать этим разрушительные последствия для всей сферы жизнедеятельности кочевого населения. Новые власти в лице большевистского руководства игнорировали многовековые и устойчивые традиции скотоводческого крестьянства Калмыкии и других кочевых народов СССР. Более того, социально организованные хозяйственно-культурные стереотипы кочевых структур власть рассматривала как нечто архаичное, отсталое, входящее в непримиримый конфликт с современной цивилизацией и культурой. Но можно ли говорить о примитивизме самобытной формы исторической эволюции, явившей миру уникальный тысячелетний опыт освоения гигантских аридных и семиаридных территорий? Правомерно ли считать «убогой» систему хозяйства, в недрах которой сформировалась собственная цивилизация с эффективным социальным механизмом адаптации и развитыми культурными традициями?

Тяжелые природные аномалии в виде засухи, постигшей некоторые регионы страны в 1931 г., еще более усугубили бедственное состояние животноводства. Калмыкию также постиг жесточайший «зуд» – зимняя бескормица, вызванная небывалыми снежными заносами, похоронившими остатки подножного корма. По словам старожилов, такого «зуда» в Калмыкии не наблюдалось более 40 лет. Зуд свирепствовал с декабря 1930 г., чередовался снегом, оттепелью и метелью. В результате зуда в области отмечался массовый падеж скота от холода и бескормицы. Был создан областной штаб по борьбе со стихией, который возглавил ответственный секретарь обкома Х. М. Джалыков. Местными властями в порядке материальной помощи нуждающимся хозяйствам было завезено около 60 тыс. пудов концентрированных кормов, голодающему населению выделено значительное количество продовольствия, одежды, обуви, белья. Принятые государственные меры несколько смягчили тяжелую ситуацию с продовольствием, но все же, эта помощь не могла кардинально выправить положение.

Вот данные по убыли скота во время зуда только в одном Приморском улусе:

*Таблица 3. Убыль скота во время зуда в 1931 г.
[НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1565. Л. 13.]*

Наименование	Колхозы (в %)		Единоличники (в %)	
Всего имелось овец	40 814		–	–
Погибло	2 817	7,0 %	1 525	5,33 %
Всего имелось КРС	6 274		6 227	
Погибло	1 917	30,5 %	1 123	25 %
Всего имелось лошадей	1 489		593	
Погибло	184	12,3 %	127	21,4 %
Утеряно	133	9 %	63	11,4 %
Всего убыло	5 051	21,3 %	2 838	32,8 %

Как видим, падеж скота в улусе составил в среднем почти 30 %. По данным областного земельного управления, только в 4 улусах погибло от зуда: крупного рогатого скота – 1 570 тыс. голов, овец – 4 441 тыс. голов и не учтенный мелкий скот на сумму более 200 тыс. руб. [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 5об, 70].

Общее количество павшего в других улусах скота установить, к сожалению, не удалось. По одним источникам, оно составляло 95 542 головы, или 18 % всего поголовья скота [10 лет 1931: 50], по другим – потери составили 20,68 % [НА РК. Ф. Р- 90. Оп. 1. Д. 345. Л. 3]. Общие потери от зуда в денежном выражении составляли 2 974 000 руб. [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1600. Л. 125].

В связи с зудом и полной истощенностью рабочего скота население области, в частности Центрального улуса, оказалось в тяжелом положении в плане продовольственного обеспечения или, говоря иными словами, в Калмыкии начинался голод. Учитывая бедственное материальное положение колхозов, правительство в мае 1931 г. приняло решение выделить долгосрочный кредит в сумме 500 тыс. руб. для приобретения скота [10 лет 1931: 50].

Параллельно, с мерами по наращиванию общественного поголовья скота, руководство края нацеливает регионы на выполнение планов по скотозаготовкам. V пленум Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета в январе 1931 года принял постановление «О скотозаготовках на 1930–1931 гг.», в котором местным органам власти предписывалось усилить планово-регулирующие начала в скотозаготовках методом доведения плана до села и кулацко-зажиточного двора, а самообязательство села, как подчеркивалось, является основным методом скотозаготовок. Исключительное значение в документе придавалось правильной разбивке плана: соотношение, установленное президиумом крайисполкома, предусматривало изъятие от стада колхозников на $\frac{1}{5}$ меньше, чем из стада единоличников. Одним из решающих моментов в скотозаготовках признавалось стимулирование промтоварами, производственными кредитами (хлебом – в скотоводческих и недородных районах). Большое значение придавалось правильному распределению по классовому принципу – колхозники, беднота, середняк – промтоваров и хлеба между скотосдатчиками, оказанию поддержки путем кредитования колхозов и единоличных хозяйств, успешно выполнивших свои самообязательства по скотозаготовкам. Был утвержден следующий порядок стимулирования скотозаготовок промтоварами: колхозам, сдающим скот выше средней упитанности – 30 %, средней – 25 % и ниже средней – 15 %; индивидуальным хозяйствам, сдающим скот выше средней упитанности – 25 %, средней – 20 %, ниже средней – 10 %, которые отпускались в прямой зависимости от выполнения плана скотозаготовок.

Отмечая недостаточное выполнение принятых директив по скотозаготовкам, пленум Нижне-Волжского крайисполкома постановил: учитывая потребность в мясном снабжении и комплектовании стада социалистического сектора, окончательно утвердить годовой план скотозаготовок по краю: для переработки на мясо – 226 700 голов крупного скота, овец – 536 700 голов, свиней 126 600 голов; для укомплектования стада социалистического сектора – 216 000 голов крупного скота (включая телят), овец – 108 000, свиней – 19 000 голов [Известия Нижне-Волжского 1931: 316].

По данным крайснаботдела, на 1 сентября квартальный план по скотозаготовкам в крае был выполнен (без телят) на 63 %, годовой план – на 90,4 % (без телят) [Известия Нижне-Волжского 1931: 320]. Среди основных причин неудовлетворительного выполнения плана скотозаготовок в специальной справке № 66 Секретно-политического отдела ОГПУ «О ходе скотозаготовок» от 13 сентября 1931 г. указывались несвоевременные расчеты со сдатчиками, оппортунистические действия работников заготовительных организаций, слабое выполнение контрольных заданий единоличниками, не требовательное доведение твердых заданий до кулацкого элемента, укрытие скота и спекуляция, отсутствие массово-разъяснительной работы по вопросам скотозаготовок, отказ от сдачи скота, отсутствие наличного поголовья у крестьян и др. [Два года пятилетки].

Калмыкия, несмотря на тяжелые последствия зуда, по плану скотозаготовок должна была заготовить: крупного рогатого скота – 79 680 тыс. голов, овец – 120 000 тыс. голов, свиней – 490 тыс. голов, телят – 8300 тыс. голов, что в общей сложности давало 13 256 тонн в убойном весе [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1600. Л. 22]. При этом экспертной комиссией Нижне-Волжского края годовая норма потребления калмыцкого населения была установлена: 32 кг мяса, в том числе 8 кг говядины и 24 кг баранины на душу населения, исходя из общей его численности в области – 172 000 тыс. человек. Калмыки, традиционно употреблявшие в пищу в основном мясо, а также молочные продукты никак не могли бы уложиться в установленные годовые нормы потребления мяса. На 20 января 1931 г. годовой план по сдаче государству мяса крупного рогатого скота область выполнила на 41 %, овец – на 25 %, а по отгрузке по нарядам – на 41 %. Калмыцкий обком ВКП (б), рассмотрев 24 января 1931 г. вопрос «О ходе мясозаготовок», не смог дать объективной оценки причин срыва государственных мясопоставок. Причины невыполнения плана мясозаготовок обком партии видел в «отсутствии ударных темпов и правооппортунистического самотека в работе заготовителей, партийных и советских организаций» [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1600. Л. 125]. Для улучшения положения по мясозаготовкам областное руководство решило усилить

репрессивные меры и с этой целью создало областную «мясную пятерку» в составе первых руководителей обкома, облисполкома, уполномоченного Нижне–Волжского крайкома, представителей заготовительной и сельскохозяйственной организаций области, а также рекомендовало образовать в улусах «мясные тройки». Партийное руководство области все же реально оценило ресурсные возможности, обозначив задачу выполнения мясозаготовок хотя бы на 75 % годового плана 1930 г. к началу марта 1931 г. Но к концу января 1931 г. сверху был спущен план мясозаготовок на 1931 г. с заданием поквартального выполнения, начиная с первого квартала [НА РК. Ф.П.-1.Оп. 1. Д. 362. Л. 75].

Таким образом, несмотря на принятые чрезвычайные меры, область была не в состоянии выполнить задание по сдаче мяса государству. В ряде улусов стали проявляться признаки надвигающегося голода. В связи со сложной ситуацией с обеспечением продовольствия партийное руководство Калмыкии направило в Нижне–Волжский крайком письмо с просьбой о повышении минимальной нормы хлеба на человека. Месячную норму – 16 фунтов муки предлагалось увеличить до 25 фунтов [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1565. Л. 126; 157, Оп. 1. Д. 364 а. Л. 67].

1931 год для Калмыкии стал особой вехой в переустройстве сельского хозяйства и проведении сплошной коллективизации. В организованных к началу 1932 г. девяти совхозах было сосредоточено 40,9 % всего скота. На 1 февраля 1932 г. весь социалистический сектор сосредоточивал в своих руках 77,8 % всего поголовья скота [Материалы к отчету 1934].

Несмотря на тяжелейшие последствия зимовки скота и массовой коллективизации (после весеннего приплода 1931 г. поголовье скота составляло всего 590 тыс. голов), Калмыцкая автономная область под жестким и неукоснительным требованием ЦК ВКП (б) и СНК СССР, крайкома ВКП (б) перевыполнила план мясозаготовки 1931 г., и государство получило 164504 ц мяса вместо запланированных 158329 ц. Государству было сдано 193 703 головы скота, в том числе 53 389 голов крупного рогатого скота, 140 314 овец, 500 свиней, или 34 % общего поголовья скота в области [Бадмаева 2010: 370].

Заготовка мяса в области проходила в сложных социально-экономических условиях. В ходе ее реализации применялись те же репрессивные меры, что и во время проведения хлебозаготовительной кампании. Правда, сдача мяса государству проходила чуть мягче, поскольку производилась за счет конфискованного у зажиточного населения скота. Кулаки должны были сдать в весовом исчислении 50 % поголовья, имевшегося у них. В порядке стимулирования колхозникам, единоличникам, бедняцким и середняцким хозяйствам за сданный государству скот причиталось 56 250 ц хлеба, а фактически было выдано всего лишь 13 980 ц (24,8 %) [Бадмаева 2010: 371].

Большое значение для дальнейшего развития колхозного строительства имело постановление ЦК ВКП (б) от 26 марта 1932 г., разъяснявшее, что практика принудительного отбора скота у крестьян не имеет ничего общего с политикой партии, что «задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника были своя корова, мелкий скот, птица» [Коллективизация сельского хозяйства 1957: 410–411].

1 апреля 1932 г. Калмыцкий обком партии принял решение, конкретизирующее выполнение директив ЦК ВКП (б) применительно к местным условиям. На основании постановления обкома, правление Калмыцкого областного колхозсоюза 10 апреля предложило всем улусным колхозсоюзам и колхозам в пятидневный срок закончить возвращение скота колхозникам, вернув им по две коровы, по три–пять овец и по одной голове рабочего скота на колхозный двор, а также организовать неимущим колхозникам помощь в приобретении скота для личных нужд через колхоз, а также кормов [Бадмаева 2010: 1].

Весной 1932 г. областное руководство провело обследование животноводческих колхозов и совхозов в Калмыкии с целью проведения организационных мероприятий по совершенствованию их работы, увеличению поголовья скота, выполнению плановых заданий по мясозаготовке, которым также облагалось и население. Плановые задания были разорительны и не способствовали росту животноводческого поголовья в колхозно-совхозных стадах и на личном подворье. С помощью силового давления и жестоких ре-

прессий партийно-государственному руководству области удалось обеспечить выполнение регионального плана по заготовке мяса, при этом население автономии практически осталось в суровую зиму 1932–1933 г. без продуктов питания. В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 23 сентября 1932 г. «О мясозаготовках», начиная уже с октября стали вручаться колхозам, колхозным дворам и единоличным хозяйствам «имеющие силу налога» обязательства по поставкам (сдаче) мяса государству [Очерки истории Калмыцкой 1980: 182]. Заготовка этого продукта, как и молока, шерсти, осуществлялась в рамках централизованных государственных и децентрализованных закупок, проводимых потребкооперацией и перерабатывающими предприятиями. Жесткая политика государства, сопровождавшая проведение непомерно завышенных по объемам хлебо- и мясозаготовок, привели к массовому голоду населения и высокой смертности людей в большинстве регионов страны. Даже после тяжелого голода 1933 г. партийно-государственное руководство продолжало вести губительную по своей сути заготовительную кампанию, не дававшую возможность стабильно развиваться животноводству. Правительство СССР приняло постановление, еще более повышающее нормы поставки мяса государству. Бюро Калмыцкого обкома ВКП (б) 11 сентября 1934 г. утвердило завышенные нормы поставки мяса государству на 1935 г.: хозяйству колхозника – 25 кг, единоличника – 40 кг, кулацкому хозяйству – 80 кг [Максимов 2009: 397]. Кроме того, единоличные и кулацкие хозяйства дополнительно облагались налогами на шерсть, молоко, масло, яйца, зерно и т. д.

Предпринятые советским государством в середине 1930-х гг. меры экономического и социального характера, выразившиеся в насильственной экспроприации средств производства и принудительной коллективизации сельского хозяйства, были направлены на дальнейшее укрепление колхозного строя и низвержение класса единоличников. Однако, колхозы и совхозы на практике не проявили своих преимуществ в ведении хозяйства, а индивидуальные хозяйства вследствие проводимой государственной политики не имели возможности реализовать свой огромный потенциал. История, к сожалению, не знает сослагательного наклонения, но,

по нашему глубокому убеждению, при благоприятном стечении исторических обстоятельств единоличники наравне с колхозами и совхозами могли стать достаточно надежным и серьезным источником обеспечения продовольственной безопасности страны в предвоенные годы.

Такая же негативная ситуация наблюдалась и с проведением хлебозаготовительных кампаний. Советское государство с первых дней установления своей власти жестко проводило политику хлебозаготовок, начиная с пресловутой продрозверстки, целью которой было обеспечение хлебом революционного пролетариата и сражавшейся Красной Армии. В середине 1920-х и в начале 1930-х гг. насильственное проведение хлебозаготовок было обусловлено необходимостью дальнейшего получения валютных средств для осуществления индустриализации страны, развития промышленности, обеспечения продовольствием армии, а также населения в городах и промышленных центрах, численность которого увеличивалась в связи с появлением в них индустриальных предприятий. Провозглашенный и проводимый жесткими мерами волонтаристский курс на коллективизацию сельского хозяйства сказался на ходе хлебозаготовок. Несмотря на относительно хороший урожай в большинстве зерновых районов страны, хлебозаготовки 1927–1928 г. проходили с невероятными трудностями. В 1928 г. в стране было заготовлено зерна на 128 млн пудов меньше, чем в 1927 г. Очевидно это объясняется тем, что, помимо объективных причин, все же маломощное крестьянство опасалось голода и поэтому не спешило сдавать зерно государству. Наиболее зажиточная его часть придерживала хлеб в ожидании роста цен, несмотря на ужесточающие директивы руководства на местах.

К январю 1928 г. дефицит по хлебозаготовкам с учетом всех выявившихся потребностей страны приблизился к 200 млн пудов. В целях скорейшего выполнения плана хлебозаготовок 1928 г. партийные и государственные органы уже с января этого года стали проводить жесткую политику чрезвычайных мер с целью изъятия излишков хлеба в деревне. Во время поездки в Сибирь в январе 1928 г. И. В. Сталин санкционировал применение к крупным держателям хлеба 107 ст. УК РСФСР как к спекулянтам. Тем самым

был дезавуирован базовый нэповский принцип, в соответствии с которым крестьянин имел право не только использовать произведенную продукцию для продажи, но и оставлять ее в своем хозяйстве. Государство вновь, как и в период «военного коммунизма», стало определять объемы сельхозпродуктов, которые производитель мог оставлять себе и был обязан продать государству.

Борьба за хлеб стала настолько ожесточенной, что следует говорить о «хлебном фронте», открытом в те годы в деревне. ЦК ВКП (б) обязал местные партийные органы неукоснительно обеспечивать выполнение обязательных государственных хлебозаготовок. Наряду с общими организационными мерами усиливалось взыскание всех видов платежей: единого сельхозналога, госстраха, ссуд и т. д. Устанавливались конкретные сроки взыскания крестьянских платежей – к 1 марта 1928 г. В связи с проведением хлебозаготовок категорически запрещалась частная торговля на рынках зерном и мукой. Только за январь-март на Северном Кавказе за это было осуждено 3 424 человека, в том числе более двух тысяч середняков и бедняков [Ивницкий 2009: 25].

Руководство страны, тщательно скрывавшее истинное положение дел с заготовкой хлеба, все же вынуждено было признать, что мероприятия по хлебозаготовкам носили «чрезвычайный характер», но зато «обеспечивали крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок». В числе противников применения чрезвычайных мер были видные деятели большевистской партии Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и др. В отдельных регионах, в частности в Калмыкии, партийные работники не проявляли особого рвения в части проведения хлебозаготовок, о чем сообщалось в августе 1928 г. в докладной записке под грифом «секретно» ответственного секретаря Х. Джалыкова [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 291. Л. 1].

Стремясь смягчить напряженную обстановку в деревне, партийно-государственное руководство страны пошло на ряд мер, направленных на развитие частных хозяйств. Беднячко-среднячком хозяйствам выделили семенную ссуду в размере 29 млн пудов, летом были повышены заготовительные цены на хлеб. Декретом ВЦИК СССР более 35 % бедняцких и маломощно-средняцких

слоев деревни были освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога. Партийными решениями снижалась общая сумма налога – с 400 до 375 млн рублей для середняцких хозяйств и предоставлялись налоговые льготы бедняцким хозяйствам, расширяющим свои посевы [Белоусов 2000: 341]. Однако для зажиточной части крестьянства сохранялось индивидуальное налогообложение, и эту меру партия считала ограничивающей дальнейший рост эксплуататоров – кулаков, хотя на самом деле они тормозили развитие производительных сил деревни.

Анализ проведения хлебозаготовок в 1927–1928 гг. показывает, что власти то усиливали давление на крестьян, применяя чрезвычайные меры, то снижали его. Зависело это от того, как выполнялись планы хлебозаготовок, а также от участвовавших крестьянских выступлений, прокатившихся по всей стране, которые в определенной мере могли дестабилизировать ситуацию в обществе. Директивы партии отличались непоследовательностью, постоянным шараханьем от одной крайности к другой. Например, проходивший 6–11 апреля объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) в резкой форме осудил «извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов» и потребовал их «категорической отмены» и «объявления им самой решительной борьбы» [КПСС в резолюциях Т. 4. 1970: 317]. Появление таких позитивных резолюций объяснялось тем, что многие хлебопроизводящие регионы, в том числе Нижнего Поволжья, к 1 апреля на 70–80 % выполнили годовые планы хлебозаготовок. Многие крайкомы партии, исходя из установок, данных свыше, предписывали окружным комитетам партии и исполкомам прекратить применение ст. 107 УК, вести подписку на крестьянский заем в строго добровольном порядке. Но уже 25 апреля Политбюро ВКП (б), в условиях заметного снижения темпов заготовок, резко меняет свою хлебозаготовительную политику, возвращается к применению чрезвычайных мер и в своей директиве низовым партийным организациям требует «усилить нажим на кулацкую часть и частных, злостно спекулирующих крупными партиями хлеба, применяя к ним директиву ЦК о 107 статье» [Трагедия советской. Т. 1. 1999: 261–262].

Чрезвычайные меры вызывали у крестьян негативное отношение к власти. В 1928 г. в целом по стране было зарегистрировано около 1 400 террористических актов (поджоги, покушения, убийства, нападения и т. п.), направленных против сельских активистов, представителей местных Советов. Вдобавок крестьяне стали обрабатывать меньше земли. Это была инстинктивная самозащита от нового похода партии в деревню за бесплатным продовольствием. В официальных документах партийных органов крестьянские волнения трактовались как выступления кулацкие или организованные ими. На самом деле это было проявление недовольства крестьян политикой советской власти в деревне. Так, в секретном обращении ко всем секретарям улускомов ВКП (б) руководство Калмыцкой автономной области обращало особое внимание на волнения, возникающие в улусах в связи с хлебными затруднениями. В Больше-Дербетовском, Хошеутовском улусах на собраниях земельного общества крестьяне открыто выступали против чрезвычайных мер хлебозаготовок [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 291. Л. 1].

Начиная с апреля 1928 г. в Калмыкии, как и в целом по стране, наблюдается ухудшение положения на хлебном потребительском рынке. Выполнение экспортных заданий и централизованных заготовок для нужд армии и промышленных городов осуществлялось за счет снижения внутрирегионального снабжения, в результате чего в Калмыцкой автономной области возникла сложная продовольственная ситуация, в частности, с обеспечением хлеба, резко возросли рыночные цены на этот продукт. В то же время наблюдается значительная разница между закупочными ценами государственных, кооперативных заготовочных организаций и свободными рыночными ценами. Крестьяне, естественно, хотели продавать свою продукцию на городских рынках по выгодной для себя цене, не отдавая ее за бесценку. Этот фактор также негативно сказывался, как на уровне обеспеченности населения хлебом, так и на выполнении плана хлебозаготовок. Разорительные хлебозаготовки привели к недостатку хлеба в самой деревне. Товарные запасы в крестьянских хозяйствах иссякли, особенно в бедняцких хозяйствах, которые, поверив уверениям и обещаниям властей, сдали последнее зерно и остались без семенного фонда и пропитания.

В хлебопроизводящие регионы для выполнения государственных заготовок были направлены руководящие работники из центра, которые требовали неукоснительного выполнения плана хлебопоставок. Как свидетельствуют архивные материалы и газетные сообщения тех лет, на местах, по указанию властей, в ход опять шли продразверсточные методы заготовок: подворный обход всех крестьян, повальные обыски, обложение заданиями по хлебосдаче всех хозяйств. Изымались даже страховые и продовольственные запасы. Но эти меры не могли выправить положение с выполнением плана хлебосдачи, так как зерно прошлого урожая было практически полностью экспроприровано.

В июле 1928 г. многие хлебопроизводящие регионы страны не выполнили планы государственных заготовок зерна. В Сибири по сравнению с июнем объемы заготовок упали почти в четыре раза [Ильиных 2005: 237]. В Нижнем Поволжье план июля был выполнен на июньском уровне. Невыполнение плана хлебозаготовок в подавляющем большинстве случаев объяснялось не саботажем или расхищением хлеба, а отсутствием реальных возможностей у сельского производителя. «Хлебный фронт», открытый в деревне, становился тяжким бременем для колхозов и крестьян. В этих условиях Пленум ЦК ВКП (б) заявляет о необходимости прекращения применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок. С чем это было связано? Вряд ли можно утверждать, что отмена чрезвычайных мер связана с критикой сталинской политики хлебозаготовок со стороны умеренной части партии и усилением их позиции. На наш взгляд, сталинское руководство, опасаясь антисоветских выступлений, стало усиленно декларировать прекращение чрезвычайных мер. Манипулируя общественным мнением, вождь большевиков и его соратники пытались завоевать доверие населения, и крестьян в частности, в конечном итоге – удержать власть в своих руках. «Сталин помнил, как пало царское самодержавие, – писал А. Авторханов. – «Хлеба, хлеба, хлеба!» – вот с какого лозунга начали Февральскую революцию в Петрограде. Сталин знал лучше, чем Бухарин, что большевистское самодержавие ждет та же судьба, под тем же лозунгом, если самому не произвести революцию сверху в деревне, чтобы предупредить револю-

цию снизу в городе» [Цит. по Амирханов 1981: 45]. Тактический ход руководства страны выразился в значительном повышении закупочных цен государственными и кооперативными заготовительными организациями. Партия стала ясно сознавать, что повышение цен на зерно не может изменить и улучшить положение дел с хлебозаготовительной кампанией, так как у крестьян к этому времени практически не было товарных запасов хлеба. По сути, это был холостой, но громкий выстрел. Сталинское руководство опасалось антисоветских выступлений – повышение закупочных цен на зерно и отмена чрезвычайных мер носили чисто пропагандистский и идеологический характер. То, что это были очередные декларация и тактическая уловка, стало ясно уже осенью, когда по требованию властей внеэкономические методы изъятия зерна у сельских производителей вновь стали основными в работе заготовительных организаций.

Следующий 1929 год был отмечен неурожаем в основных зернопроизводящих районах страны – на Украине, Северном Кавказе, Нижнем Поволжье. Недород зерновых, а также нежелание крестьян сдавать хлеб по низким ценам привели к большим трудностям с заготовками зерна. С лета 1929 г. чрезвычайные меры по хлебозаготовкам узаконились специальными постановлениями высших партийных и советских органов. СНК СССР 15 марта 1929 г. с целью увеличения объема хлебозаготовок в Казахстане, Сибири, Среднем и Нижнем Поволжье, Башкирии и на Урале в кампанию 1928–1929 года принял постановление, которым предписывалось кредитование сбыта сельскохозяйственных машин и орудий середняцким единоличным хозяйствам и их производственным объединениям производить при отпуске сельскохозяйственных машин и орудий стоимостью от 25 руб. и выше. В отношении единоличных бедняцких хозяйств сохранялись ранее установленные порядок и условия кредитования сбыта сельхозмашин и орудий. О новом повороте в хлебозаготовительной политике свидетельствовало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. «О расширении прав местных советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов». В нем говорилось: «Разрешить сельским советам в тех

случаях, когда общим собранием граждан (сельским сходом) принято постановление о выполнении в порядке самообязательства всем селом хлебозаготовительного плана и в связи с этим произведена раскладка задания между отдельными хозяйствами, налагать на отдельных хозяев, не выполняющих указанных решений и уклоняющихся от сдачи хлеба, штрафы в административном порядке, в пределах пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц» При отказе отдельных групп хозяйств сдавать хлебные продукты «направлять дела о таковых гражданах в порядке уголовного преследования как за сопротивление власти применительно к 3 части 61 ст. УК РСФСР» [Мошков 1966: 63].

Тогда же были внесены изменения в 61-ю статью УК РСФСР, которые устанавливали штрафы и в особых случаях лишали свободы за отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий и работ. Также в вышеуказанную статью вносилось следующее изменение: «Отказ от выполнения повинности, государственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение, влечет за собой: в первый раз – административное взыскание в порядке наложения штрафа соответствующими органами власти до пятикратного размера по отношению наложенной повинности или задания. Во второй раз – лишение свободы или принудительные работы до одного года. Те же действия, совершенные группой лиц по предварительному соглашению и оказывающих активное сопротивление, влекут за собой лишение свободы до двух лет с конфискацией имущества и выселением из данной местности» [Сборник узаконений и распоряжений 1929: ст. 589]. Согласно постановлению, 25% суммы взысканных штрафов направлялись в фонд помощи данной деревни. Это должно было стимулировать активность деревенской бедноты в выявлении «излишков» хлеба и зерна у населения. Хотя эти меры касались лишь хлебозаготовок, на практике они послужили юридической основой, позволившей начать со второй половины 1929 г. частную экспроприацию кулачества. Эти законодательные акты стали одним из орудий подавления сопротивления крестьян-

ства принудительной сдаче хлеба государству. Поэтому их следует расценивать, как фактический переход от новой экономической политики, когда крестьяне имели право свободно распоряжаться продуктами своего хозяйства, к политике продразверстки.

Основные принципы работы партийных органов на местах по заготовке хлеба из урожая 1929 г. были изложены в постановлении ЦК ВКП (б) «О работе партийных организаций в связи с хлебозаготовками» [Трагедия советской деревни. Т. 1. 1999: 664]. Отныне хлебозаготовками должны были заниматься партийные, комсомольские, советские и профсоюзные органы. Хлебозаготовки объявлялись массовой политической кампанией. Партийным организациям вменялось обязательное непосредственное участие в составлении и проверке хлебофуражных балансов. Постановление предполагало развернуть соревнование между областями, районами, селами, колхозами и даже отдельными крестьянскими хозяйствами за скорейшую сдачу хлеба государству [Трагедия советской деревни. Т. 1. 1999: 188–192]. В нем рекомендовалось создавать при сельских Советах комиссии содействия хлебозаготовкам. Они должны были организовать силовое давление сельской общественности на зажиточных крестьян, а уклоняющимся от выполнения заданий, через сельсоветы предлагалось применять наказание в соответствии с постановлением ВЦИК от 27 июня 1929 г. Рекомендовалось также использовать закон о самообложении и об индивидуальном обложении по сельхозналогу. Пункты постановления активно проводились в жизнь местными органами власти без всякого разъяснения их населению с применением силовых методов. К примеру, в Хошеутовском улусе КАО партийное руководство приняло закон о самообложении сельхозналогом крестьян без обсуждения на общем собрании бедноты [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 291. Л. 1].

Конкретные предложения по организации хлебозаготовок в новых условиях содержались в постановлении Особого хлебного совещания при Наркомате СССР от 13 августа 1929 г. Они заключались в следующем. Спущенный сверху обязательный годовой план по сдаче хлеба принимался сельским сходом простым голосованием. Избранный сходом комитет содействия хлебозаготовкам

из числа беднейших крестьян определял хлебные излишки у зажиточных хозяйств и устанавливал им твердое задание. После этого задания давались колхозам, другим производственным объединениям, группам посевищиков и остальным крестьянским хозяйствам в зависимости от ранее заключенных договоров на контрактацию. Оставшаяся часть годового плана выполнялась гражданами села. Все это, естественно, противопоставило беднейшему крестьянству зажиточную часть и крайне обострило обстановку в деревне.

Следует подчеркнуть, что при разработке хлебозаготовительного плана на 1929–1930 г. были произвольно пересмотрены расчеты на ожидаемый урожай и методика оценки товарности зерновых культур, использовавшиеся Госпланом и ЦСУ СССР в годы нэпа, в сторону повышения товарности. С этого времени планирование хлебозаготовок увязывалось не столько с ожидаемым валовым сбором, сколько с планами народного хозяйства, прежде всего, с развитием тяжелой промышленности. В целях увеличения объема заготавливаемого хлеба Наркомторг СССР на основе сомнительных оперативных данных самостоятельно (без привлечения экспертов) провел оценку заготовительных возможностей по каждой зоне и составил собственный план заготовок, который был принят СНК СССР.

15 августа 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О хлебозаготовках», на основании которого ОГПУ была спущена директива «О проведении решительных мер репрессий в отношении спекулянтов хлебными продуктами». Ставя перед собой задачу – завершить хлебозаготовки к концу 1929 г. – центральные органы уже знали, что проводиться она будет силовыми методами, о чем свидетельствует телеграмма Сталина Микояну: «...Нужно усиленно нажать на все районы, прежде всего на Северный Кавказ и Центрально-Черноземный район». И уже 29 августа Политбюро приняло специальное постановление «О ходе хлебозаготовок и проведении директив Политбюро», в котором отмечались низкие темпы хлебозаготовок на Нижней Волге. Для проверки выполнения директив ЦК и усиления хлебозаготовок в Нижнем Поволжье сюда был направлен Д. З. Лебедь. Директивы ЦК ВКП (б) об усилении хлебозаготовок предусматривали как ре-

прессивные, так и экономические меры воздействия на крестьянство. Наркомфину СССР предлагалось определить всем областям и республикам твердые сроки и контрольные цифры сбора крестьянских платежей, развернуть работу по досрочному взысканию сельхозналога и распространению займа индустриализации. Центральному сельхозбанку поручалось разослать на места твердые задания по сбору ссуд и взысканию просрочек, а Центросоюзу, Союзу сельскохозяйственной кооперации – ускорить сбор паевых взносов. К колхозам, не выполнявшим план хлебозаготовок, предлагалось «применять самые жесткие меры воздействия путем закрытия кредитов, прекращения отпуска сельскохозяйственных машин, предания суду негодных руководителей колхозов, срывающих план пролетарского государства и т. п.» [Ивницкий 2009: 32–34].

Калмыкия до 1929 года официально не включалась в план хлебозаготовки из-за слабого развития земледелия в области. На 1929–1930 гг. регион в первый раз включили в государственные задания по заготовке зерна и определили план в размере 250 тыс. пудов. Хлебозаготовки в автономии проходили в очень сложных условиях, поскольку они проводились впервые и в основном в единственном, зерновом Больше-Дербетовском улусе [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 52.]. Применяя насилие и демагогию, армия заготовителей в Калмыкии к середине декабря 1929 г. изъяла у колхозов и единоличных крестьянских хозяйств 295 тыс. пудов хлеба, или 98,5 % плана. План был выполнен в основном за счет сельхозпроизводителей Больше-Дербетовского улуса, а также за счет изъятия части продовольственных, фуражных и даже семенных фондов. Несмотря на то, что область успешно справилась с планом сдачи хлеба государству, Крайторготдел дополнительно спустил ей задание еще на 200 тыс. пудов, [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 362. Л. 40] доведя его до 500 тыс. пуд. без обсуждения и согласования с местными партийными и государственными органами. Оставшуюся часть плана, 205 тыс. пудов хлеба, руководителям органов власти КАО пришлось распределять по улусам, практически не занимавшимся земледелием. Более того, в области пошли на прямое нарушение закона о местных крестьянских не-

прикосновенных семенных фондах – стали осуществлять выемку семян, предназначенных для весеннего или осеннего сева, а также из продовольственного и кормового запаса. Насильственная экспроприация всех запасов зерна привела к тому, что валовой сбор зерновых культур по всей области в результате весеннего сева 1930 г. составил 66 470,4 ц, хотя на обсеменение, продовольствие населения и фураж скота требовалось 516 201,3 ц [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 11].

В общем, органы власти КАО вынуждены были выполнять директивы ЦК ВКП (б), за счет вывоза семенного материала, «излишков» хлеба середняков и беднейших слоев населения. Областная Коопхлеб, будучи еще неопытной организацией, не смогла установить деловых взаимоотношений с кредитными товариществами и осуществлять четкое, систематическое руководство хлебозаготовками. К тому же, отсутствие складских помещений, тары, весов для приема зерна и других технических средств на местах также сказались на выполнении нереальных планов хлебозаготовок.

Областные партийные и государственные органы власти силовым усилием обязали сдавать государству хлеб «на добровольных началах» не только кулаков, середняков, но и деревенскую бедноту. Десяти середнякам Хапчинского сельского совета Сарпинского улуса было вменено нереальное задание: до конца первого квартала 1930 г. каждому из них сдать государству по 250–300 пуд. хлеба. Партийные органы на местах осуществляли заготовку хлеба под лозунгом «План любой ценой!». В эту работу активно включились средства массовой информации, повсеместно действовали комиссии содействия хлебозаготовкам. Промышленные товары отпускались в основном лишь в качестве поощрения за сдачу хлеба. Чрезвычайные меры против держателей хлеба в этот период приобрели несколько иной характер: если раньше они выражались в административном давлении только со стороны властей, то теперь к нему добавилось общественное давление со стороны бедняков и батраков, проявлявшееся в виде экономического бойкота. Беднейшие слои населения, оказывая помощь карательным органам, в свою очередь организовывали «красные обозы», раскрывая «злостных укрывателей хлеба». Очевидно, это

было выгодно самой бедноте. Таким образом, они отвлекали внимание от самих себя. У зажиточных крестьян-единоличников по суду конфисковывали хлеб, сельскохозяйственную технику, скот и даже земельный надел. В некоторых случаях забирали и организовывали продажу с торгов имуществом хозяев, уклонявшихся от сдачи хлеба (из-за очень низких закупочных цен или отсутствия обменных товаров) и пытавшихся бойкотировать общественные мероприятия, а их самих выселяли из родной деревни, в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР. Члены комиссии по хлебозаготовкам принимали активное участие в купле и распродаже изъятого у состоятельных крестьян имущества по низким ценам. Так, председатель 2-й Чоносовской комиссии Эвенов приобрел швейную машинку за 15 руб., член комиссии Тактинов выкупил за бесценок волчью шубу за 3 руб. [НА РК. Ф. П.-1. Д. 381. Л. 32–34; Д. 367 Л. 40, 42].

Обстановка в калмыцкой деревне в тот период очень напоминала времена «военного коммунизма», когда продотряды силой отнимали хлеб у крестьян. В отдельных сельсоветах (Сладковский, 2-й Чоносовский и др.) Больше-Дербетовского улуса члены комиссии по хлебозаготовкам, имея при себе оружие, производили внезапные ночные обыски у зажиточных селян с целью изъятия излишков зерна, при этом также отбирали облигации, золотые изделия, самовары, носильные вещи и другие предметы домашнего обихода. Члены комиссии, угрожая расстрелом, требовали у крестьян хлеб, сахар и прочие продукты питания. За невыполнение заданий по сдаче хлеба и металлического лома (каждый по 250–300 пудов зерна и по 150 пудов железного лома) главы 9 середняцких крестьянских хозяйств Хапчинского сельского совета Сарпинского улуса были арестованы, имущество их конфисковано, сами они были лишены избирательных прав [Максимов 2004: 54].

Выражая свой протест нереальным планам заготовки хлеба, и ожидая дальнейших репрессивных мер по отношению к себе, крестьяне вынуждены были уходить в степь, к бандитам. Отрицательное свое отношение к заданию местного руководства по сдаче хлеба государству они объясняли тем, что у них, скотоводов, не занимавшихся никогда земледелием, такого количества зерна не

было [НА РК. Ф.Р.-3.Оп. 2. Д. 1362. Л. 63; 157, Оп. 1. Д. 367. Л. 40, 42].

Сложную обстановку в деревне того времени, когда подрывались морально-нравственные устои общества, противопоставлялись друг другу люди или группы людей, характеризуют документы того времени. Так, информатор Масленников в своем доносе отмечал, что в ходе хлебозаготовок в Больше-Дербетовском улусе КАО крестьяне и даже отдельные члены партии и комсомольцы к выполнению дополнительного плана относились негативно и публично высказывались: «Заготовку вести не следует ввиду частичного недорода и за отсутствием излишков хлеба у населения» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 201].

Прессинг на крестьянство продолжался, ходатайства местных органов о снижении планов хлебозаготовок отклонялись, хотя доводы относительно нереальности выполнения этих планов приводились в специальных сводках ОГПУ. Заместитель председателя Больше-Дербетовского улусного исполкома Левченко на заседании бюро отмечал, что выполнение плана хлебозаготовок невозможно, и просил снизить контрольную цифру. Тем не менее, местные советы налагали штрафы в административном порядке на тех, кто не выполнил задания по хлебозаготовкам. В некоторых случаях им пришлось конфисковать и организовать продажу с торгов имущества хозяев, отказавшихся сдавать хлеб [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 381. Л. 3234; 156, Оп. 2 Д. 1248. Л. 15].

Выполнение плана хлебозаготовок обеспечивалось как репрессивными, так и экономическими мерами воздействия на деревню. ЦК ВКП (б) считал, что уклоняющиеся от выполнения заданий обязаны выплатить штраф в пятикратном размере. ОГПУ поручалось «не ослаблять развития намеченных мероприятий и усилить проведение репрессий по всем хлебозаготовительным областям», а также «усилить применение высылки» [Трагедия советской деревни. Т. 1. 1999: 698]. ВЦИК и СНК РСФСР разрешили ЦИК автономных республик, краевым, областным и губернским исполнительным комитетам в необходимых случаях вводить в течение июля и августа 1929 г. в хлебозаготовительных районах платную гужевую повинность для подвозки хлеба к станциям же-

лезных дорог и пароходным пристаням. Другим постановлением ВЦИК и СНК РСФСР при районных, волостных исполнительных комитетах, а также при сельских советах наиболее крупных селений образовывались секции рабоче-крестьянской инспекции для контроля за ходом хлебозаготовок [Известия Нижне-Волжского 1929: 14]. Государство также обязывало сдавать хлеб религиозные общины, обложив их непомерными заданиями. Церковные служители были недовольны проводимой по отношению к приходам налоговой и хлебозаготовительной политикой. Реквизиции подверглись не только религиозные сельскохозяйственные коммуны, но и церковные приходы, не занимавшиеся сельскохозяйственным производством.

Существующие цены на зерновые культуры не покрывали затрат на их производство, были ниже рыночных. Осенью 1929 г. заготовительные организации Калмыкии платили за 1 ц ячменя 6 руб. 50 коп., за 1 ц пшеницы – 11 руб., тогда как рыночная их стоимость была значительно выше [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1356. Л. 63–64]. Поэтому не удивительно, что колхозы и крестьяне-единоличники стремились продать как можно больше хлеба на рынке. Цены на хлеб, отпускаемый по карточкам населению, были чрезвычайно низкими. Так, стоимость 1 кг черного хлеба в конце первой пятилетки не превышала 8–12 коп., а пшеничного – 17–20 коп. [История советского крестьянства Т. 2. 1986: 429].

Хлебозаготовка в Калмыкии, как и везде, проводилась с применением административно-репрессивных мер, о чем свидетельствуют многочисленные факты. В ноябре 1929 г. за невыполнение указаний областного торгового отдела по хлебозаготовкам председатель коопхлеба Строганов был привлечен к судебной ответственности. Прокуратура возбудила множество уголовных дел на середняков, не выполнивших план заготовок хлеба [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 364а. Л. 1, 32–48; Оп. Д. 5. Л. 229–231; Д. 7. Л. 16]. В 1930 г. из-за сильной засухи и неурожая трав и зерновых Калмыцкая автономная область была освобождена от государственных хлебозаготовок. В целом же по стране в этот год был собран сравнительно неплохой урожай зерна. Это объяснялось, как благоприятными погодными условиями, так и тем, что посев озимых

хлебов (ржи и озимой пшеницы) производился осенью 1929 г. единоличными хозяйствами, а яровых – весной 1930 г. после массового выхода крестьян из колхозов (осталось в них не более 20–23 %). Уборка урожая также проводилась в основном единоличниками. В общем по стране, в результате применения жестоких репрессий в 1929–1930 гг. было заготовлено 943,8 млн пудов хлеба [Ивницкий 2009: 44].

В 1930–1931 гг., когда в Нижневолжском крае было коллективизировано уже до 50 % основной бедняцко-средняцкой массы, хлебозаготовки, как отмечалось в краевых документах, должны были стать основным показателем работы по сплошной коллективизации края. [Известия Нижне-Волжского 1930: 299]. Хлебозаготовки, коллективизация и ликвидация кулачества были тесно взаимосвязаны, именно в решении такой триединой задачи и видели свое предназначение партийные власти.

Несмотря на грозные предостережения вышестоящих властей, хлебозаготовки в Калмыкии и Нижневолжском регионе проходили трудно и с большим напрягом и повсюду отмечались невыполнением плана. По мнению краевых властей, задержки с выполнением плана хлебозаготовок объяснялись, прежде всего, отсутствием соответствующей идейно-воспитательной работы среди сельских тружеников, соцсоревнований и ударничества по хлебозаготовкам. Придавая особое значение этому вопросу, президиум Нижне-Волжского крайисполкома 13 сентября 1930 г. принял постановление об учреждении переходящего Красного знамени по хлебозаготовкам, а 23 сентября – постановление о премировании за хлебосдачу. Согласно первому документу переходящим знаменем награждались районы, давшие за декаду наибольший процент выполнения месячного и годового плана хлебозаготовок, а также наибольший процент выполнения по всем видам платежей и заготовок. Другой документ предусматривал премирование районов и колхозов легковыми и грузовыми машинами, киноустановками, телефонным и радиоимуществом за выполнение годового плана хлебозаготовок. Несмотря на материальные и моральные формы поощрения и принятые другие меры, хлебозаготовки по краю по-прежнему велись с большим напряжением. Все неудачи этой кам-

пани, в первую очередь, объяснялись противодействием кулака, продажей хлеба по спекулятивным ценам.

В 1931 г. засуха поразила пять основных районов северо-востока страны, в том числе и Нижнее Поволжье. Это негативным образом сказалось на урожайности и валовых сборах зерновых хлебов. Для Калмыкии год тоже оказался неурожайным. Достаточно остро и драматично шли государственные закупки хлеба, план по которому был установлен в 26,2 тыс. т, что превышало даже предполагаемый сбор товарного зерна на 4,7 тыс. т. В этой связи областной комитет партии просил крайком уменьшить план хлебозаготовок до 21,5 тыс. тонн. Однако Нижне-Волжское руководство не пошло на уступки. Выполнение плана обкомом было соответственно распределено по улусам Калмыкии: Западному – 25 203,2 тыс. т, Сарпинскому – 723 т, Центральному – 149,4 т, Приморскому – 73,3 т, Приволжскому – 50,7 т. Карательным органам на местах настоятельно рекомендовалось активно включиться в заготовительную кампанию и принять решительные меры к так называемым укрывателям хлеба. В случаях «разбазаривания» хлеба в отдельных колхозах и единоличных хозяйствах разрешалось привлечение виновных к уголовной ответственности и проведение показательных процессов [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 3. Л. 172; Д. 6.Л. 55 а].

16 октября 1931 г. СНК СССР, Колхозцентр и Тракторцентр приняли совместное постановление, запрещавшее создание хлебных фондов в колхозах до выполнения хлебозаготовительного плана. Это означало, что первоочередной обязанностью колхозов является выполнение любой ценой плана хлебозаготовок, независимо от количества собранного урожая. К примеру, Западному улусу, основному поставщику зерна в области, хлебозаготовительный план на 1931 г. был утвержден укомом партии 7 августа 1931 г. в размере 25 203 т (или 1 млн 576 тыс. пудов). Были установлены и сроки выполнения этого плана: август – 40 %, сентябрь – 30 %, октябрь – 30 % [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 185]. Созванное в конце августа совещание партийного актива улуса показало, что план хлебозаготовок был выполнен на 8,75 %, что составляло 180 тыс. пудов. Заседание бюро обкома ВКП (б) с участием инструкторо-

ра крайкома партии пришло к выводу, что вся работа по заготовке зерна в Западном улусе пущена на самотек. После этого последовали репрессивные меры, и к 23 сентября план хлебозаготовок был выполнен на 34,4 %, причем не обмолоченного хлеба оказалось еще около 40 %. Почти через две недели, 10 октября 1931 г., бюро обкома ВКП (б), рассмотрев в очередной раз ход выполнения хлебозаготовок, который к этому моменту оказался выполненным на 41 %, сделало вывод, что план сдачи хлеба государству находится под угрозой срыва [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 364а. Л. 18].

Судя по архивным источникам и опубликованным научным работам, изъятие хлеба «под гребенку» вызывало протест не только у рядовых колхозников и единоличников, но и у руководителей колхозов. Чтобы не допустить голода, они пытались оставить часть зерна на внутреннее потребление, задержать сдачу хлеба государству, чтобы обмолоченное зерно распределить сначала между колхозами, а затем создать семенные, фуражные и другие фонды. Руководители хозяйств различными способами пытались скрыть от властей размеры валового урожая (сообщали заниженные данные), стремились удовлетворить, прежде всего, нужды своих колхозников. Так, на состоявшемся 2 ноября 1931 г. слете председателей колхозов и секретарей ячеек Западного улуса прозвучали призывы и предупреждения следующего характера. Председатель одного из колхозов Кукенов призывал «не повторить ошибок 1929 г., когда крестьянство, сдав государству зерно, само осталось без хлеба». А председатель Багатуктуновской коммуны «Искра всемирной революции» Пашенко предупреждал: «У меня зерна в коммуне осталось 70 ц и, если актив мне разрешит вывозить это зерно, то его я вывезу. К сожалению, если коммунары будут голодать, то я снимаю с себя всякую ответственность» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 175].

Местные власти, столкнувшись с непоколебимой позицией центра по выполнению спущенных им планов, были вынуждены использовать все доступные средства, чтобы обеспечить их выполнение. 15 ноября 1931 г. на внеочередной партийной конференции Западного улуса было отмечено, что план хлебозаготовок выполнен всего на 53 %. По 13 сельским советам улуса к уголовной от-

ветственности были привлечены 63 крестьянских хозяйства, в том числе 60 кулацких и зажиточных: за невыполнение плана хлебозаготовок было осуждено 43 кулацких и 13 зажиточных хозяйств и за злонамеренное невыполнение контрактационных договоров – 4 зажиточных и 3 середняцких хозяйства [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–36]. Эти крестьяне, согласно ч. 3 ст. 61 УК РСФСР, были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Был освобожден от занимаемой должности с исключением из членов партии председатель Западного улусного исполкома Х. Сарин. Ответственному секретарю улускома Н. Эрдниеву, директору Башантинского МТС Кирюшкину, председателю райкоопсоюза (хлебживсоюз) Эльзенову, председателю райпотребсоюза А. Бадминову, заведующему земельным управлением Кулишову были объявлены выговоры. Уполномоченному ЦК ВКП (б) в с. Нем-Хагинка Калганову, уполномоченному Нижне-Волжского ВКП(б) в с. Будульчинеры Тонсорову, прокурору по Западному улусу Касперовичу объявлены строгие выговора с предупреждением. За срыв сдачи хлеба государству тройка ОКК ВКП (б) исключила из партии 20 ответственных работников районного масштаба, 9 – получили строгий выговор с предупреждением, 11 – строгий выговор, 13 – выговор, 14 было поставлено на вид, 10 – указано [НА РК. Ф. П.-1. Д. 364а. Л. 18. Л. 21, 48; Оп. 2. Д. 5. Л. 229–231; Д. 7. Л. 16].

Областной комитет партии и областная контрольная комиссия ВКП (б) причины невыполнения плана хлебозаготовок видели не только в подрывной деятельности кулачества, но и в потере классового чутья, хотя истинная причина крылась в другом – в нереальном для выполнения плане заготовок хлеба. У многих колхозов хлеб изымался насильственным путем, включая семенные и продовольственные фонды, что вызывало недовольство крестьян, выражавшееся в неорганизованном отходничестве, убое и продаже скота, отказе единоличников от засева полей под новый урожай, применении физической силы к представителям властей. К примеру, в с. Яшалта группа крестьян избила уполномоченного Нижне-Волжского крайкома и представителя оргбюро по хлебозаготовкам.

Несмотря на применение репрессивных мер, Калмыкия все же не смогла справиться с непосильным планом сдачи хлеба государству. Только к 10 января 1932 г. Западный улус (один из основных зерновых районов Калмыкии) выполнил его на 90,34 % [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 79. Л. 101]. Изъятие хлеба, приведшее к нарушению продуктового обмена, тяжело отразилось на положении крестьян. В продовольственном фонде колхоза им. К. Маркса в январе 1932 г. имелось 10 пудов муки, предназначенной для курсантов-трактористов, и 250 ц семенного зерна; в колхозе им. Р. Люксембург (бригаде Шенфельд, а также по другим бригадам в Нем-Хагинке) 5 пудов муки и 17 ц семенного зерна. Всего натуральными продуктами в колхозе им. К. Маркса было выдано по 1,5 кг на трудодень, а в колхозе им. Р. Люксембург – от 1 до 2-х кг. После полной сдачи зерна государству в улусе начался голод. Колхозники этих хозяйств вынуждены были продавать свою одежду, чтобы купить хлеб, имели место случаи организованного невыхода на работу, люди требовали обеспечить их хлебом, угрожали разобрать и порезать на продовольственные нужды весь скот. Житель Нем-Хагинки М. Чинберг открыто говорил: «Умирать нам в этом году, как собакам. Хлеба нам не оставляют, вывозят все до последнего зерна. Придется Манжикова, секретаря партийной ячейки, ударить и сесть в тюрьму. Там хоть хлеба 200 грамм дают. Эх, пропала Россия». Эти настроения зачастую переходили в активные действия. В с. Яшалта Западного улуса во время описи его имущества и за отказ выполнить задание по семенам Кравченко пытался застрелить члена сельского совета Прокопенко [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 104. Л. 36; Оп. 2. Д. 79. Л. 127–128; Д. 10. Л. 132; Д. 65. Л. 37]. Таким же безысходно тяжелым положение крестьян было во всех остальных хозяйствах улуса.

Власти применяли самые жесткие меры к сельским жителям и преступали все моральные законы. Показательным примером бесчеловечного отношения к ним местных руководителей представляется поступок уполномоченного УИК Западного улуса Денина. На заявление крестьянина Алейникова, что «у нас нет хлеба и нечем кормить детей», он ответил так: «Хоть повесьте детей, а хлебозаготовку выполните» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 237].

Многие уполномоченные, сельские активисты, коммунисты и комсомольцы, выполнявшие указания партийных органов, искренне верили в правоту своих насильственных действий, полагая, что только таким образом и можно выполнить план хлебозаготовок. 15 декабря 1931 г. по всем улусам было разослано директивное письмо Х. М. Джалыкова и постановление бюро обкома, в которых коммунистов предостерегали от излишнего администрирования в работе по хлебозаготовкам.

Чтобы улучшить продовольственное положение в области, оздоровить в ней моральную и социально-политическую обстановку, партийное руководство пыталось изыскать внутренние резервы. Одним из таких источников пополнения запаса виделся так называемый вторичный обмолот, на который так надеялись органы власти. Однако реакция крестьянства на вторичный обмолот оказалась достаточно критической: «Вторичный обмолот не окупает расходов и вызывает недовольство полеводческих бригад». Крестьяне из Абганеровского сельского совета по этому поводу говорили: «Второй обмолот производят напрасно, изнашивают зря машину, одежду и животных, активно используют труд людей, а результатов нет» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 237]. Предпринимались и другие меры, главным образом, выражавшиеся в виде взаимопомощи между колхозами. Так, 25 января 1932 г. улусный комитет партии обязал 2-й Икитуктуновский колхоз выдать займы из полученного по вторичному обмолоту зерна ссуду Нем-Хагинскому и Абганеровскому колхозам, а из фонда Яшалтинского сельпо выдал муку 1-му Икичносовскому колхозу. Для ослабления продовольственного кризиса предлагалось активно использовать гарнцевый сбор [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 20. Л. 129, 133].

Следует отметить, что государство при распределении планов хлебозаготовок не учитывало природно-климатических условий отдельных районов, типы почв, а также экономические возможности районов и колхозов. В Калмыкии с низким плодородием земель, засушливым климатом, малым количеством осадков, к тому же при слабой агрикультуре, на тот период трудно было ожидать хорошей продуктивности земледелия. Но это не останавливало калмыцкое руководство и их начальство в центре. Предполага-

лось, что «крупное высокомеханизированное социалистическое хозяйство», пришедшее на смену энергетически ничтожно вооруженному единоличнику, сможет противостоять природе и обеспечить такие же урожаи, как в других хлебопроизводящих районах с высоким плодородным качеством земли. Однако этого не случилось, да и не могло случиться по причине неплодородия пашни. Средний показатель урожайности в автономии значительно отставал от других регионов. Однако это не освобождало область от выполнения задания по хлебозаготовкам, за исключением, как указывалось выше, 1930 г.

В целом по стране выполнение плана хлебосдачи осложнялось тем, что урожайность устанавливалась в период созревания хлебов и, исходя из этого, определялись валовой сбор и плановые задания по хлебосдаче. Фактическая же урожайность и валовые сборы всегда оказывались значительно ниже планируемых цифр. Это приводило к тому, что колхозы вынуждены были сдавать в продовольственный фонд до 65 % собранного урожая. Государством одновременно ущемлялись экономические интересы колхозов и единоличных хозяйств. Несмотря на то, что колхозы обязаны были и сами доставлять товарную продукцию на сыпные пункты, заготовительные организации нередко задерживали выплату денег колхозам за сданную продукцию. На первом месте по степени нерешенности взаимоотношений находились расчеты между МТС и колхозами.

В 1931 г. валовой сбор зерновых в целом по стране снизился по сравнению с предыдущим на 20,5 %, составив только 69,5 млн тонн. Урожайность зерновых по СССР снизилась с 53,4 пудов с гектара в 1927 г. до 38,4 пудов в 1931 г., в Нижне-Волжском крае – соответственно с 32,9 пудов до 22,6 пудов. Поскольку экономическая обстановка в целом ухудшилась, то к худшему изменилось и материальное положение колхозников, бывших середняков и бедняков. Тем не менее, планы государственных заготовок сельскохозяйственной продукции в 1931 г. были значительно повышены. Еще в апреле 1930 г. были установлены следующие нормы сдачи зерна колхозниками: от 1/4 до 1/3 валового сбора в основных зерновых районах, в остальных – до 1/8. Для Нижне-Волжского

края план хлебозаготовок на 1931 г. составил 145 млн пудов зерна, тогда как в 1930 г. он равнялся 100, 8 млн пудов [РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 111 а. Л. 6,7,11,12]. Доля хлебозаготовок в валовом сборе зерна по стране увеличивалась с 26,5 % в 1930 г. до 32,9 % в 1931 г. (при уменьшении валового сбора с 87,5 до 69,5 млн тонн), и государственные заготовки зерна составили 22,86 млн тонн, т. е. почти на уровне предыдущего года. Таким образом, в распоряжении колхозов, совхозов, индивидуальных хозяйств (на продовольствие, оплату труда, семенные фонды и т. д.) в 1931 г. зерна осталось на 30,2 % меньше, чем в 1930 г., т. е. увеличение доли хлебозаготовок произошло не за счет роста производства хлеба, а за счет сокращения собственного потребления деревни. Положение с обеспечением хлебопродуктами усугублялось еще и тем, что, если какие-либо районы, области, края не выполняли план хлебозаготовок, то их часть пополнялась за счет более состоятельных хозяйств и районов, которые лишались не только семенных, но и продовольственных фондов. Это лишало стимулов для увеличения производства зерна передовые хозяйства. Так, на Северном Кавказе, представлявшем собой богатый хлебный район, в 1931 г. государство забрало 63 % урожая, а в Нижне-Волжском крае – 41 %, вместо одной трети, полагавшейся по норме [Ивницкий 2009: 248–250].

План хлебозаготовок 1931 г. усилиями уполномоченных и местных активистов, организовавших «хлебозаготовительные штурмы», с применением ими мер принуждения и репрессий, в большинстве регионов СССР был выполнен. Несмотря на то, что в 1931 г. по сравнению с 1932 г. план хлебозаготовок был меньше, к примеру, в Нижне-Волжском крае – на 13,4 %, в Средне-Волжском крае – на 12 %, из деревень было вывезено огромное количество хлеба по отношению к валовым сборам. В Нижнем Поволжье в 1931 г. процент изъятого от валового сбора зерна составил 40,3 %. Фактические заготовки зерна (без учета совхозов и возврата семенной ссуды) в 1930–1931 гг. составили 84,9 млн пудов. Оставшийся хлеб до получения нового урожая не мог обеспечить необходимых минимальных потребностей, даже в минимальном исчислении, большого количества крестьян. По официальным отчетам колхозов Нижне-Волжского края, составлявших здесь 65 %

их общего числа, в 1931 г. на одно хозяйство было выдано 450 кг хлеба, т.е. до следующего урожая на каждого члена колхозной семьи в сутки приходилось всего 280 г хлеба. По принятым нормам хлебного потребления, на одного сельского жителя в этом регионе в 1920-е гг. в среднем приходилось 210 кг зерна в год, или 575 г в сутки [Кондрашин 2008: 87–88].

Таким образом, в 1931 г. в ходе заготовительной кампании колхозы и единоличные хозяйства сдали государству не только товарное зерно, но и значительную часть продовольственного зерна. Часть оставшегося у крестьян зерна попала в государственные закрома в ходе кампании по засыпке семян под урожай 1932 г. Итогом всего этого стали ощутимые продовольственные трудности, в частности в Калмыкии, и голод.

В этот же период усиливался налоговый пресс на крестьянство. Колхозам были предоставлены существенные льготы, как в заготовке хлеба, так и по налоговому обложению. Вся тяжесть налогового бремени ложилась на крестьянство, особенно на его зажиточную часть в порядке индивидуального обложения. В дополнение к единому сельхозналогу, ставки которого увеличивались для единоличников от 20% до 70%, были введены самообложение, единовременные сборы. В 1930–1931 гг. были отменены льготы по сельхозналогу, установленные в 1927 г., а согласно постановлению СНК СССР от 7 июля 1930 г. «О тяжести обложения единым сельскохозяйственным налогом в 1930–1931 г. единоличных хозяйств, не входящих в колхозы», налог на единоличников повышался на 15%.

Важнейшим фактором спада колхозного движения, произошедшего в конце 1931– начале 1932 гг., наряду с обобществлением скота, стала хлебозаготовительная кампания, еще более жесткая, чем предшествующие. Вместе с тем, следует отметить, что посевные площади в 1930–1932 гг. даже несколько увеличились по сравнению с 1929 доколхозным годом. Так, если в 1929 г. вся площадь составляла 118,0 млн га, то в 1930 г. – 127,2 млн га, в 1931 г. – 136,3 млн га, в 1932 г. – 134,4 млн га. По отдельным районам и в целом по СССР средняя урожайность с одного гектара выглядела так:

*Таблица 4. Средняя урожайность зерновых с гектара
в 1928–1931 гг. (в пуд. с га)
[Ивницкий 2009: 68, 218, 249]*

Районы	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Украина	46,3	60,8	57,3	51,9
Нижняя Волга	47,9	38,0	37,2	22,6
Северный Кавказ	51,7	50,1	42,7	45,1
Урал	66,5	43,2	52,1	18,3
Казахстан	60,3	34,2	37,6	27,5
В целом по СССР	53,4	48,7	48,2	38,4

Как показывает таблица по всем районам и в целом по стране, в этот период произошло снижение средней урожайности с гектара. В 1929 г. валовой сбор равнялся 766,4 млн центнеров, в 1930 г. – 804,4 млн, в 1931 г. – 538,3 млн и в 1932 г. – 508,8 млн центнеров [Трагедия советской деревни Т. 3. 2001: 851]. Принимая валовой сбор зерновых в 1929 г. за 100 %, получим: в 1930 г. – 105 %, в 1931 г. – 70,2 %, в 1932 г. – 66,4 %. Зарегистрировано, что средняя урожайность в эти годы, да и в 1933 г., в единоличных и индивидуальных хозяйствах колхозников была несколько выше, чем в сельскохозяйственных объединениях. Это говорит о том, что, несмотря на все социальные и экономические потрясения, единоличный сектор проявил лучшую способность к производству сельскохозяйственной продукции. Правда, их доля в валовой продукции зерновых культур значительно сократилась, но причиной тому было не неумение единоличников работать на поле, а политика сплошной коллективизации, в результате которой и происходило сокращение их числа.

Борясь за собственное выживание, крестьяне пытались прибегнуть к хитрости, если таковой, конечно, имелся, требовали выполнения колхозами обязательств по трудодням. XV конференция ВКП (б) (январь 1932 г.) естественное это стремление колхозников получить честно заработанный хлеб расценила как частнособственную, кулацкую, корыстную тенденцию. Они обвинялись

в подмене лозунга партии «в первую очередь хлеб государству» лозунгом «сначала хлеб себе, а потом государству». Таким настроениям была объявлена беспощадная борьба. В Калмыцкой автономии партийное и советское руководство части улусов было обвинено в «правом оппортунизме» и снято с работы, распущены правления отдельных улусных колхозсоюзов. Под давлением местных партийных органов переизбирались правления колхозов, не выполнивших план хлебозаготовок. Председатели колхозов, допустившие продажу даже небольшого количества зерна на рынке до выполнения плана, привлекались к уголовной ответственности. Единоличников, отказывавшихся сдавать хлеб государству по низким ценам, привлекали к суду. Суровые уроки борьбы за хлеб в 1931–1932 гг. были в известной степени учтены в КАО при подготовке второй колхозной заготовительной кампании 1932–1933 гг. Они заключались в том, что был налажен более реальный учет товарных возможностей всего земледельческого района и, в частности, земледельческих колхозов Калмыкии; была произведена более основательная подготовка к уборке хлебов в предстоящей жатве 1932 г.; более продуманной была организация хлебозаготовок и вывоза зерна на хлебозаготовительные пункты; более равномерно был распределен план выполнения поставок – на четыре месяца вместо трех в 1931 г.

13 февраля 1932 г. был образован Комитет заготовок сельскохозяйственных продуктов при Совете Труда и Обороне СССР. Он сосредоточил в своих руках всю работу по контрактации, заготовкам хлеба и некоторых других видов продуктов сельскохозяйственного производства. На местах он имел своих уполномоченных, подчинявшихся местным властям. Ими осуществлялся строгий контроль за своевременным выполнением планов сдачи хлеба. Так возникла строго централизованная единая государственная система заготовок.

Однако, ни организация колхозов, ни разгром кулачества и зажиточных хозяев на селе не привели к началу 1932 г. к позитивным изменениям в сельском хозяйстве страны. Насильственные заготовки сельскохозяйственной продукции, изъятие денежных ресурсов в виде различных налоговых обложений (обязательных,

«добровольных») серьезно повлияли на экономику еще не окрепших колхозов.

7 марта 1932 г. вышло постановление Политбюро «О семенной ссуде», предусматривавшее выдачу колхозам недородных районов дополнительной семенной ссуды в 13 850 тыс. пудов, в том числе Нижне-Волжскому краю – 2 350 тыс. пудов. При этом оговаривалось, что помощь выделяется при условии выполнения «обязательного посевного плана Наркомзема». Зерно для проведения посевной кампании изыскивалось не только из государственных резервов, но и за счет его внутреннего перераспределения. Таким образом, Нижней Волге его следовало получить с Дона в количестве 2 млн 350 тыс. пудов [Кондрашин 2008: 95]. Выделенные ссуды не покрывали потребностей весенней посевной. В Нижне-Волжском крае дефицит семян колебался в пределах 75 %. Оставшуюся часть зерна изыскивали на местах.

Вследствие недостаточного количества семенного зерна, плохой организации посевной кампании многие колхозы Нижней Волги не справились с планом весеннего и осеннего севов. К примеру, в наиболее хлебопроизводящем районе Калмыцкой автономной области – Западном улусе – план осеннего сева на 1 ноября был выполнен: по колхозам – на 23,7 %, единоличниками – на 17 %. В целом годовой план сева по области (несмотря на перевыполнение плана Сарпинским улусом) был выполнен всего лишь на 45 % к краевому заданию. Годовой план хлебозаготовок к 1 ноября 1932 г. Западным улусом был выполнен на 39,9 %, а по всей Калмыцкой области – на 48 % [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 5. Д. 28. Л. 32].

Кампания по засыпке семян под урожай 1932 г. намного ухудшила положение сельского населения, так как в ходе ее проведения было изъято значительное количество зерна, предназначенного на пропитание крестьянских семей и прокорм скота.

Планы хлебозаготовок 1932 г. для большинства колхозов Нижней Волги оказались завышенными, прежде всего, с точки зрения уровня производства зерновых. В конце июля – начале августа 1932 г. краевое партийное руководство спустило на места цифры плана хлебосдачи государству, исходя из урожая текущего года [РГАСПИ. Оп. 21. Д. 550. Л. 165об; Д. 3768. Л. 64об].

В результате тяжелого положения с обеспечением продовольствием зимой 1931–1932 гг. начался уход в города и на заработки наиболее активной части колхозников и единоличников. Крестьяне пытались выйти из колхозов и вернуться к единоличному хозяйству. В специальной докладной записке «Об отливах из колхозов за период октября 1931 – февраля 1932 года», подготовленной инструкторами ВЦИК, сообщалось, что в Нижне-Волжском крае в начале 1932 г. наблюдается активное бегство из колхозов. По всей стране пик массового выхода из колхозов приходится на первую половину 1932 г. Число коллективизированных хозяйств в РСФСР сократилось на 1 370,8 тыс. [Кондрашин 1996: 92–99, 96].

Причинами спада колхозного движения и снижения темпов коллективизации стали тяжелое положение многих колхозов, вызванное засухой и недородом 1932 г. в зерновых районах, организационно-хозяйственная неустроенность большинства колхозов, перегибы в вопросах обобществления скота и хлебозаготовок, уравниловка в распределении доходов, погоня за дутыми цифрами в коллективизации. Особенно активизировался выход крестьян из колхозов после обнародования постановления ЦК ВКП (б) от 26 марта 1932 г., осудившего перегибы, допущенные в процессе коллективизации, и принудительное обобществление скота. В колхозе «Заря труда» Басинского сельсовета Приморского улуса КАО в марте 1932 г. члены коллектива стали самовольно забирать не только ранее обобществленный скот, но и сельскохозяйственный инвентарь (упряжь, сбрую, телеги, хомуты и т. д.). В течение двух дней из колхоза вышли 7 хозяйств. В Сарпинском улусе в с. Кегульта на собрании колхозники потребовали возвращения скота, мотивируя это тем, что в средствах массовой информации было опубликовано постановление ЦК, разрешающее возврат принудительно обобществленного скота. [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 104. Л. 178]. Всего в период с 1 мая по 1 июня 1932 г. из колхозов Нижне-Волжского края вышло 7,4 % крестьянских семей. Однако спад в колхозном строительстве зимой – весной 1932 г. по своим масштабам и продолжительности все же не может сравниться со спадом, отмеченным весной – летом 1930 г.

Сложности, которыми сопровождалась заготовка хлеба в 1931 г., вынудили партию и правительство уменьшить план хлебозаготовок из урожая 1932 г. для колхозов и единоличных хозяйств. Колхозы и крестьянские хозяйства Калмыкии должны были сдать 11 700 т зерна, т.е. почти на 55 % меньше, однако это уменьшение плановых заданий случилось не по причине позитивных изменений в экономической политике. Калмыкия в результате предыдущих обязательных поставок и неблагоприятных климатических условий ряда лет оказалась экономически просто истощенной, да и колхозы еще были слабы в производственном отношении. Снижение плана хлебопоставок было вызвано также и снятием Калмыкии в 1931 г. с государственного хлебного снабжения, за исключением муки, предназначенной только для рабочих и служащих (а это всего 20,5 % населения), с месячной нормой до 330 т (краевые органы власти уменьшили ее до 160 т). А с января 1932 г. область полностью была снята с планового снабжения хлебом. Очевидно, руководство крайкома таким образом решило наказать население Калмыкии за невыполнение плана хлебозаготовок в предыдущем году.

Урожай в 1932 г. по стране оказался ниже, чем год назад. Валовый сбор зерновых составил 50,1 млн т. Нижневолжский край сдал государству 44,3 % валового сбора зерновых. Несмотря на применение репрессивных мер, заготовка хлеба, по сравнению с предыдущим годом, снизилась на 43,1 млн ц и в 1932 году составила всего 18,6 млн т, или на 18,9% меньше, чем в 1931 г.

В своем выступлении на объединенном заседании Политбюро ЦК ВКП (б) и Президиума ЦК ВКП (б) 27 ноября 1932 г. трудности с хлебозаготовкой Сталин объяснял, прежде всего, «злостным саботажем» со стороны крестьян, сознательным вредительством, которые надо преодолеть с помощью чрезвычайных (репрессивных) мер. Эта ситуация в январе 1933 г. была оценена в известном «теоретическом» обобщении Сталина как переход классового врага, прежде всего, кулачества, к «новой тактике» – «от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой». При этом он исходил из того, что хотя большинство колхозного крестьянства «является опорой советской власти в деревне», «это еще не значит, что среди колхозников и колхозов не может быть отдельных от-

рядов, идущих против советской власти, поддерживающих вредителей, поддерживающих саботаж хлебозаготовок», и «было бы глупо, если бы коммунисты... не ответили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом». Он выразил уверенность, что «вредительство в колхозах и саботаж хлебозаготовок сыграют, в конце концов, такую же благодетельную роль, какую сыграл «шахтинский процесс» в области промышленности», послужит таким же «поворотным пунктом в деле развертывания революционной бдительности наших сельских и районных коммунистов и организации большевистских кадров в колхозах и совхозах» [РГАСПИ. Оп. 3. Д. 798. Л. 11, 28-29; Оп. 21. Д. 678. Л. 133; Д. 2659. Л. 74].

Уже в другом своем выступлении Сталин меняет свою точку зрения об инициаторах возникших в стране трудностей с заготовкой хлеба. В речи «О работе в деревне» на январском пленуме 1933 г. он заявил по поводу виновности крестьян: «совершенно неверно и безусловно несправедливо» взваливать на них всю ответственность за затруднения с хлебозаготовками. «Крестьяне тут ни при чем... Ответственность целиком падает на коммунистов», которые, якобы не учли новой обстановки в деревне, созданной объявлением колхозной торговли хлебом. «С первых же дней уборки, еще в июле месяце 1932 г., они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки». А вместо этого «стали подгонять образование всякого рода фондов в колхозах, усиливая тем самым сдержанность сдатчиков хлеба в деле выполнения их обязанностей перед государством».

Такого рода обвинения, выдвинутые против коммунистов, всех сельских руководителей, вряд ли можно считать справедливыми и соответствовавшими истине. Руководители на местах изо всех сил старались выполнить свою «первую заповедь» – обеспечить выполнение плана хлебозаготовок, они знали, что за невыполнение можно поплатиться и жизнью, хотя, конечно, встречались отдельные случаи нерадивого отношения к исполнению партийных поручений. Но невыполнение плана хлебозаготовок объяснялось либо неопытностью руководителей, либо тем, что во вверенных им хозяйствах действительно не было хлеба.

Одной из причин сокращения государственных закупок хлеба (доля в валовом сборе составляла 26,9 %) стали также уклонение колхозников от уборочных работ и большой отток крестьян в города и другие села. Поскольку колхозный фонд был ликвидирован, колхозники не надеялись на получение хлеба на трудодни, так как хлеб увозился с молотилок на заготовительные пункты. Между тем потребность страны в хлебе продолжала расти. Курс, взятый на индустриализацию страны, требовал значительных финансовых вложений, получить которые можно было бы, вывозя хлеб на внешний рынок и увеличивая государственные заготовки зерна не за счет роста производства сельскохозяйственной продукции, а путем сокращения потребления хлеба населением.

В связи с тем, что в 1932 г. в ряде зерновых районов страны – на Украине, Северном Кавказе и Нижнем Поволжье случился неурожай, сельское хозяйство охватил кризис. Среди факторов, вызвавших его, можно назвать и плохие погодные условия 1931 и 1932 гг., негативно отразившиеся на продуктивности полей, коллективизацию, раскулачивание, саботирование крестьянами сельскохозяйственных кампаний, недостаточную агрикультурную работу, нарушение агротехнических правил. Одной из главных причин низкого урожая 1932 г. явилась разорительная хлебозаготовительная кампания 1931 г., в результате которой многие районы весной 1932 г. допустили существенный недосев зерновых. В результате кризиса недостаток хлеба ощутили особенно те регионы, которые, в силу неблагоприятных климатических условий и исторически сложившейся специализации сельского хозяйства, не имели в достаточном количестве зерна для самообеспечения. Одним из таких районов являлась Калмыкия, которая в начале 1930-х г. с экономической точки зрения была вторичным регионом и отличалась низким уровнем развития сельскохозяйственного производства. Именно ее особенно не пощадил кризис хлебозаготовок, выразившийся в дефиците продовольствия в 1932 г. Но поскольку автономная область все-таки имела небольшие посевные площади в западной части своей территории, она не освобождалась от поставок хлеба государству.

Одним словом, все вышеназванные причины, в том числе и низкие закупочные цены — 5–8 руб. за центнер, чрезвычайно усложнили хлебозаготовительную кампанию 1932 года. Политбюро ЦК ВКП (б) уже в октябре направило в регионы чрезвычайные комиссии по заготовке хлеба. 28 ноября в качестве уполномоченного ЦК и СНК по хлебозаготовкам в Нижнее Поволжье был направлен секретарь ЦК ВКП (б) П. П. Постышев, а в декабре во главе с ним была сформирована комиссия, куда вошли также Зыков, Гольдин и Шкляр. В 26 районов как в особо отстающие были командированы оперативные группы ОГПУ [Известия ЦК КПСС 1990].

На Северном Кавказе, в Казахстане, регионах Нижнего Поволжья в конце 1932–1933 гг. практиковалось занесение на так называемую «черную доску» станиц, сел и целых районов, задержавших выполнение плана. На деле это означало полное прекращение всякой продовольственной торговли с вывозом из села наличных товаров, запрет колхозной и частной торговли, прекращение кредитования и досрочные взыскания с хозяйств по всем обязательствам, чистки и аресты «саботажников», как среди жителей, так и в аппарате управления. После приезда Постышева на Нижней Волге в числе «чёрно-досочников» оказались 19 сельсоветов в 7 районах и несколько колхозов. Было решено в отстающие районы дополнительно перебросить молотилки и тракторы, послать ремонтные бригады.

Несколько ранее, с целью усиления репрессий, применяемых в хлебозаготовительной кампании, под видом борьбы с мелкими хищениями государственной и общественной собственности было принято постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», вошедшее в историю как закон «о пяти колосках». Закон предусматривал за хищение колхозного имущества высшую меру наказания – расстрел, а при смягчающих вину обстоятельствах – десятилетнее лишение свободы с конфискацией имущества. В отношении председателей колхозов, членов правлений, участвующих в хищениях (здесь имелось в виду и оставление без

разрешения зерна в семенных и продовольственных фондах колхозов), предусматривались те же меры наказания. Амнистия по этим делам не предусматривалась. С принятием этого постановления репрессии против крестьянства приобрели особую силу.

Поскольку хлебозаготовки 1932 г. лишали колхозников и единоличников необходимого им для пропитания хлеба, они нашли метод «компенсации за неоплаченный труд» – воровство общественного зерна. В соответствии с сообщениями ОГПУ и милиции большинство правонарушений в 1932 г. были связаны с расхищением зерна как индивидуально, так и большими группами. «Незаконное расхищение» зерна, предназначенного для государственных закромов, подобно эпидемии, поразило деревню в 1932 г. Как только стал наливаться хлебный колос на колхозных полях, появились «парикмахеры», так в прессе называли расхитителей колхозного зерна, чаще всего это были женщины из голодающих семей, которые по ночам выходили с ножницами, чтобы настричь колосьев. В Нем-Хагинке Западного улуса Калмыкии около 30 женщин были уличены в воровстве хлебных колосьев [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 104. Л. 27]. Крестьяне выходили в поле по ночам, кто с ножницами, кто с серпами и косами, уносили домой скошенные снопы пшеницы и ржи. Зерно воровали также из-под молотилок, на косьбе, при скирдовании и обмолоте. Так, сторож О. Шалхаков из Бюдермес-Кебютковского сельсовета, охранявший все лето колхозный амбар, каждое утро уносил с собой сумку с зерном, весом около пуда [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 237]. Колосья, украденные из колхозного жита детьми из села Кегульта Сарпинского улуса, стали основанием для привлечения их к ответу по декрету от 7 августа [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 105. Л. 17 а]. Органы ОГПУ регулярно сообщали руководству страны о фактах «организованных нападений на колхозные поля». Чтобы представить масштабы этого явления достаточно напомнить, что на 1 января 1933 г. по РСФСР по этому закону были осуждены 54 645 человек, из которых 2100 человек были приговорены к расстрелу. В Нижне-Волжском крае в конце декабря 1932 г. было арестовано более 3,5 тыс. человек. В 1933 г. в Калмыкии были осуждены 515 человек.

Массовое воровство крестьянами «социалистической собственности» в период коллективизации, по нашему мнению, все же было оправданно. Оно стало закономерным ответом крестьян государству за его трехлетнюю разорительную принудительную кампанию хлебозаготовок, в самих колхозах воровство общественного зерна подавляющим большинством колхозников, а также односельчанами не осуждалось, так как это было практически единственным способом выживания.

Одновременно с репрессивными мерами воздействия проводился и экономический нажим. С осени 1932 г. был введен единовременный денежный налог на единоличников в сумме 300 млн руб. Обязательные платежи деревни в 1932 г. составили более 2 млрд руб., т.е. в 2,5 раза больше, чем в 1930 г. В отношении единоличников применялись натуральные штрафы в размере 15-месячной нормы мясopоставок и годичной нормы сдачи картофеля. К зажиточной части единоличников применялись репрессии, предусмотренные 58 статьей Уголовного кодекса. В связи с этим происходило неуклонное сокращение численности единоличных крестьянских хозяйств. К колхозам, неудовлетворительно выполнявшим план хлебозаготовок, применялись натуральные штрафы в виде установления дополнительного задания по мясopазготовкам в размере 15-месячной нормы сдачи мяса и по общественному, и индивидуальному скоту колхозников. Но это не освобождало их от выполнения плана хлебозаготовок. Помимо этого, у колхозников изымалось зерно, полученное как с приусадебных участков, так и авансом на трудодни. В 1932 г. многие регионы, несмотря на продолжавшееся применение репрессивных мер и даже уменьшение плановых заданий, не смогли выполнить планы по хлебозаготовкам. В этих условиях руководство страны прибегло к изъятию зерна из семенных, фуражных и продовольственных фондов, что имело роковое значение для населения Украины, Казахстана, Нижнего Поволжья и других регионов. Колхозная система позволила большевикам за бесценнок изымать хлеб из деревни в еще больших объемах, чем в период продразверстки 1918–1921 гг. Если в 1930 г. партийно-советские

органы изъяли более 30 % валового сбора зерновых, о чем мы говорили выше, то в 1931 г. – уже около 40 %. В 1932 г. по предложению А. И. Микояна и с согласия Сталина норма изъятия хлеба в зерновых районах была увеличена до 45 %, несмотря на то, что урожаем 1932 г. (698,7 млн ц) был намного меньше урожая 1930 г. (835,4 млн ц). В итоге объем хлебозаготовок в 1932 г. превысил объем 1930 г. более чем на 30 %, из колхозов и единоличных хозяйств хлеб изымался практически «под метёлку». В результате жестокой реквизиционной сельскохозяйственной политики государства в СССР смертность от голода, эпидемий и сопутствующих болезней, особенно начиная с марта 1933 г., приобрела массовый характер.

Итак, хлебозаготовки 1931–1932 гг. стали непосредственной причиной голода в СССР, так они лишили деревню хлеба, необходимого для жизнеобеспечения миллионов крестьянских семей. В то же время наступивший в 1933 г. голод нельзя считать прямым следствием только хлебозаготовок как таковых, но он также результат и насильственной государственной политики по изменению в СССР крестьянского уклада и хозяйственных отношений.

Таким образом, осуществление сталинской «революции сверху» – коллективизации сельского хозяйства – вызвало глубочайший кризис сельского хозяйства и привело к голоду 1932–1933 гг. Социально-политические катаклизмы активно влияли на трансформацию сельскохозяйственного производства в Калмыкии и придали ему специфические черты. В силу того, что сельскохозяйственное производство периодически восстанавливало уровень то 1913 г., то 1928 г., его трансформация проходила на экстенсивной основе. В колхозную эпоху отсутствовали стимулы экономической активности крестьян-колхозников, им необходимо было выживать, а не накапливать. Крестьянство в Калмыцкой автономной области в начале 1930-х гг. оставалось самой бедной частью населения.

§2. Индустриальное развитие: особенности и результаты

В настоящее время в научно-политических кругах активно дискутируется тема обновления и ускорения социально-экономического развития страны, осуществления эффективного механизма реструктуризации экономики и внедрения «новой индустриализации» [Путин 2012; Медведев 2014]. В связи с этим представляется актуальным взвешенное и объективное осмысление, изучение советского опыта преобразований в экономике – в особенности процесса ускоренной индустриализации на региональном уровне в общем контексте развития страны в 1920–1930-х гг.

Индустриальное развитие представляет собой важнейшую характеристику общества и государства в целом, определяет формирование всего мирового экономического хозяйства, является основополагающим фактором выравнивания уровней экономического развития регионов страны. Изучение индустриального развития именно в таком понимании, безусловно, заслуживает специального внимания. Субъект Российской Федерации – Республика Калмыкия являет собою беспрецедентный пример уникального опыта ускоренного индустриального развития, реализованного в рамках нескольких типов общественно-политических и экономических систем. В национальной республике, каковой является Калмыкия, процессы возникновения и развития промышленности, а также формирования рабочего класса в период социалистической индустриализации и последующего развития в силу исторических, географических, экономических причин, безусловно, имели свою национальную специфику, характерные особенности и черты, во многом определившие как успехи, так и неудачи в ходе реализации поставленной важнейшей общегосударственной задачи. Объектом исследования в настоящем параграфе выступает индустриальное развитие Республики Калмыкия с ее существенными специфическими особенностями и конечными результатами. Ставится задача выявить негативное влияние политики ускоренной индустриализации, вызвавшее замедление темпов роста основных отраслей аграрного сектора, на обеспечение необходимыми продуктами питания населения страны.

XIV съезд ВКП (б), прошедший в декабре 1925 года, наметил курс на осуществление форсированной индустриализации и тем самым положил начало планово-директивному руководству народно-хозяйственным комплексом страны. В советской историографии этот съезд принято считать «съездом индустриализации» и в рамках советской идеологии наращивание индустриальной мощи в 1930-е гг. провозглашалось стратегическим курсом экономического развития страны, считалось одним из важнейших достижений СССР. С конца 1980-х гг., вопрос о действительных масштабах и историческом значении индустриализации стал предметом дискуссий, касающихся подлинных целей индустриализации, выбора средств для её осуществления, взаимосвязи индустриализации с коллективизацией и массовыми репрессиями, а также её результатов и долгосрочных последствий для советской экономики и общества. Эти дискуссии продолжаются и по настоящее время, как в российской, так и в зарубежной историографии, в том числе и в странах бывшего Советского Союза.

Индустриализация, сама по себе, безусловно, является объективной закономерностью исторического развития любого государства. Для советской России необходимость проведения индустриализации форсированными темпами вызывались задачами укрепления безопасности страны, обеспечения ее экономической жизнеспособности. Индустриализация давала советской России возможность встать вровень с промышленно развитыми странами, позволяла укрепить и расширить социальную базу большевиков, которой являлся современный фабрично-заводской рабочий класс. Но другое дело, имелись ли в то время в стране социальные и экономические предпосылки для ускоренного ее проведения? Было очевидно, что НЭП оказался не способным обеспечить необходимые условия для развития, тем более форсированного, советской индустриализации. По вопросу экономического курса, перспективного для страны, в высшем партийно-хозяйственном руководстве СССР, обозначились два, практически взаимоисключающих, подхода.

В основе Концепции Н. И. Бухарина лежали предложения дальнейшего продолжения НЭП, нормализации и регулирования

рынка посредством гибких закупочных цен и маневрирования государственными резервами, активное развитие лёгкой промышленности (группы «Б»), поддержка индивидуального хозяйства крестьян. И лишь после укрепления сельского хозяйства предполагалось постепенно перейти к индустриализации, созданию тяжёлой промышленности. Все эти меры должны были, по мысли авторов концепции, обеспечить экономический рост, повышение благосостояния народа.

Концепция И. В. Сталина предлагала: свёртывание НЭПа, ликвидацию рыночных отношений и экономической свободы, следовательно, усиление роли государства в развитии экономики. Государство концентрирует ресурсы в своих руках, изыскивает средства, в том числе валютные, для нужд индустриализации. В сталинской концепции, в отличие от бухаринской, приоритетное значение придавалось развитию тяжёлой промышленности (группы «А»). В аграрном секторе упор делался на развитие коллективных хозяйств, укрепление административного контроля над деревней с целью превращения ее в источник ресурсов для индустриализации.

Концепция Н. И. Бухарина была отвергнута, так как считалось, что она делала невозможным быстрый промышленный скачок, отодвигала на долгий срок переход СССР в разряд мощных индустриальных держав. Решением партийных и государственных органов за основу экономического развития страны был взят сталинский курс ускоренной индустриализации, в конечном итоге, предполагавший достижение экономической независимости и из страны ввозящей стать страной производящей свою собственную продукцию. Основной упор рассчитывалось сделать на развитие тяжелой промышленности, причем реализовать это предполагалось на основе пятилетних планов, которые в свою очередь, за счет стремительного и успешного осуществления, должны были дать высокий промышленный рост.

23–29 апреля 1929 года состоялась XVI партийная конференция – одна из важных вех в сталинской государственной модели. На конференции, ВСНХ предложил 2 варианта пятилетнего плана и руководством страны был отобран первый, задания по которому

в промышленности были на 20% выше. По плану предлагалось следующее:

- а) экономическое развитие всех районов страны;
- б) максимальное использование всех возможных людских и промышленных ресурсов;
- в) интенсивный рост вложений финансов в строительство новых промышленных объектов (фабрик, заводов, железных дорог, электростанций и т.п.);
- г) интенсивный рост производительности труда, выпуска сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров, добычи полезных ископаемых [КПСС в резолюциях 1971: 140].

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) принял резолюцию «о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» и первый пятилетний план был утвержден V Всесоюзным съездом советов в мае 1929 г. Тем самым было положено начало социалистической индустриализации как составной части «триединой задачи по коренному переустройству общества» (индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция). Одновременно были ликвидированы частно-товарные и капиталистические формы хозяйства.

План второй пятилетки был разработан в соответствии с директивами XVII Всесоюзной партийной конференции и окончательно утвержден ЦК ВКП (б) и СНК СССР 17 ноября 1934 г. Общая сумма капитальных вложений во все отрасли народного хозяйства страны была определена на две пятилетки в 183,9 млрд руб., в том числе в промышленность – 94,5 млрд руб. (Сумма капиталовложений дана в цифрах 1933 г.) [Конюхов 1971: 67–68.].

Два первых пятилетних плана развития народного хозяйства СССР предусматривали рациональное и равномерное размещение производительных сил, что способствовало бы обеспечению некоторого выравнивания слаборазвитых экономик отдельных регионов, ее росту, формированию рабочего класса как главному проводнику идей партии и основному локомотиву успешного социалистического строительства на местах.

Восстановление народного хозяйства Калмыкии после военной разрухи и засухи 1921 г., шло с большими трудностями и не-

которые подвижки в этом деле наметились в связи с введением принципов НЭПа. В КАО в 1920-е гг. животноводство во многом определяло характер и содержание всей экономической жизни региона. Удельный вес животноводства в совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1928 г. составлял 62% [10 лет Калмыцкой автономной области 1931: 35; Бадмаев 1977: 151]. Вследствие этого еще в период проведения нэпа в автономии получили определенное развитие такие сельскохозяйственные отрасли, как мукомольная, маслодельная, наряду с овчино-шубным, сапожным, портняжным, соляным производствами. Появление и наличие таких производств обусловлено многовековыми традициями калмыцкого населения, исконно занимавшегося животноводством, изготовлением товаров из сельхозсырья и приготовлением продуктов животного происхождения. Правда, произведенная ими вся валовая продукция, в основном обеспечивавшая насущные потребности населения региона, в удельном весе от валовой продукции всего народного хозяйства Калмыкии в 1928 г. составила только 23%, тогда как в Коми – 44,8%, Удмуртии – 34%, Северной Осетии – 33,5%, СССР – 48% [Бадмаев 1975: 133.].

В целом экономика области, как установила комиссия Нижне-Волжского крайисполкома обследовавшая ее состояние, находилась в состоянии стагнации. В 1928 г. Калмыцкая автономная область вошла в состав Нижне-Волжского края ярко выраженным регионом реципиентом по своему экономическому развитию. В Калмыкии проводимая в конце 1920-х и в 1930-е годы директивным путем форсированная индустриализация натолкнулась на ряд серьезных проблем и трудностей. Главной из них была социально-экономическая отсталость, в условиях которой калмыцкому народу, по замыслам руководства страны, предстояло совершить стремительный переход от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. К особенностям индустриализации области следует отнести то, что промышленность создавалась фактически с нуля, в соответствии с политикой выравнивания уровней экономического развития национальных окраин и регионов этот процесс проходил форсированными темпами. Трудности индустриализации Калмыкии, особенно ощутимые на первых ее

этапах, были обусловлены ее хозяйственной отсталостью, отсутствием квалифицированных кадров, неграмотностью значительной части населения, наличием пережитков докапиталистических отношений, неразвитостью автомобильной и отсутствием железнодорожных сетей. Необходимо было коренным образом изменить структуру народного хозяйства, в том числе и промышленности.

Для создания на территории области промышленности и формирования национального рабочего класса необходимо было в первую очередь перевести на оседлость степных кочевников. Первые попытки в этом направлении были сделаны еще в нэповский период, когда по экономическим и социальным причинам активно продолжилось начатое еще до революции отходничество части калмыцких крестьян на рыбные промыслы Астраханской губернии, в основном как временное отвлечение от хозяйства. Небольшая группа обедневших калмыков, главным образом из Яндыко-Мочажного улуса, пыталась перейти к самостоятельному рыболовству и к оседлому образу жизни в рабочих поселках. Калмыцких крестьян, работавших по найму на рыбных промыслах, нельзя было причислить к национальному пролетариату, так как они работали сезонно и считали найм временным делом, необходимым для прокорма семьи. В дальнейшем, в случае удачного стечения обстоятельств, почти все они мечтали об обзаведении личного крестьянского хозяйства.

Переход к оседлости калмыцкого населения стал важнейшей стратегической задачей для партийно-хозяйственных органов автономной области. Калмыцким обкомом партии и Облисполкомом были приняты ряд постановлений, направленных на перевод кочевых и полукочевых хозяйств Калмыкии на оседлый образ жизни, для чего были выделены значительные финансовые средства. Только в 1921–1937 гг. капитальные вложения для осуществления поставленной задачи составили 77,4 млн руб. [Василенко 1969: 66].

Сложные природно-климатические условия Калмыкии, ее разбросанная территория, недостаточно развитая транспортная сеть, крайне ограниченные трудовые ресурсы также определили трудный процесс приобщения калмыков к индустриальному труду.

В июне 1929 г. на пленуме Калмыцкого ОК ВКП (б) был утвержден первый пятилетний план, в основе которого лежал принцип централизованного планово-директивного, лимитно-распределительного механизма. Общий объем капитальных вложений в народное хозяйство Калмыкии на первую пятилетку планировался в 69,9 млн руб., в том числе в промышленность – 4,9 млн руб., что составляло 7% [Очерки истории Калмыцкой организации КПСС 1980: 98]. Валовая продукция промышленности должна была увеличиться за пятилетие в 2,2 раза [НА РК. Ф.Р.-90, Оп. 1. Д. 393. Л. 2].

Политика советского государства учитывала в таких слабо-развитых территориях, как Калмыцкая автономная область, особенности социально-экономического развития, связанные с региональной компонентой. В первой пятилетке в связи с тем, что в промышленности Калмыкии ведущее место занимало мелкое производство, выпускавшее в основном предметы потребления, располагавшее лишь предприятиями по обработке продуктов земледелия и животноводческого сырья, планировалось строительство шерстемойной фабрики, мясохладобойни, овчинно-шубного, консервного и утилизационного заводов. Намечалось сооружение ряда предприятий по переработке природных богатств Калмыкии: камыша, кермека (многолетнее растение, содержащее особое вещество – танин, употребляющееся в кожевенной промышленности для дубления кожи), глины, песка. В частности, было запланировано строительство экстрактового завода по переработке кермека, кирпично-черепичного и камышитового заводов. Вместе с тем, следует отметить, что при составлении первого пятилетнего плана зачастую допускалась переоценка экономических возможностей Калмыкии.

В соответствии с планом индустриализации Калмыкии наибольшее внимание уделялось ускоренному и динамичному развитию рыбной промышленности, куда направлялись значительные ассигнования. Стремление государства развивать рыбную промышленность объяснялось тем, что рыбные продукты были источником производства дешёвого белкового продукта для обеспечения населения быстро растущих городов истроек первых пятиле-

ток. Первым пятилетним планом предусматривалось расширение и реконструкция действовавших рыбопромысловых предприятий в республике, а также строительство нового плавучего консервного завода.

В рыбной промышленности большое внимание уделялось экономическому развитию предприятий союзного значения. Калмыцкий государственный рыбный трест входил во Всесоюзное отраслевое объединение рыбной промышленности и хозяйства «Союзрыба» [Максимов 2009: 418]. Укрепление материально-технической базы Калмгосрыбтреста положительно повлияло на его производственные показатели, валовая продукция значительно увеличилась: с 117 тыс. ц в 1929 г. до 234,9 тыс. ц в 1932 г., т. е. почти в два раза. Удельный вес Калмгосрыбтреста в Волго-Каспийском районе увеличился с 9,6% в 1929 г. до 11,6% в 1931 г. [НА РК. Ф.Р.-136. Оп. 1. Д. 796. Л. 54].

В годы первой пятилетки крупнейшей стройкой союзного значения в Калмыкии стало строительство Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината, начатое в мае 1932 г. Строительство комбината с самого начала осуществлялось в тяжелейших условиях. Сказывалось отсутствие строительных материалов и квалифицированных кадров, нехватка транспорта, в том числе гужевого, для подвоза материалов. Значительное число рабочих, особенно малоквалифицированных, составляли крестьяне из разоренных коллективизацией деревень и аймаков (сел). Как следствие, отмечались низкая производительность труда и слабая производственная дисциплина. В целях поддержки на должном уровне темпов строительства указанного объекта, Калмыцкий обком ВКП (б) и Облисполком в июне 1932 г. объявили его ударной стройкой, шефство над которой взял на себя комсомол области. Строительство комбината находилось под контролем федерального правительства. Так, в апреле 1935 г. строительство Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината посетили нарком пищевой промышленности СССР А. И. Микоян, секретарь Сталинградского крайкома ВКП (б) И. М. Варейкис и секретарь Калмыцкого обкома партии А. П. Пюрбеев.

Завершение строительства первой очереди комбината в ноябре 1935 г. (холодильник мощностью на 250 ц, утильзавод на 240 ц в сутки, электростанция, водопровод) и 2-й очереди в октябре 1937 г. (консервный завод мощностью 7 млн условных банок консервов) состоялось благодаря во многом всесторонней помощи союзного правительства, которая проявлялась в разнообразных формах: в выделении крупных капиталовложений, в геологическом изучении природных богатств, в снабжении комбината материалами, современной техникой, в подготовке профессиональных специалистов, обеспечении квалифицированной рабочей силой, шефстве, участии в подготовке кадров из числа коренного населения, а также в других акциях. Процесс строительства и интенсивного развития «гиганта» национальной промышленности был связан с крупными финансовыми дотациями со стороны Центра. Так, на строительство Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината государством выделено в годы первой и второй пятилеток более 10 млн руб. [Ленинский путь 1940: 1]. Благодаря этим и другим мерам Лаганский рыбоконсервно-холодильный комбинат превратился в крупную кузницу национальных промышленных кадров Калмыкии. Из ее рядов вышли знатные рабочие и талантливые руководители.

Ранее в строй действующих предприятий в годы второй пятилетки вступили икорно-балычный комбинат (1933 г.) и плавучий консервный завод им. Кирова (1934 г.) [Индустриализация Советского Союза 1999: 248]. Одновременно со строительством новых предприятий осуществлялось укрупнение и частичная реконструкция действовавших промыслов. Вместо 28 промысловых предприятий в 1931 г. в Калмгосрыбтресте в 1937 г. было сформировано 12 укрупненных предприятий [НА РК. Ф.Р.-136. Оп. 1. Д. 796. Л. 60].

Интенсивные работы по укреплению материально-технической базы рыбной промышленности дали неплохие результаты. Основные производственные фонды предприятий рыбной промышленности составляли в 1937 г. более 68% от всех фондов крупной промышленности республики. Стоимость валовой продукции Калмгосрыбтреста в 1937 г. увеличилась по сравнению с

1932 г. в 1,8 раза и составила 8,4 млн руб. Выпуск нестандартной продукции за указанный период значительно сократился на 9,7%. Качественно изменился ассортимент выпускаемой продукции: начался выпуск консервов, мороженых рыбопродуктов, технической муки, жиров и т. д. При этом производство их с каждым годом значительно увеличивалось [Санжиева 1977: 20, 3–26].

По мере индустриализации автономной области начал складываться региональный отряд рабочего класса из вчерашних крестьян. Однако недостаточное количество квалифицированных рабочих, завышенные планы усугубляли трудности строительства и работы промышленных предприятий. Поэтому запланированное строительство ряда заводов было перенесено на вторую и третью пятилетки.

Политика «социалистической индустриализации» осуществлялась на основе государственного сектора с планово-экономическим централизованным механизмом, общественной ответственностью с использованием методов принуждения, активного стимулирования рабочего класса на трудовые достижения. Это означало, что она осуществлялась за счет снижения уровня жизни народа. В итоге в 1929–1934 гг. значительно возрастает инфляция, не выполнены годовые планы по выпуску продукции легкой промышленности, но, несмотря на это, наблюдается некоторый рост промышленного производства и увеличение удельного веса промышленной продукции в экономике Калмыкии. В 1937 г. в республике насчитывалось 39 предприятий крупной промышленности с общей численностью рабочих 2610 человек. На крупных предприятиях работало около половины (45%) рабочих занятых в промышленной отрасли [НА РК. Ф.Р.-26. Оп. 1. Д. 241. Л. 1]. Стоимость произведенной ими валовой продукции составляла, по одним данным – 11,3 млн руб., по другим – 19,4 млн руб. Продукция рыбной промышленности составляла 74% от всей валовой продукции крупной промышленности [ГА РФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 260. Л. 46].

Предприятия мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, прежде занимавшие незначительное и ограниченное место в хозяйстве региона, благодаря дальнейшему развитию и коренной

реконструкции стали одними из динамично развивающихся в республике. В 1931 г. был создан Областной союз кустарной промышленности, который на 1 января 1932 г. объединил 965 кустарей. В 1932 г. действовало уже 66 артелей с общей численностью 1369 чел., совокупно выпущенная ими продукция составила 1,5 млн руб. В результате укрупнения артелей в 1934 г. их численность уменьшилась до 8 в 1935 г., а выпуск валовой продукции увеличился до 1,8 млн руб. [НА РК. Ф.Р.90. Оп. 1. Д. 10. Л. 6. Л. 5-6. 14; Ленинский путь 1940: 1; Калмыкия к первому съезду Советов 1935: 52]. Ими было произведено продукции на 1 млн руб. [Пюрбеев 1936: 40]. Кроме того, предприятия мелкой промышленности находились в подчинении колхозов, совхозов и государственных учреждений и предприятий. В 1937 г. на 480 предприятиях мелкой промышленности работали 1665 чел., было выпущено продукции на 8 млн руб., что составило около половины стоимости валовой продукции всей промышленности Калмыкии. При этом стоимость продукции пищевой промышленности составляла 5,5 млн руб., или 68,2% стоимости валовой продукции мелкой промышленности [ГА РФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 1684. Л. 121].

Другой особенностью индустриального развития Калмыкии в этот период стало выдвижение на передний план электроэнергетической базы. Рост индустрии позволил вместо коммунальных электростанций, собственных электрических станций промышленных предприятий, колхозов, совхозов, МТС ввести в строй в 1937 г. 9 электростанций, в том числе две электростанции промышленных предприятий (Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината и кирпичного завода «Керамик»). Самой крупной из них была дизельная электростанция Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината, мощностью 581 квт, построенная в 1935 г. В 1936 г. она выработала 961 тыс. квт-ч электроэнергии, из них 715 тыс. квт-ч использовано в производственных целях. Валовая продукция всех электростанций республики в 1937 г. составила 45 тыс. руб. (в ценах 1926/27 г.) [ГА РФ. Оп. 15. Д. 1666. Л. 124; Д. 1684. Л. 121]. Таким образом, в рассматриваемый период в системе электроснабжения произошли качественные изменения,

позволившие продолжить форсированную индустриализацию во всех отраслях народного хозяйства республики.

Металлообрабатывающая промышленность в начале 1930-х гг. располагала небольшими мастерскими и кузницами по ремонту автомобилей, сельскохозяйственной техники и оборудования. Если в 1926 г. она была представлена 107 маломощными заведениями и общим штатом в 136 чел., то в предвоенные годы в республике насчитывалось 165 ремонтных мастерских и кузниц, из которых 10 считались крупными. Все предприятия металлообрабатывающей промышленности выработали продукции на 2,3 млн руб., в том числе крупные – на 0,9 млн руб., что в 5 раз больше, чем в 1932 г. На крупных предприятиях в 1937 г. работало около половины (45%) рабочих, занятых в данной отрасли [НА РК. Ф.Р.-26. Оп. 1. Д. 241. Л. 1].

В конце 1932 г. в стране было объявлено об успешном и досрочном выполнении первой пятилетки за четыре года и три месяца. Подводя её итоги, Сталин сообщил, что тяжёлая индустрия выполнила план на 108 %. За период между 1 октября 1928 г. и 1 января 1933 г. производственные основные фонды тяжёлой промышленности увеличились в 2,7 раза [НА РК. Ф.Р.-26. Оп. 1. Д. 241. Л. 1; 140, Оп. 15. Д. 711. Л. 41; Д. 1712. Л. 36; Д. 2606. Л. 5-6].

Вторая пятилетка в Калмыкии отличалась от первой более широкими масштабами строительства. В этот период в республике вступили в строй: известковый завод мощностью 3,2 млн т извести в год (сырьем служил ракушечник), крупный механизированный алебастровый завод, третий по счету в республике кирпичный завод, завершилась реконструкция завода «Керамик» и др. В 1937 г. в ведении Наркомата местной промышленности республики находились 8 предприятий по производству строительных материалов, в том числе и перечисленные выше. Кроме того, строительные материалы производили еще 12 небольших кирпичных заводов, находившиеся в ведении промысловой кооперации, колхозов и государственных предприятий [Верхотухов 2006: 325]. В конце второй пятилетки стоимость валовой продукции предпри-

ятий промышленности строительных материалов составила 826 тыс. руб., что в 2,6 раза превышало выпуск валовой продукции 1928 года. Основные производственные фонды крупных предприятий увеличились с 375 тыс. руб. в 1928 г. до 856 тыс. руб. в 1937 г. а валовая продукция – более, чем в 2 раза, до 705 тыс. руб. [ГА РФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 1711. Л. 41]. В этот период было налажено производство новых видов строительных материалов: кроме кирпича, изготавливались кровельная черепица, алебастр, известь, велась добыча бутового камня и т.д.

В последующие годы происходил дальнейший процесс концентрации промышленности. Численность мелких, кустарно-ремесленных предприятий сокращалась. В 1937 г. в республике насчитывалось 64 предприятия с 276 рабочими деревообрабатывающей промышленности, в том числе 3 крупных, где трудилось 203 рабочих. Деревообрабатывающая промышленность выпустила продукции на 531 тыс. руб., в том числе крупные предприятия – на 408 тыс. руб. [ГА РФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 1711. Л. 41; Д. 1712. Л. 36].

Помимо рыбной продукции в республике производились хлебобулочные, мясомолочные, кондитерские изделия, безалкогольные напитки, мука, крупы и другие продукты питания. Предприятия по их производству были, в основном, мелкими, кустарного типа. Находились они в ведении промысловой, инвалидной и потребительской коопераций, колхозов и совхозов Калмыкии. В 1937 г. в республике насчитывалось 180 небольших кустарно-ремесленных заведений общей численностью в 687 рабочих, производивших пищевую продукцию. Стоимость произведенной ими валовой продукции составила 6,2 млн руб. [НА РК. Ф.Р-112. Оп. 1. Д. 310. Л. 10].

Основные производственные фонды предприятий крупной промышленности Калмыцкой АССР, как показано в приведенной таблице, увеличились с 1,2 млн руб. в 1928 г. до 11,4 млн руб. в 1937 г., рост 11,9 %.

Таблица 5. Стоимость основных производственных фондов крупной промышленности автономных республик (в тыс руб.)
[ГА РФ. Оп. 15. Д. 1711. Л. 14; Д. 1712. Л. 36; Д. 2606. Л. 5-6]

Регион	1927/28 г.	1939 г.	Рост (1927/28-1)
Башкирская	34214	583565	17,0
Бурятская	3432	353063	102,0
Дагестанская	10492	135117	12,9
Кабардино-Балкарская	1235	172570	140,0
Калмыцкая	1204	14382 11432 (в 1937 г.)	11,9
Коми	778	186106	239,2
Марийская	1900	150800	79,3
Северо-Осетинская	9637	190336	19,7
Татарская	81196	759729	9,3
Удмуртская	51704	600000	11,6
Чечено-Ингушская	157490	564504	3,6
Чувашская	2600	132900	51,1
Якутская	4000	87829	220

Итак, за годы первых двух пятилеток в Калмыкии вошли в строй несколько действующих предприятий. Среди них – Лаганский рыбоконсервно-холодильный комбинат, третий по мощности в СССР, который по-прежнему оставался одним из основных в отрасли и являлся объектом федерального значения в республике, превращаясь в индустриально мощное предприятие с постоянно возрастающим составом рабочего класса. Именно в эти годы было положено начало электроэнергетики, промышленности строительных материалов, пищевой, металлообрабатывающей, полиграфической промышленности. Между тем, в производстве товаров народного потребления значительное место еще занимала кустарная промышленность.

Еще к одной особенности индустриализации республики следует отнести то, что в ходе реконструкции сложился респуб-

ликанский отряд рабочего класса, появилась местная инженерно-техническая интеллигенция. Рабочие коллективы в основном комплектовались из вчерашних крестьян. Вместе с тем, в республику прибывали рабочие, инженеры и техники из центральных областей страны, что, в свою очередь, явилось важным фактором подготовки квалифицированных кадров из числа местных кадров, в том числе из калмыков. Рабочий класс формировался не как национальный, а как многонациональный, при сравнительно небольшой доле калмыков в его составе. Отметим, что формирование слоя наемных рабочих в Калмыкии относится к началу XX в., когда бедняки из числа неимущих крестьян были вынуждены либо пополнять ряды наемных сельскохозяйственных рабочих, либо наниматься на рыбные промыслы. Только на рыбных промыслах в Астраханской губернии по найму работали более 10 тыс. чел.

Источниками формирования рабочего класса Калмыкии в период реконструкции были крестьяне-единоличники, батраки, безработные, в годы индустриализации и в последующий период – колхозное крестьянство республики. В советский период, в 1920 г. уже на 37 предприятиях, выпускавших промышленную продукцию, работали около 1 тыс. чел., в то время как численность населения Калмыкии составляла 131,8 тыс. чел. Дальнейшее развитие и восстановление производительных сил республики увеличило число рабочих. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. рабочие составляли только 1,07% к числу трудоспособного населения. Между тем абсолютное большинство (93,64% населения) в аграрном регионе было занято в сельском хозяйстве [Бюллетень областного 9–20]. В 1939 г. количество рабочих выросло по сравнению с 1928 г. в 15,6 раза, достигнув почти 10 тыс. человек [НА РК. Ф. Р.- 68. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 107].

Темпы роста капиталовложений в промышленность республики в годы первых пятилеток были достаточно высокими. С одной стороны, это свидетельствовало о форсированном развитии промышленности Калмыкии в соответствии с политикой ликвидации экономического неравенства, а с другой, – о низкой стартовой базе республики.

Индустриализация Калмыкии, начавшаяся в конце 1920-х гг., несмотря на чрезвычайную сложность и трагичность политических процессов, обусловила большие изменения в жизни народов Калмыкии, вызвала крупные социально-экономические последствия. К их числу следует отнести: превращение республики из аграрной в аграрно-индустриальную, увеличение роста городов и поселков городского типа и удельного веса горожан в составе населения, формирование рабочего класса, начало создания инженерно-технической интеллигенции, а также другие социально-демографические изменения в составе населения. Удалось провести, правда, в неполном объеме, механизацию («машинизацию») народного хозяйства, обеспечить самую минимальную потребность современной техникой аграрный сектор республики.

В целом по стране, результаты первых двух пятилеток привели к динамичному развитию тяжёлой промышленности, благодаря чему прирост ВВП в течение 1928–1940 гг. составил 4,6 % в год. Промышленное производство в период 1928–1937 гг. выросло в 2,5–3,5 раза, то есть, 10,5–16 % в год. В частности, выпуск машинного оборудования в период 1928–1937 гг. рос в среднем 27,4 % в год. К 1940 г. было построено около 9000 новых заводов. К концу второй пятилетки по объёму промышленной продукции СССР занял второе место в мире [НА РК. Ф.Р.-136. Оп. 1. Д. 796. Л. 54].

В 1939 г. число промышленных предприятий Калмыкии, относящихся к крупной промышленности, составило 72 единицы. Валовая продукция этой группы промышленных предприятий с 3135,3 тыс. руб. в 1928/1929 году (в ценах 1926/1927 года) возросла до 30422,3 тыс. руб., рост в 9,4 раза. Стоимость основных фондов предприятий промышленности составила 24389,0 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р.-68. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 107].

С позиций современности, давая оценку социалистической модернизации, выбранной Сталиным, можно признать, что данный вариант развития, в общем, оказался точным. При этом в ее проведении выявились серьезные изъяны. Так, индустриализация в значительной степени проводилась за счёт сельского хозяйства,

крестьянства, пережившего катаклизмы коллективизации. Прежде всего, необходимо отметить, что сельское хозяйство стало источником первичного накопления – за счёт низких закупочных цен на зерно и реэкспорта по более высоким ценам. В дальнейшем советское крестьянство также обеспечивало рост тяжёлой промышленности в качестве рабочей силы. Ускоренным результатом политики сталинской индустриализации в России явилось падение сельскохозяйственного производства: животноводство сократилось почти в два раза и смогло вернуться на уровень 1928 г. только в 1938 г. В связи с этим значительно ухудшилось экономическое положение самого крестьянства. В стране утвердилась командно-мобилизационная хозяйственная модель, являющаяся экономической основой тоталитарного режима. Долговременным последствием политики индустриализации стала деградация сельского хозяйства. В результате жесткой социалистической модернизации в экономической сфере, голода и чисток между 1926 и 1939 гг. страна лишилась по различным оценкам ученых, от 7 до 13 млн и даже до 20 млн человек [Красильщиков 1998: 112].

Индустриализация, проведенная в первую очередь за счет сельского хозяйства, насильственная коллективизация крестьянства потребовали героических усилий большей части советского общества, вызвали продовольственные трудности в стране, огромное число человеческих жертв, жестокую ломку многовекового уклада жизни, изменение крестьянского и этнического менталитета в национальных окраинах Советской России.

§3. Продовольственный кризис в Калмыкии (1932–1933 гг.)

Голод 1932–1933 гг. – страшная и трагическая страница в истории нашей страны, одна из величайших гуманитарных катастроф советского периода. На тему голода написано немало научных исследований, подробный анализ которых мы попытались сделать в работе «Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.)» [Бадмаева 2010: 544]. Ученые выдвинули различные причины возникновения голодного бедствия, начиная от плохих погодных условий и заканчивая утверждениями о целенаправленной сталинской политике по уничтожению крестьянства и спланированном искусственном голоде. Следует, наверное, согласиться с теми исследователями, которые больше говорят о субъективных предпосылках общекрестьянской трагедии 1932–1933 гг., некоей цепи взаимосвязанных и взаимозависимых сталинских акций (вполне или не вполне осознанных), способствовавших наступлению голодного бедствия. Голод в начале тридцатых годов во многих регионах страны был вызван во многом непродуманной политикой советского руководства в области сельского хозяйства, коллективизацией, реквизиционными мерами в виде хлебозаготовок и массовыми репрессиями против крестьянства. География распространения голода была довольно обширная, захватил он, в частности Украину, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и др. районы страны. Не обошло голодное бедствие и Калмыцкую автономную область, входившую в то время в Нижне-Волжский край. В параграфе будут исследованы причины возникновения голода, жизнь, а скорее выживание населения в отдельно взятом регионе – Калмыкии, которую также постиг голод в 1932–1933 гг., а также социально-экономические последствия голодного бедствия для автономной области. В основу исследования в параграфе легли архивные документы, свидетельства очевидцев голода, материалы научных работ российских и зарубежных ученых по данной проблеме.

Первые признаки продовольственных затруднений стали ощущаться в Калмыкии в конце 1930 – начале 1931 гг. в связи с сильнейшей «зудом» в области. В Справке особоуполномоченного Нижневолжского крайисполкома Пожарского по убыли скота от «зуда» в Калмобласти с 28 декабря 1930 г. по 20 февраля 1931 г. говорится: «По сообщению старожилов такого зуда не было 38 лет. Его особенность заключается в том, что «зуд» начался не в феврале, а в декабре, когда скот не закончил еще полностью перегона на отведенные ему участки выпасов, не были окончательно выявлены сами выпаса и не были совсем приготовлены корма для того, чтобы подкармливать скот в период «зуда» [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1565. Л. 12].

Возникла напряженная ситуация с обеспечением продовольствием жителей области, в особенности животноводов Черных земель. Об этом сообщалось в телеграмме, направленной областными властями в Саратов в Союзхлеб, где высказывалась настоятельная просьба: «для снабжения Калмобласти, исходя из самых строгих подсчетов минимальных норм необходимо на 1 квартал 199 вагонов. Вами отпущено 150 вагонов. Считая дополнительно выделенные 6 вагонов – 156. Такое количество хлеба при наличии области бедствия Зуд обрекает население на голодный паек. Настаиваем удовлетворить полностью нашу потребность 199 вагонов, т.е. отпустить еще 43 вагона» [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1565. Л. 73].

Длившийся в течение нескольких месяцев «зуд» еще более усилил падеж скота и осложнил продовольственное обеспечение в КАО, о чем сообщалось областными властями в донесении от 24 февраля 1931 г. в Саратов, в Крайкомпарт Птухе и Крайисполкому Козлову: «Зуд продолжается... Положение единоличного скота, находящегося в степи, на Черных землях, добывающий подножный корм, также остальной скот на местах, находящийся в стойловом корме крайне тяжелое... В связи с продолжающимся зудом, окончательной истощенности рабочего скота население области, в частности Центрального улуса, находится в тяжелом продовольственном положении» [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1565. Л. 126].

Таблица 6. Данные об общем количестве скота и падеже животных в январе 1931 г.

[НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1565. Л. 4]

Мелкий скот		Крупный скот		Лошади	
Было	Пало	Было	Пало	Было	Пало
357873	6749	87556	4091	4387	1049
	1,83%		4,9%		23,9%

В КАО из других регионов края были направлены овес, концентры, сено, солома, отруби, сани для перевозки продовольствия, из Астрахани отправлено 600 подвод с фуражем на Черные земли, на отгонные пастбища отправлено 15 тракторов для разбивки ледяной корки, выделена единовременная помощь сверх нормы продовольствия пострадавшему от зуда населению 25 вагонов, из Москвы отгружено 10 катерпиллеров с прицепами для перевозки груза и т. п. Госбанку была дана директива немедленно перевести Калмыкии 50 тыс. руб., отпущенных Совнаркомом. Дополнительно Крайфо перевело 25 тыс. руб. [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1565. Л. 46]. С помощью федеральных и краевых властей, мобилизации собственных ресурсов области удалось преодолеть неблагоприятную ситуацию с продовольственным обеспечением населения и завозом кормов для скота, сложившуюся в результате наступления «зуда». Продовольственные трудности в связи с природными катаклизмами в области были, но случаев смерти от голода населения не было, во всяком случае, мы не нашли таких данных в архивных источниках и опубликованных работах.

Это были короткие и не столь трудные испытания, никак несравнимые с теми, что ждали население региона уже меньше через год. Последствия «зуда» выразились в сокращении численности скота, сказавшееся на обеспечении крестьян продуктами питания, в первую очередь мясом. В связи с уменьшением поголовья животных власти наложили жесткий запрет на убой скота и «держали в уме» выполнение планов скотозаготовки. Земледельческие хозяйства вырастили обычный для территории урожай зерновых, который тут же забирался в «закрома родины» в счет хлебазаго-

товок. Сложилась сложная продовольственная ситуация, грозящая перейти в голодное бедствие. И без того трудное продовольственное положение в области усугубило то, что начиная с 1932 г. решением центральных властей Калмыкия была снята с планового хлебоснабжения. Областные и краевые органы власти направили в конце 1931 г. письмо в ЦК ВКП (б) с предложением об отмене данного решения, мотивируя тем, что «Калмообласть, будучи животноводческой областью (один улус занимается земледелием), не производя внутри области хлеба, не имеет возможности жить за счет своих внутренних ресурсов хлеба, как это делают другие полеводческие районы, снятые с хлебоснабжения». В этом же письме в связи с продовольственными трудностями и наступившим голодным бедствием в области содержится просьба о включении в список получателей хлеба: «контингент, подлежащих плановому снабжению основных групп рабочих, специалистов сельского хозяйства, просвещенцев, медработников, служащих, их иждивенцев и закрытые социально-культурные учреждения общей численностью по Области 36414 человек, включив их в план снабжения с 1-го сентября по нормам Наркомснаба... три-четыре процента инвалидов гражданской войны и труда, красные партизаны, семьи красноармейцев, не имеющие своего сельского хозяйства, что составляет приблизительно 5 тыс. человек, коих также необходимо внести в плановое снабжение. Для расчета со скотосдатчиками за произведенные скотозаготовки, а также для стимулирования дальнейших заготовок 1932 года, необходимо выделить специальный фонд в одну тысячу тонн муки» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 59. Л. 3].

Но изложенная в письме просьба руководства края и области осталась без удовлетворения. В результате отказа центральных властей включить Калмыкию в плановое хлебоснабжение заметно снизились продовольственные поставки хлеба, муки и других продуктов в регион, все чаще возникали очереди за хлебом в столице автономии – Элисте, в поселках городского типа, участились перебои с доставкой муки в населенные пункты, на зимние пастбища отгонных пастбищ – Черные земли. Сельским жительницам и поварам животноводческих ферм и стоянок, да и городским жителям из-за отсутствия муки приходилось отказываться от выпеч-

ки хлеба в домашних условиях. На улицах населенных пунктов все чаще встречались изможденные от голода люди, больницы были переполнены страдающими от голодного истощения и сопутствующих ему заболеваний пациентами. Голод в области не отступал, а наоборот, начиная с 1932 г. приобретал угрожающие размеры. В секретной информации уполномоченного представителя по Нижне-Волжскому краю Калмыцкого областного отдела ОГПУ Полетаева от 25 марта 1932 г. сообщалось о наступлении голода в КАО: «В дополнение наших сообщений о продовольственных затруднениях в области, к настоящему моменту положение с затруднениями остается напряженным, особенно в Западном улусе. На почве отсутствия продовольствия продолжает наблюдаться неорганизованное отходничество колхозников, и отсутствие хлеба вызывает у крестьян опухание отдельных членов семьи. Из Бюдермес-Кебютковского колхоза самовольно уехали 18 семей колхозников. В Абганеровском аймаке колхозник Коплухов Г. голодает, распух и даже не может встать. В хотоне Кердата сторож сельсовета Ильженко Б. опух от голода» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 204].

Врач Тучемский из совхоза «Улан-Хеечи» говорил, что он ходит голодным, нет хлеба. Ходит к знакомым просить хлеба [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 150. Л. 63].

Сложившееся тяжелое положение с продовольствием вызывало законное недовольство у крестьян. Уже 5 января 1932 г. в Кумском аймаке Западного улуса имело место выступление 32 колхозников с требованием дать им хлеба и отказом выхода на работу [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 25].

В протестных выступлениях голодных людей основную роль играли женщины, не боявшиеся ни «партийной проработки», так как большинство из них не были членами партии, ни угроз и преследований карательных органов. В ряде случаев крестьянки ограничивались лишь демонстрацией протеста, приводили с собой своих детей и публично выражали свою обеспокоенность за их жизнь и неприятие новой власти, как это было у здания горсовета в г. Элисте. Как сообщали местные власти в марте 1932 г., «женщины привели детей и заявили, что дайте муки, а то наши

дети умрут с голода... Расстрелять бы эту местную власть. Мука в селе Дивном лежит в скирдах под открытым небом, ее не возили, а теперь кричат, что в городе голод» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 209].

Привлечение детей к акции протеста служило определенным целям и носило чисто прагматический характер: жалкий вид детей, их душераздирающий плач во время протеста должны были произвести на служителей власти моральное воздействие и привести к желанному спасению детей от голода. Кроме того, детское представительство в акциях протеста выступало своеобразным гарантом безопасности взрослых участников демонстрации. Женские волнения, носившие зачастую демонстративный, эмоциональный характер, представляли, на взгляд властей, не столь серьезную угрозу устоям государства, нежели вооруженные мужские выступления. У женщины было меньше опасности подвергнуться репрессиям, представительницам слабого пола в большинстве случаев удавалось уходить от наказания, им делались определенные послабления по части уголовного наказания в связи с участием в антиколхозных выступлениях. К примеру, как определил Верховный суд РСФСР в своих разъяснениях об ответственности членов крестьянского двора по статье 61 Уголовного кодекса от 28 марта 1930 г.: женщины – «угнетенный и подчиненный элемент в крестьянском дворе», и привлечение их к уголовной ответственности «может иметь место лишь в исключительных случаях» [Трагедия советской деревни 2000].

Об огромной роли женщин в массовых колхозных выступлениях в связи с продовольственными затруднениями в 1932–1933 гг. свидетельствуют документы ОГПУ. Так, в годы голодного бедствия, как сообщалось в донесениях Калмотдела ОГПУ в областной комитет партии, «отмечаются нездоровые явления в очередях среди рабочих и служащих, особенно среди женщин. Эти отрицательные настроения характеризуются такими фактами: «Если пайка не дадите, снег чистить не пойду. У меня семья голодает», «Кричали, в конце пятилетки все будет, а оказалось хуже, чем при крепостном праве», «Конец нам приходит, с голоду будем умирать» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 224].

В секретном донесении начальника Калмыцкого областного отдела ОГПУ П. И. Кишкина отмечались массовые выступления агрессивно настроенных женщин. По его сведениям, особенно активны выступления в I-м Икичносовском аймаке (селе) Яшалтинского улуса (района), в Сарпинском улусе и др. [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 46, 227]. В поселке Шенфельд Немхагинского сельского совета Западного улуса также произошло организованное выступление 30 женщин, которые высказывали угрозу растащить колхозное имущество в случае невыдачи муки [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 27].

В некоторых случаях акции протеста со стороны женщин давали действенные результаты. Так, например, после массового сбора митингующих крестьянок в I-м Икичносовском аймаке 18 января 1932 г. районными организациями было разрешено выдать 100 пудов хлеба для выдачи нуждающимся колхозникам [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 228].

Участие женщин в забастовках, народных протестах и выступлениях демонстрировали их крайнюю степень отчаяния и были последним аргументом в борьбе с произволом или бездействием советской власти. Часто в них звучали не только продовольственные требования, но и открыто высказывались антиколхозные лозунги. Так, в одном из донесений ОГПУ, датированном 21 февраля 1932 г., зафиксировано: «На почве продзатруднений в Нем-Хагинском сельском совете отмечено массовое выступление женщин с требованием хлеба; массовое недовольство женщин, выражавшееся в тенденциях «Растащить имущество колхоза и скот, даже распустить колхоз» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 226].

Каковы же были основные причины наступления продовольственного кризиса и массового голода в Калмыкии? Среди таких причин можно назвать произошедшее сокращение поголовья скота в регионе, недород зерновых во многих хлебопроизводящих районах СССР и в самой области. Связано голодное бедствие и с недостаточной централизованной продовольственной помощью области, так как в эти годы уже всю свирепствовал в других районах страны. Надежды у людей на помощь государства не было, да и колхозы, куда крестьяне были загнаны насильственно или добро-

вольно-принудительно, были маломощны и слабы в материально-финансовом плане. Многие из них числились только на бумаге. В действующих колхозах не было достаточного количества скота и посевных семян, тракторов и сельскохозяйственного инвентаря. Колхозы и совхозы еще не стали основными производителями хлеба, объемы зернопроизводства в них были еще недостаточными. В определенной степени на появление продовольственных трудностей повлияло уничтожение наиболее трудоспособной части крестьянства – частников, производивших немалую часть зерновой продукции. Раскулачивание деревни, а в некоторых районах было репрессировано от 80–90 % крестьян, привело к тому, что страна лишилась опытных хлеборобов и скотоводов, наиболее трудолюбивых и знающих сельскохозяйственное дело крестьян. Из-за налоговых, экономических и репрессивных мер значительно сократилось число зажиточных крестьян, к которым раньше можно было наняться на работу, чтобы спастись от голода.

Но, все же, основной причиной наступления голода в стране в 1932 г., в том числе в Калмыкии, была жесткая хлебозаготовительная кампания в хлебопроизводящих регионах. Из-за больших плановых заданий по хлебозаготовкам деревня разорялась, повсеместно возникали трудности с продовольствием. Крестьянам с каждым днем все труднее становилось решать проблему хлеба насущного. У колхозов, совхозов, единоличников было изъято практически все зерно, включая и выделенное на семена, корм скоту, продовольственные потребности. В 1931 и 1932 гг. на Нижней Волге было изъято соответственно 41,0 и 40,1 % валового сбора зерновых [Ивницкий 2009: 44]. Край выполнил годовой план хлебозаготовок 1932 г. на 52 % [Известия ЦК КПСС 1990: 130–131]. В Калмыцкой автономной области годовой план по сдаче зерна даже с применением жестких репрессивных мер был выполнен к середине января 1933 г. только лишь на 75,4 %. Сарпинский улус под жесточайшим нажимом перевыполнил план в три раза, подчистую изъяв все запасы у 6 колхозов, не оставив зерна ни для семенного фонда, ни на трудодни колхозников. В Западном улусе в ходе хлебозаготовок под предлогом неправильного начисления у значительной части населения был изъят полученный на трудодни

хлеб [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 43]. В 1933 г., несмотря на то, что Калмыкия с трудом пережила тяжелую голодную зиму, ей был установлен план сдачи хлеба в объеме 86 059 ц, что в 7,3 раза превышало поставки предыдущего года. Из них 76 901 ц (89,3 %) должны были сдать колхозы, а 9158 ц (10,7 %) – единоличные хозяйства. В 1933 г. АО перевыполнила государственные задания и сдала государству 97 412 ц хлеба, или на 13 % больше установленного плана. Реализация поставленных задач осуществлялась за счет увеличения посевных площадей в животноводческих колхозах (с 24 тыс. га в 1932 г. до 37 тыс. га в 1933 г.) и в хозяйствах единоличников (за этот же период с 1 тыс. га до 11 тыс. га)[НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 39].

Советское руководство считало основной причиной голода плохую организаторскую работу сельских советов и председателей колхозов. Некоторые из них были преданы суду и приговорены к лишению свободы. Сталин возложил всю полноту ответственности за сложившееся тяжелое положение с продовольствием на членов чрезвычайных комиссий по хлебозаготовкам, руководителей краев, областей и республик, которые также понесли наказания в партийном порядке, были уволены с работы и/или посажены в тюрьмы и лагеря. Определенная доля их вины, безусловно, имела, но над ними постоянно висел дамоклов меч безжалостного партийно-государственного контроля, карательных органов за невыполнение прямых указаний высших партийно-государственных функционеров. Виновниками голода в стране также была определена группа вредителей из стана оппозиции, что позволило сталинской группе в Политбюро партии продолжить жесткие репрессии против них. В возникших трудностях с нехваткой продовольствия в стране и провалом хлебозаготовок вождь партии также обвинил «кулаков», «лодырей-колхозников». Об этом было заявлено Сталиным и его соратниками на Январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) и на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г.

Для экономики Калмыкии и наступления голода негативную роль сыграли насильственное обобществление скота при создании колхозов, вакханалия раскулачивания, непомерные задания по ско-

тозаготовкам, приведшие к сокращению почти трети имевшегося в области скота. В период насильственной сплошной коллективизации крестьяне зачастую намеренно забивали скот, гноили семена и т. д., что тоже вело к дезорганизации сельскохозяйственного производства. По Калмыкии в 1933 г., как сообщалось в одном партийно-государственном документе, «общий отход колеблется: для овец от 20 до 25 %, КРС – 35–40 %. В абсолютных цифрах отход овец – 121 тыс. голов, КРС – 51500 гол. Из общего отхода на прирезанный скот падает 60 % и на павший – 40 %. Прирезано: овец 72600, КРС – 39900. Пало: овец – 48400, КРС – 20600» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 5. Л. 27].

Значительное сокращение поголовья скота, вызвавшее естественно уменьшение потребления мяса – основного продукта питания калмыков, выполнение непомерных планов мясозаготовок привели к возникновению и усилению продовольственных трудностей в области. К тому же, колхозное начальство под угрозой снятия с работы и других административно – репрессивных мер, не разрешало резать скот для продовольственных нужд. Несмотря на нажим со стороны властей, угрозы и преследование карательных органов выполнение планов по скотозаготовкам областью характеризовалось невысокими процентами. «План Скотозаготовок 2 квартала на 1 июля 1933 г. выполнен по области на 74,8 %. Центральный улус – 83,5 %, Приморский – 78,3 %. Особенно слабо идет выполнение плана по Западному – 67,2 %, Элиста – 63 %, Сарпинский – 57 %» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 88. Л. 113].

Невзирая на голод и тяжелое положение людей, областные власти по указанию центральных органов партии и государства назначали еще более высокие нормы по поставкам мяса для коллективных и единоличных хозяйств и т. д. На заседании Президиума облисполкома 28 октября 1933 г. установили на 1934 г. «для всех улусов области следующие нормы обязательной, имеющей силу налога, поставки мяса государству по установленным государственным ценам:

1. а) для колхозных дворов в колхозах не имеющих животноводческих товарных ферм – двадцать пять кг живого веса

б) для колхозных дворов в колхозах с животноводческими товарными фермами – пятнадцать кг жив. веса

в) для единоличных крестьянских хозяйств – сорок кг жив. веса

2. Для кулацких хозяйств установить нормы обязательной поставки мяса государству в двойном размере против норм, установленных для единоличных хозяйств.

3. Для животноводческих товарных ферм и обобщественного стада колхозов нормы обязательной, имеющей силу налога, поставки мяса государству в килограммах живого веса установить:

а) по крупному рогатому скоту – тридцать пять килограмм с каждой коровы и нетели 2-х лет и старше.

б) по овцам – восемь килограмм с каждой овцематки и ярки скота 1932 г.

в) по свиньям – сто килограмм с каждой свиноматки в возрасте 9 месяцев и старше» [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1642. Л. 40].

Как видим, необходимых мер к смягчению голодного бедствия советское руководство и руководство на местах не предпринимало, хотя оно знало о тяжелом продовольственном кризисе и массовом голоде. Местные партийные и государственные органы, спецслужбы постоянно информировали центральные власти о продовольственных трудностях в своих регионах. Масштабы и география голода оказались запечатленными в донесениях органов исполнительной власти, политотделов и ОГПУ. В докладной записке члена Президиума Калмыцкого областного исполнительного комитета М. Б. Дадышева в областной комитет партии от 18 марта 1933 г. говорилось:

«По поручению Президиума ОИК мною установлено следующее положение и проделана следующая работа в южных аймаках Центрального улуса: Ики-Бурульский аймак – остро нуждающихся крестьян насчитано 230 чел., крайне истощенных – 50, случаев смерти – 6. Мною организована столовая на 53 чел. Манджекиновский аймак, переживающий тяжелое материальное положение. Крайнюю нужду испытывают 515 чел., с отеками от голода, признаками явного истощения – 187 чел., случаев смерти – 42 чел.» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 28. Л. 27].

Тяжелое положение, наблюдавшееся в Манджикинском, Икибурульском и Кебюттовском сельских советах Центрального улуса, где жители испытывали «острые продовольственные затруднения», зафиксировано и в другом донесении, теперь уже в сообщении ОГПУ советско-партийному руководству области: «зафиксированы случаи голодных смертей – 66 чел., истощенных от голода крестьян насчитывалось 303, голодающих – 1005 человек. В школе Кебюттовского сельсовета 8 голодающих детей находились на грани смерти, один из них уже скончался». В донесении отмечались многочисленные случаи забоя единоличниками и колхозниками молочных коров на пропитание [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 64].

Руководство регионального ОГПУ 27 марта 1933 г. сообщало в Калмыцкий обком ВКП (б) и облисполком о том, что «продовольственные затруднения принимают все большие размеры. Увеличивается число смертей от голода и случаи опухания от недоедания. Такие факты имеют место почти повсеместно, что наряду с этим, по имеющимся у нас данным, в городе Элисте (в колхозе имени Володарского) также налицо продовольственный кризис...» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2, Д. 105. Л. 143]. В сообщении приводятся конкретные факты бедственного положения людей: «Ежедневно в правлении к-за и во дворе толпятся женщины с детьми, которые настойчиво требуют выдачи хлеба. В качестве примера можно привести семью плотника колхозника Кузьменко Филиппа, который голодает вместе с семьей, колхозницы Куцовой Василисы. У Василенко Екатерины опухли ноги, один ребенок уже умер... Вследствие острого недостатка в продуктах значительная часть колхозников бросилась на ловлю сусликов, употребляя их в пищу... Многие колхозники готовят лепешки из горчицы, предварительно вымачивая ее горечь. Колхозник Попов Н. Е. узнав, что у кого-то имеется в продаже прелая горчица, заявил: «Я бы и прелой не побрезговал, т. к. жрать совершенно нечего... Наряду с этим, в ряде случаев и среди единоличников г. Элисты положение не лучше, чем у отдельных колхозников. Также имеют место случаи голодных смертей, опухание, употребление в пищу сусликов, суррогатов, на базарах вполне легально продается холо-

дец (студень), приготовленный из вываренной кожи. В ряде случаев вымоченную и вываренную кожу режут на куски и употребляют в пищу. Все вышеизложенные обстоятельства зачастую вызывают рост антисоветских выступлений и обостряют политическое настроение населения» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2, Д. 105. Л. 144].

Полное изъятие хлебопродуктов, лишение продовольственно-го и даже семенного фонда, невыплата трудодней вызывали массовое недовольство рабочих, крестьян и служащих, даже членов партии. В 1933 году довольно частыми стали «голодные бунты» отчаявшихся людей в сельских местностях. Антисоветские настроения отмечались среди крестьян с. Бислюрта Центрального улуса О. Бутенко: «16 лет прошло со дня революции, а они все говорят о ликвидации кулаков, их давно уже нет, все батраками стали». Его поддержал Л. Ленков: «Рабочие, занятые на шахтах живут незavidно, а те рабочие, у которых много иждивенцев, голодают, им их заработка не хватает» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 105. Л. 41, 143]. Крестьяне, доведенные до отчаяния, в открытую выражали свою непримиримую позицию и негативное отношение к властям. Беднячка Курасова В. из с. Яндыки Приморского улуса говорила, что «не даст семян колхозу, сажайте в тюрьму, отправляйте на поселение к кулакам, я все равно не отдам последний хлеб» [157, Оп. 2. Д. 105. Л. 41, 145]. Ее слова были поддержаны многими односельчанами

Среди учителей г. Элисты также были отмечены факты недовольства своим тяжелым материальным положением. Учительница школы № 2 Г. Бочкарева говорила: «К черту учительскую работу. Она не удовлетворяет нас материально. Брошу школу. Хлеба мало дают, с этим не проживешь». Присутствовавшая при этом учительница З. Кардонова отмечала: «Я очень рада бы совсем вырваться из СССР в Польшу, у меня там есть родственники (бывшие дворяне Черниловские), вот где можно было бы пожить в свое удовольствие» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 105. Л. 78].

Протестные настроения в связи с непомерными хлебозаготовками и наступившим голодом в регионе наблюдались даже у членов партии. Член ВКП (б) Варвара Ковтунова при посылке ее на участок для работы по засыпке семфонда заявила: «Это непра-

вильно, везде голод, и я не могу смотреть, когда обирают крестьян. Мне партия ничего не дает, и пусть исключают» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3. Д. 28. Л. 42].

Недовольство населения нарастало, оно проявлялось, как отмечалось спецслужбами, даже со стороны руководящих работников. В одном из донесений сообщалось, что, по агентурным данным органов НКВД, государственный и партийный деятель Калмыкии, писатель А. Амур-Санан в сентябре 1933 г. писал своему другу А. Чапчаеву в г. Ургу (Монголию) о тяжелом голоде, свирепствовавшем в СССР и Калмыкии. В этом письме, полном отчаяния, Амур-Санан выражал свое сочувствие голодающим землякам: он «прямо плачет, когда видит, как батраки и бедняки голодают» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 150. Л. 129]. Крестьянин Т. Чуркин, сокрушаясь по поводу убийства С. М. Кирова, говорил так: «Жаль, что не убили Сталина – кровопийцу крестьянского, он измучил весь народ своими постановлениями, посылает налог за налогами, разоряет крестьянство. Скоро мы все умрем от голода» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 150. Л. 19].

В связи с продолжающимся в области голодом в 1934 г. многие колхозники проявляли желание выйти из колхозов потому, что они не выплачивали продукты на трудодни и не оказывали помощь голодающим. В донесении ответственному секретарю ОК ВКП (б) и Председателю ОИКа от 23 сентября 1934 г. № 4967 заместитель начальника УНКВД КАО Машнин и п/уполн. Нохаев сообщали: «У отдельных колхозников Западного улуса имеются настроения ухода из колхоза. Так, например: в Будульчинер с/с кладовщик колхоза говорил: «Надо бежать из нашего колхоза, т. к. всех скоро пересудят, потому что много ненормальностей, хлеба как в прошлом году не было, так и в этом году не будет». Колхозник Шевченко говорил: «На трудодни я получил всего только один центнер хлеба, придется мне продавать корову и покупать хлеба, т. к. в этом году больше хлеба не дадут, потому что его нет». В Красномихайловке того же сельского совета колхозник Рукавица Яков говорил: «Надо из колхоза бежать, потому что хлеба в колхозе нет» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 150. Л.32].

Агенты органов НКВД, ОГПУ даже не успевали фиксировать подобные разговоры и слухи, привлекать к ответственности виновных. Формами сопротивления власти считали невыход на работу из-за ослабления организма, дистрофии, эпидемических заболеваний, хищение урожая зерна («стрижка колосков»), зачастую еще не созревшего на полях, хотя в большинстве случаев походы на зерновое поле совершались голодными людьми, нередко детьми. «Незаконное расхищение» зерна, предназначенного для государственных закромов, подобно эпидемии, поразило калмыцкую деревню в голодные годы. В Нем-Хагинке Западного улуса Калмыкии около 30 женщин были уличены в воровстве хлебных колосьев [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 104. Л. 27]. Крестьяне выходили в поле по ночам, кто с ножницами, кто с серпами и косами, уносили домой скошенные снопы пшеницы и ржи. Зерно воровали также из-под молотилок, на косьбе, при скирдовании и обмолоте, с охраняемых складов и амбаров. Так, сторож О. Шалхаков из Бюдермес-Кебютювского сельсовета, охранявший все лето колхозный амбар, каждое утро уносил с собой сумку с зерном, весом около пуда [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 237].

Колосья, украденные из колхозного жита детьми из села Кегульта Сарпинского улуса, стали основанием для привлечения их к ответу по декрету от 7 августа [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 105. Л. 17 а]. Улусный прокурор Никонов сообщал 15 июля 1933 г.: «С начала созревания по настоящий день зарегистрированы хищения колосьев хлеба:

1. В Тундутовском единоличник Лунев с колхозного поля срезал колосья. Похищено около 10 пуд. хлеба. Лунев говорил колхозникам: «Все равно хлеба не достанется вам и судить будут». Лунев осужден 16 июля на 10 лет, по декрету от 7 августа 1932 года.

2. В селе Садовом единоличник Черняев похитил скошенную рожь у единоличника своего села, привлечен по ст. 162 УК, сейчас скрывается.

3. В селе Плодовитом кулак Хныкин с кулацкого поселка был застигнут при стрижке колосьев с поля коммуны, привлечен по декрету от 7 августа 1932 года.

4. Единоличница Садчикова Прасковья была поймана за стрижкой колосьев на кооперативном поле. Настригла 10 фунтов хлеба., привлечена по ст. 162 ч. 1. УК РФ.

5. В Плодовитом единоличник застигнут за стрижкой колосьев с поля единоличников, привлечен по ст. 162 УК РФ.

6. Колхозники, дважды пойманные за стрижкой колосьев с колхозного поля, исключены из колхоза, привлечены по ст. 162 УК РФ.

7. В селе Тундутове колхозницы застигнуты за стрижкой колосьев на колхозном поле. Ввиду незначительного хищения поставлен вопрос для обсуждения в колхозе.

8. В селе Кегульта бывший кулак Токарев посылал своих детей похищать жито колхозное и единоличное. Участвовал в краже лошади у колхозника. Похищено в колхозе 105 кустов картофеля и колосья жита. Привлечен по декрету от 7 августа 1932 г.» [НА РК. Ф.П.-1 Оп. 2. Д. 105. Л. 17].

Для представления масштабов «организованных нападений на колхозные поля» достаточно напомнить, что на 1 января 1933 г. по РСФСР по этому закону были осуждены 54 645 человек, из которых 2100 человек были приговорены к расстрелу. В Нижне-Волжском крае в конце декабря 1932 г. было арестовано более 3,5 тыс. человек. В 1933 г. в Калмыкии были осуждены 515 человек.

Карательные органы сурово пресекали «преступления», вызванные в большинстве своем трудным продовольственным положением. В Калмыкии только в течение августа – декабря 1933 г. за мелкие хищения арестован и осужден 181 человек, в том числе 89 бедняков и середняков. Всего в РСФСР за период с августа 1932 г. по июнь 1933 г. были осуждены 207 831 человек, в том числе 152 908 – к 10 годам тюремного заключения и 8 163 – к расстрелу [Максимов 2004: 71; НА РК. Ф.П.-1.Оп. 2. Д. 105. Л. 137-139].

Голодные люди не найдя поддержки в своем бедствии у местных властей искали возможность спасения в других регионах. Веками проверенным способом спасения от голодного бедствия был отход крестьян на заработки в города и уход в поисках куска хлеба в более благополучные районы и края. Исход сельских жителей по этой причине начался в 1930 г. и достиг своего пика в

1932–1933 гг. В Нижнем Поволжье отмечается резкая убыль числа жителей (на 15,6 %), так как неурожай сильнее всего поразил именно этот регион в 1933 г. В Калмыкии по архивным данным не отмечалось массовое бегство людей из-за голода в другие регионы, для области больше были характерны внутрорегиональные перемещения, обусловленные необходимостью выживания, спасения себя и своих близких. В связи с резко обострившейся ситуацией в стране угрожающий характер приобрело бродяжничество голодных людей в поисках куска хлеба. Советское правительство боролось с этим социальным явлением, считая, что нищенство и бродяжничество бросают тень на политику партии, способствуют процветанию лени и воровства в колхозной деревне. Так, 22 января 1933 г. Сталин и Молотов направили директиву в гг. Ростов-на-Дону, Харьков, Воронеж, Сталинград и Самару, в которой региональным руководствам предписывалось «не допускать массовый выезд крестьян из Северного Кавказа в другие края и въезд в пределы своего края из Украины». Аналогичное распоряжение было направлено органам ОГПУ Нижней Волги. Начались массовые задержания бегущих от голода людей. К 13 февраля в Нижне-Волжском крае было задержано около 11 тыс. человек, из них почти 10 тыс. возвращены обратно (90%) [Максимов 2004: 71; НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 105. Л. 139].

Отток населения из зоны голодного бедствия был затруднен вследствие принятых Советским правительством мер по пресечению стихийной миграции из деревни. 16 февраля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление, которым и на Нижне-Волжский край распространялась директива ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 22 января 1933 г. о запрещении самовольного выезда из пределов своей области, задержке и принудительном возврате таких на старые места жительства [Трагедия советской деревни. Т. 1. 1999: 765–767]. В Нижне-Волжском крае в период с 1 по 5 марта 1933 г. было задержано 1636 человек, из них: возвращены к месту жительства – 1010, арестованы – 8, остальные 618 человек, как отмечалось, «проходят фильтрацию» [Советская деревня глазами Т. 3. 2005: 327].

В числе мер, направленных на пресечение миграции, были введение паспортной системы, создание политотделов МТС в зерновых районах. Все это делало невозможным беспрепятственный уход из деревни тысяч трудоспособных крестьян. Властей не сильно волновали проблемы голодающего населения. Для них, ограничение свободного передвижения крестьян в голодные 1932–1933 гг. было мерой, направленной на установление полного контроля государства над аграрным сектором экономики, зерновыми запасами крестьянства. Уходящие из деревни голодные люди либо натыкались на выставленные кордоны, либо безжалостно вылавливались и возвращались в прежние места проживания, где царил голод.

В результате «подобных мер», а также неприятия адекватных решений по спасению голодающих в СССР, от голода погибли миллионы людей. В регионах пострадавших от голодного бедствия почти каждая семья потеряла своих родных и близких. С целью реконструкции голода 1932–1933 гг. в Калмыкии, раскрытия народного восприятия и отражения в памяти народа голодного бедствия нами по специальному вопроснику были опрошены люди, пережившие то далекое страшное время. В анкетировании участвовало 225 человек, людей разных национальностей, живших на селе. Всем им была роздана анкета, состоящая из 43 вопросов. Опрос этих людей (некоторых из них, к сожалению, нет сегодня в живых) позволил «оживить» картину исторического прошлого с помощью «голосов» реальных людей. Устные воспоминания очевидцев дали возможность выяснить народное понимание причин и последствий голода, трудностей повседневной жизни населения Калмыкии в годы трагического испытания.

В ходе анкетного опроса свыше 99% подтвердили наличие голода в регионе в 1932–1933 гг., факты многочисленных человеческих жертв. Из 225 опрошенных нами свидетелей голода в Калмыкии, у 125 от голодной смерти погибли близкие родственники. Например, в семье жительницы колхоза «20 лет Октября» Караванинского сельского совета Долбанского улуса Мангутовой Цаган Алкаевны от голода умерло четыре члена семьи. Подобная трагедия произошла и в семье крестьянина Даваева Улюмджи

Очировича из колхоза им. Канукова Сарпинского улуса, близкие которого умерли от недоедания и сопутствующих болезней [Бадмаева 2010: 440].

В годы голодного бедствия жители республики отчаянно решали проблему пропитания для себя и родственников за счет занятия ранее непривычными им видами производства, продавали и обменивали на рынке личные вещи на продукты питания, мигрировали из-за голода в другие регионы. И все равно, многие из них не смогли спастись от голодной смерти. Вот лишь одно из сотен других свидетельств, записанных в ходе социологического обследования положения калмыцких сел в голодные 1932–1933 гг. – воспоминания жительницы ст. Граббевской Ростовской области Алексеевой Прасковьи Эрдниевны: «Наша семья, моя мать и две сестры, в голодный год выжили чудом. В 1929 г. наша семья сельского учителя подверглась раскулачиванию. Все имущество, хозяйство было реквизировано. Отец сослан на Урал. Жители калмыцкой национальности станицы Граббевской были переселены в новый Калмыцкий район Сальского округа Северо-Кавказского края. Нас, больную бабушку, мать и сестру вывезли на подводе в новую станицу и выгрузили около дома, стоявшего у дороги. Мы поселились в этой заброшенной маленькой землянке. Было очень холодно. У нас с сестрой был один полушубок на двоих, оставшийся от отца, им мы и укрывались. Вскоре от голода умерла мама. Помню, как я ходила в поисках пропитания, и однажды зашла в дом, где жил скорняк. Он выделывал шкуры овец, а обрезки выбрасывал в ведро. Я незаметно их выбирала и тут же съедала. Часто нам приходилось употреблять в пищу различные суррогаты: мясо умерших животных и птиц, которое мы сушили и варили. Люди умирали целыми семьями. Возчики увозили их куда-то хоронить, кладбища как такового у калмыков в то время не было» [ПМА: 1].

Голодное бедствие коснулось людей всех национальностей, проживавших в Калмыкии, спланивало их на почве наступившей беды. Русская семья Анны Егоровны Игнатовой (Теслюковой) проживала в голодные годы в с. Бага-Бурул Центрального улуса КАО. По социальному положению семья была из бедняков, сос-

тояла в колхозе. В семье было 6 человек. Отец – Егор Васильевич, 1896 г.р., мать – Пелагея Федоровна, 1897 г.р., сестра Мария, 1918 г.р., два брата – Иван, 1921 г.р., Петр, 1927 г.р. и она сама – Анна, 1923 г.р. «Когда начался голод, – вспоминает она – «мы уехали, в надежде на лучшую жизнь в Арзгир, но там мы даже месяца не пробыли, так как у нас случилась беда. Не знаю, откуда, но папа принес ведро пшеницы. Мы очень радовались, так как в последнее время больше горсти пшена и проса в доме не было. Но уже на другой день за папой пришли коммунисты. Это зерно нашили под печкой. Все выгребли, а папу забрали в тюрьму. Помню, мама очень плакала и мы вместе с нею. Она говорила, что мы папу теперь, наверное, не увидим, так как он бригадир и ему не простят. Но что-то пошло не так, и к великой нашей радости, через 3 дня папу выпустили. В ту же ночь приехал на телеге папин друг – калмык, погрузил наш скарб и увез нас всех назад в Бага-Бурул. Что и как было, мы так и не узнали. Отец с нами никогда об этом не говорил» [ПМА: 2].

Традиционным средством выживания крестьян в условиях голода была продажа личного имущества, прежде всего, домашнего скота и сельскохозяйственного инвентаря, а также использование возможностей крестьянского подворья [Кондрашин 2008: 182]. Например, почти все 225 опрошенных свидетелей голода в Калмыкии отмечали, что некоторым семьям удалось выжить главным образом благодаря наличию в хозяйстве дойной коровы. «У кого была корова, птица, тот и остался жив», – вспоминали они. Игнатова (Теслюкова) А. Е. вторит им: «Да, была наша спасительница – корова «Зорька» и около 10 кур. Для коровы мы собирали в степи каждую травинку. Было очень тяжело. Но без нее было бы еще труднее» [ПМА: 2].

Еще одним способом выживания в голодные годы стало употребление в пищу различных суррогатов. Среди них, по свидетельствам очевидцев, наиболее распространенными были: жмыхи подсолнечные, льняные, конопляные, лебеда, кора древесная, хрен дикий, крапива, душица, ботва картофельная и свекольная, солома, трава солодки, отруби, опилки, мякина, глина, сырое дерево, мох, мясо и кости падших животных, «холодец» из сырых шкур

животных. Как вспоминает Анна Егоровна Игнатова (Теслюкова): «Собирали лебеду, калачик. Из них варили суп пустой. Если была мука, то добавляли ложку, делали буданчик. Еще в степи росли желтые цветы, у них были луковицы в земле. Их выкапывали деревянными лопаточками и тоже варили. Еще есть такая трава курай или «перекати поле». Когда она созревала, из этих кустов выбивали семена. Они такие мелкие, как манная каша, только черные, их называли «чернушки». К этой чернушке добавляли чуть-чуть муки и пекли лепешки» [ПМА: 2].

В Калмыкии активно употребляли в пищу мясо сусликов. Очевидцы голода Чюрюмова Г. С., Халгинова Н. Б., Учурова Н. К. и их односельчане спасались тем, что варили будан (суп) из сусликов с тыквой. Особым лакомством считался дикий паслен. Зачастую на трудодни выдавались отруби на питание [ПМА: 3, 4, 5].

Использование возможностей личного подворья (сада, огорода), собирание трав спасало многих голодающих, но советская власть пыталась установить контроль над всеми продовольственными запасами крестьянской семьи, в том числе и над тем, что давало подворье, что еще больше обостряло ситуацию.

Из соцопроса нами установлено, что в 1931–1933 гг. случаи людоедства и трупоедства не имели места в селах и колхозах Калмыкии. Зато, по словам очевидца голода Манжиковой П. И. из х. Зюнгар Кебют Бюдермес-Кебютковского сельского совета Западного улуса жители откапывали на скотомогильниках трупы животных, облитых креолином. Отмывали их водой и варили из них супы (будан) считая, что это «мясо, которое дал Бог» [ПМА: 6].

Одним из распространенных средств выживания деревни в условиях голода во все времена было нищенство – последняя надежда попавших в беду крестьян. В 1932–1933 гг. так было и в Поволжье, и на Северном Кавказе, и в других охваченных голодом районах. Крестьяне Поволжья в основном побирались в местах, где традиционно были развиты огородничество и садоводство. Прося подавания, крестьяне надеялись спастись от голода, поскольку, несмотря на собственную крайнюю нужду, многие подавали нищим милостыню. Конечно, в какой-то мере это спасало людей от гибели, хотя в целом не решало проблемы. У калмыка-

кочевника ситуация была несколько иной. Он никогда по жизни не просил подаяния, так как это занятие считалось недостойным для калмыка. Фактически факты попрошайничества нельзя было встретить в калмыцких аймаках. Кроме того, калмык не мог позволить, чтобы нищий сородич ходил с протянутой рукой, поскольку задевалась честь его рода. Из 225 опрошенных очевидцев голода ни один не подтвердил факта попрошайничества. По словам Манжиковой Р. М. из с. Нем-Хагинка Западного улуса, их семья жила не богато, но имела небольшой фруктовый сад, огород, корову и птицу. Соседи голодали, но милостыню не просили. Она помнит, как иногда к ним приходили на ночлег знакомые калмыки, а утром ее мама насыпала им в сумки муку и давала хлеб и сало. Бамбаева Ч. М., уроженка Ики-Манлана Сарпинского улуса, вспоминает, что жили бедно и голодно, но в их деревне никто не просил подаяния [ПМА: 7]. Обычно, если нуждалась калмыцкая семья, то они обращались за помощью к более обеспеченным соседям и родственникам. Могли остановиться у них, чтобы с их семьями разделить трапезу.

В годы голодного бедствия многие калмыки спасались от голода посредством угона скота, в основном, у дальних соседей, так как близлежащие соседи были представителями одного с ними рода. Информант Теврюков В. И. рассказывал, как в возрасте 10 лет воровал скот в голодные 1932–1933 гг. Ему подбирали хорошую лошадь, и, будучи отличным наездником, он ночью один отбивал скотину от стада и угонял. Таким образом, ему удалось спасти от голодной смерти все село, которое питалось этим мясом [ПМА: 8].

Очирова Г. С. (урожденная Менгтеева, 1933 г.р.), выступила в соцопросе «транслятором» воспоминаний своего свекра Очирова Санджи Урюбджуровича (1900 г. р.), проживавшего в голодное время в с. Кануково Сарпинского улуса. Она поведала, как свекор, с нескрываемым чувством гордости, рассказывал о том, что благодаря ему – лихому конокраду, от голода спаслась его семья и ближайшие родственники. Конокрадством он занимался один или на пару со своим родственником Харцхаевым Мутлом Дорджиевичем, но только в голодные годы, так как нечего было есть. Кроме

этого, он вылавливал сусликов, которых, к счастью, было немало в степи. Это умение помогло выжить ее свекру и троим его детям в первые годы сибирской ссылки во время незаконной депортации калмыцкого народа – там ему тоже пришлось ловить сусликов и кормить семью. Очирова Г. С. также рассказала нам о том, как спаслась от голода в 1932–1933 гг. ее семья во главе с отцом Менгтеевым Сангаджи Штыковичем (1905 г. р.), проживавшая в другом конце Калмыцкой Автономной Области – селе Солянка Приволжского района, ныне входящем в состав Астраханской области. Отец нанимался на работу к зажиточным людям. Но денег и продуктов все равно не хватало, выручала рыба, которую отец ловил на Волге и в окрестных прудах [ПМА: 9, 10, 11, 12].

Устные свидетельства очевидцев голода 1933 г. в ходе нашего соцопроса приводят нас к некоторым выводам относительно причин возникновения голода в 1932–1933 гг. Одной из главных причин трагических событий они называют политику коллективизации и хлебмясозаготовок. Именно забой и продажа дойных коров в ходе коллективизации, непомерные реквизиции сельхозпродукции, по их словам, стали причиной смерти многих крестьян в 1932–1933 гг. При этом, большинство населения не сопротивлялось насильственным действиям властей, считая, что реквизиции идут во благо общества, укрепления обороноспособности страны. Как вспоминает А. Игнатова (Теслюкова): «Мы сдавали все имеющиеся молоко и яйца, больше ничего не имели. Власти отрывали последние крохи от семьи, в которой было четверо детей. Папа говорил, что эта помощь нужна всем и главное для поддержки Красной Армии. Выражать недовольство властью в селе боялись, по крайней мере, в нашей семье об этом не говорили. Тем более, отец всегда был то бригадиром, то механиком в МТС» [ПМА: 2]. В некоторых ответах на вопросы нашего опроса отмечалось, что опосредованным образом на наступление голода повлияло раскулачивание, так как в результате ликвидации кулаков уменьшилось производство зерновой и животноводческой продукции, что не могло не повлиять на обеспеченность населения продуктами питания.

Среди причин, вызвавших массовую смертность населения, очевидцы голода называют недостаточную государственную помощь Калмыкии до наступления и в период голодного бедствия. Государственная помощь крестьянству голодающих районов, в том числе Калмыкии, была незначительной. По подсчетам С. Уиткрофта и Р. Дэвиса, в феврале – июне 1933 г. было принято не менее 35 постановлений, в соответствии с которыми крестьяне должны были получить 320 тыс. тонн продовольственного зерна. По расчетам известного историка-аграрника В. П. Данилова каждое крестьянское хозяйство России ежегодно потребляло 16 пудов зерна, или 262 кг на душу населения. Были ли возможности спасти людей от голода в то время? Как считает проф. В. Данилов, такие возможности были. 18 млн ц зерна вывезенные на внешний рынок в 1932 г. «обеспечивали возможность прокормить по нормам благополучных лет 6,9 млн человек, а по условиям голодных лет спасти от крайнего истощения и вымирания вдвое больше – 14 млн». В стране имелись еще неприкосновенные запасы, примерно 18,2 млн ц. «В совокупности отказ от экспорта хлеба и реализации хлебных запасов, – заключает он, – могли бы улучшить положение в основных голодающих районах 25–30 млн человек. Во всяком случае, массовая смертность от голода могла быть исключена» [Отечественная история 1998: 127, 132]. Из-за отказа Сталина пойти по пути сокращения экспорта зерна и изъятия неприкосновенного запаса, государственная продовольственная помощь голодающим была ничтожно мала, колхозам она была оказана с запозданием, когда голод всюду свирепствовал в деревнях и уносил жизни миллионов людей. При возросших государственных заготовках (соответственно до 234 млн в 1933 г. и 268 млн ц в 1934 г.) это означало сохранение в деревне полуголодного существования.

В ходе опроса очевидцев голода 1932–1933 гг. в Калмыкии, 225 опрошенным старожилам калмыцких сел, проживающим в различных уголках республики, был задан вопрос: «Была ли оказана вам, членам вашей семьи во время голода какая-либо помощь колхозом, сельсоветом и т. д.». Из 90 человек, ответивших на этот вопрос, 25 высказались утвердительно. Некоторые из них вспо-

нили, что государственная помощь их семьям оказывалась, но разово и в небольшом размере, другие говорили о помощи руководства колхоза, выдавшего им немного хлеба и отрубей. Но все они были едины во мнении, что помощь со стороны государства не была определяющей для их спасения. 65 очевидцев решительно заявили, что никакой помощи их семьям во время голода не было оказано. Для примера приведем высказывания некоторых из них. А. Е. Таджиева из Сарпинского улуса: «Кто нам помогал? Помощи никто не оказывал. Председатель был хороший, понимающий, но ничем помочь не мог» [ПМА: 13]. Ц. Д. Джальджиреев 1920 г.р., из Ики-Чоносовского аймака Манычского улуса вспоминает, что жили бедно и голодно, а помочь государство не могло, хотя, может быть, и хотело [ПМА: 14]. Савхаев А. Б. из Уланхольского сельсовета Приморского улуса ответил коротко: «Если бы помогали, не было бы столько голодающих» [ПМА: 15]. Большинство опрошенных говорили о том, что помощь, если и была оказана, то слишком поздно. О. М. Горбанева из Сладковского сельсовета Западного улуса вспоминает, что помощь оказали, но поздно. За это время у нее от голода умерли два брата [ПМА: 16].

Таким образом, по свидетельству информантов, жители степного края практически не получали государственной продовольственной помощи, и если она оказывалась, то избирательно. Это подтверждают и официальные документы властных структур, имеющиеся в архивах: распоряжением Элистинского горкома ВКП (б) отдаются прямые указания нижестоящим инстанциям поддерживать только определенные группы голодающих. По этому документу в колхозе имени Володаровского устанавливалась суточная норма хлеба, пшена, постного масла, причем по этой норме продуктов имелось всего на 5 дней и то, только колхозникам, работающим на посевной. Для остальных категорий колхозников снабжение приостанавливалось, и только с 23 марта должны были определить норму выдачи хлеба – 600 гр., а других продуктов питания решено было не выдавать [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3. Д. 28. Л. 74].

Устные воспоминания очевидцев голода явились весомым и значимым источником для проведения исследования голодного

бедствия в Калмыкии. Конечно, их репрезентативность не может послужить исходным материалом для верного определения количества жертв голода в 1932–1933 г. По Калмыцкой автономной области, ввиду отсутствия точных и надежных статистических данных, подсчитать людские потери во время голодного бедствия чрезвычайно сложно. То, что население области голодало, полностью отрицалось правительством автономии. Об этом не упоминалось ни в печати, ни в статических документах, ни в выступлениях государственных и партийных деятелей и потому каких-либо официальных сведений о числе умерших нет. Тем не менее, нами предпринята попытка установления количества умерших от голода в те два роковых для народов Калмыкии года.

По нашим расчетам, основанным на анализе источников из центральных архивов ГАРФ, РГАЭ, данных центральных органов ЦУНХУ СССР, Национального архива Республики Калмыкия, статистического справочника по Нижней Волги (1929–1933 гг.), сравнении данных переписей населения в СССР, людские потери во время голода, без учета косвенных потерь от снижения рождаемости в Калмыкии за 1932–1934 гг. число умерших от голода ориентировочно определено в 14 446 тыс. чел. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21, 157; НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 59. Л. 3; Д. 154. Л. 110, Д. 150. Л. 4; 156, Оп. 2. Д. 1667. Л. 10; Статистический справочник Нижней Волги 1934: 385; Цаплин 1990: 8]. Подсчет производился следующим образом: на 1 января 1932 г. численность населения в Нижне-Волжском крае (далее НВК) составляла 5 706 000 млн человек, а в Калмыцкой автономной области на 1 января 1932 г. – 178 700 человек. В процентном отношении население КАО составляло 3,2 % от общей численности населения НВК. Взяв за основу число умерших в НВК за 1932–1934 гг. – 466 тыс. человек (109 тыс., 278 тыс., 79 тыс.), эту цифру делим на 3,1 % и получаем 14 562 человек, погибших от голода в Калмыкии. Отметим, что здесь возможны неточность и некоторое расхождение с другими данными, это объясняется тем, что в разных архивных источниках иногда приводятся различные сведения об умерших людях. Таким образом, таковы приблизительно, по нашим подсчетам, людские потери в Калмыкии во время голодного бедствия.

Страшные катаклизмы, пережитые населением отдельных территорий страны, были вызваны налогово-реквизиционной политикой большевистского государства: продразверткой, продналогом в начале второго десятилетия, непомерными хлебозаготовками в начале третьего десятилетия, забиравшие у земледельцев, не считаясь с последствиями, значительную, а то и преобладающую часть произведенной продукции. Методы изымания продовольствия были практически одинаковыми, изменились только названия проводивших их госорганов. В 1933 г., хлебозаготовки проводились по принципу разверстки, методами «военного коммунизма», когда выгребался нередко из скудных колхозных и крестьянских амбаров почти весь собранный урожай. Следовательно, голод в регионах страны в этот период наступил в результате принудительных сталинских хлебозаготовок. В то же время в некоторых территориях массовый голод был вызван не только реквизиционными мерами, а, в основном, недостаточной и даже плохой поставкой продовольствия из централизованного фонда, как это было в Калмыцкой автономной области.

Таким образом, одной из главных причин голодного кризиса 1933 г., является продовольственная диктатура советской власти, непомерные размеры хлебозаготовок и мясозаготовок, нанесшие непоправимый урон сельскому хозяйству. Платой за исторические ошибки советской власти, особенно в 1933 г., стали жизни российских крестьян, причем в наибольшей степени смертность коснулась хлебородных районов Нижнего Поволжья. В нижеволжских регионах в 1933 г. смертность превышала рождаемость в 2,4 раза, а в первой половине 1934 г. – в 1,3 раза [История СССР 1986: 17]. Причины высокой смертности в голодающих деревнях прямо вытекали из государственной политики, которая разрушила традиционную систему выживания крестьян в условиях голода (ликвидация кулачества, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т. д.). То обстоятельство, что хлеб у крестьян изымался на укрепление советского государства, на оборону и индустриализацию, не может оправдать ни насилия, ни тем более голода. Среди умерших от голода были люди разных национальностей, и это дает основание утверждать, что массовый голод в СССР не имел

этнического подтекста. Во многих случаях террор по отношению к крестьянам осуществлялся исключительно по социальным мотивам и проводился во всех без исключения регионах страны. Поэтому голодное бедствие 1933 г. никак не может рассматриваться как истребление какого-либо отдельно взятого народа по национальным мотивам, как это представляют (или хотят представить) отдельные исследователи, в частности, в Украине.

Голод 1932–1933 гг. явился самым трагическим испытанием для жителей регионов страны, пораженных голодным бедствием, в том числе Калмыцкой автономной области, и не может быть оценен иначе, как крупный провал экономической политики советского государства. Коллективизация сельского хозяйства не принесла желаемого результата в обеспечении населения страны жизненно необходимыми продуктами питания. Продовольственные затруднения сопутствовали советским людям все предвоенные годы и стали постоянным фактором их повседневной жизни.

§ 4. Социально-политические, демографические и культурные изменения в калмыцком обществе

Новая экономическая политика, проводимая в стране, привела к возрождению сельского и рыбного хозяйства, местной и соледобывающей промышленности, других отраслей экономики Калмыкии в конце 1920-х гг. Колхозам и совхозам стали выделяться трактора, сеялки и другая сельскохозяйственная техника, которую также имели возможность приобрести крестьяне-единоличники; рыболовецкие хозяйства и индивидуальные ловцы обзаводились современными орудиями лова. Широкое развертывание на рельсах нэпа получила местная промышленность, в особенности непосредственно связанная с сельским хозяйством, определившая пути развития производства в кожевенной, рыбной, маслобойной, мукомольной и др. отраслях. Постепенно шло формирование рабочих коллективов, где люди овладевали навыками совместной коллективной работы, механизированного труда. Процесс урбанизации коснулся также такой отсталой национальной окраины, как Калмыкия. Интенсивно строилась столица степного края – город Элиста, где, так же, как и в некоторых степных поселках, появились небольшие промышленные предприятия. Коренным образом менялась культура труда бывших кочевников, значительно уменьшилось число безработных. Однако автономная область оставалась регионом преимущественно аграрным. Переход к промышленному строительству и само индустриальное развитие Калмыкии определялись общими закономерностями индустриализации страны в целом. Вместе с тем оно имело свои особенности, обусловленные экономической отсталостью республики и особой сложностью перехода калмыцкого народа к социализму, минуя капитализм. Кардинальные, судьбоносные преобразования в социально-экономической сфере в целом в стране, начавшиеся в 1920-х гг. и продолжившиеся в 1930-е гг., несмотря на чрезвычайную сложность и трагичность политических процессов, обусловили крупные социально-экономические, демографические и культурные изменения в жизни народов Калмыкии. В процессе проведения экономических реформ главным образом изменилась структура населения:

заметными темпами увеличивалась доля рабочего класса за счет начавшегося в регионе промышленного строительства. Основным источником пополнения рабочего класса являлись крестьяне из разорившихся деревень и аймаков (сел). Вместе с тем долговременные темпы экономического развития республики требовали от руководства республики постоянного притока рабочей силы, в процессе формирования которой возникали серьезные затруднения. Эта проблема решалась партийными и советскими органами с одной стороны путем разрушения традиционного кочевого уклада калмыцкого населения в ходе сендатиризации, коллективизации и раскрестьянивания, с другой – активизацией миграционной политики из приграничных с Калмыкией территорий.

Первоначальный удар по традиционной структуре калмыцкого этноса был нанесен в 1925 г., когда началась кампания по выселению бывших зажиточных крестьян и ликвидации их хозяйств, переросшая вскоре в массовые антикрестьянские репрессии. В феврале 1926 г. создается областная комиссия по выселению бывших нойонов (князей) и зайсангов (дворян) из мест их проживания во главе с членом президиума облисполкома Х. М. Джалыковым [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 15]. Однако подготовительный процесс к раскулачиванию затягивался ввиду того, что сформированная комиссия лишь разработала предложения по разделению зажиточных крестьян в зависимости от их имущественного состояния. Зажиточные крестьяне были разбиты на три группы: «социально опасные» – подлежащие выселению за пределы области, «менее социально опасные» – подлежащие переселению внутри области и «занимающиеся трудовой деятельностью» – они не выселялись и не лишались прав на землепользование. Исходя из разработанных предложений, комиссия пришла к выводу, что к «социально опасным» нельзя причислить ни одно из крестьянских хозяйств Калмыкии, а ко второй и третьей группам ею были отнесены соответственно 33 и 78 хозяйств. Вся подготовительная работа в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 24 мая 1926 г. должна была закончиться к 1 августа 1926 г. Но, учитывая неоднократные обращения Калмыцкого облисполкома о продлении срока выселения бывших нойонов и зайсангов, ВЦИК

разрешил завершить эту кампанию к концу 1927 г. Результаты работы комиссии не удовлетворили, прежде всего, руководство области. 21 января 1927 г. вновь сформированная комиссия представила свое предложение – выселить всех нойонов и зайсангов за пределы области как «злейших врагов» с конфискацией всего их имущества. Данное предложение было внесено руководством области в Президиум ВЦИК. Комиссия взяла на учет 123 семьи нойонов и зайсангов, из них за пределы области предлагалось выселить 17 семей, переселить внутри области – 22, причем эти категории кулаков выселялись с лишением прав на землепользование в прежнем месте жительства и с конфискацией принадлежавшего им имущества. Остальные 84 семьи из этого списка не подлежали выселению [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 10 с. Д. 500. Л. 6, 8, 26; Д. 504. Л. 35].

В это же время по области было конфисковано 29 домов с надворными постройками и службами, 273 головы крупного рогатого скота, 44 верблюда и 98 лошадей, 125 голов молодняка (телята, жеребята, верблюжата) и 1 951 голова овец и коз. Общая сумма конфискованного имущества составила 192 210 тыс. руб. [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 922. Л. 35-36].

Следует отметить, что процесс выявления кулацких хозяйств в Калмыкии шел нелегко, и во многом это было связано с крепостью родоплеменных отношений в калмыцком обществе и огромной влиятельностью нойонов и зайсангов среди неимущего крестьянства. В справке, подготовленной вышеуказанной комиссией, отмечалось, что часть зажиточного крестьянства пользовалась авторитетом и сочувствием у большинства беднейшего населения: «Этот авторитет исторического и бытового происхождения настолько силен, что в некоторых случаях простирается на личную и семейную жизнь калмыков-простолюдинов... Некоторая часть населения до настоящего времени продолжает обращаться за разрешением семейных споров и по другим вопросам к зайсангу как родовому авторитету и главе рода. Калмыки-кочевники до сего времени группируются около бывших зайсангов и нойонов, образуя хотоны (поселки), именующиеся по имени зайсанга» [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 922. Л. 33–34].

9 мая 1927 г. Президиум ЦИК, рассмотрев предложения областной комиссии и Калмыцкого облисполкома по выселению нойонов и зайсангов, постановил отказать в утверждении решений, считая их недостаточно обоснованными. Тем не менее, в августе 1927 г. Калмыцкий облисполком, руководствуясь инструкцией ВЦИК от 4 апреля 1927 г., разрешавшей конфисковывать имущество помещиков, которое было оставлено им в 1918 г., вновь вернулся к вопросу о выселении нойонов, зайсангов, скотопромышленников и конфискации их имущества [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 922. Л. 33–34]. В практической работе по проведению этих мероприятий партийно-государственный аппарат области опирался на решения XV съезда партии ВКП (б) – активнее пропагандировать коллективное ведение хозяйства и ограничивать рост крепких хозяйств. Областное руководство ставило задачу быстрее преодоления неудачной кампании по ликвидации кулачества в 1926–1927 гг., когда беднейшее крестьянство втайне поддерживало зажиточную часть населения и тем самым оказалось на их стороне. В партийно-государственных документах того времени отмечалось, что улусные (уездные) комиссии пустили это дело на самотек: не проводили собраний бедноты, не разъясняли цели и задач проводимого мероприятия. Среди факторов, лишивших калмыцкую бедноту материального стимула в процессе «раскулачивания», называлось то, что конфискованное имущество зажиточных крестьян в большинстве случаев передавалось государству (областному земельному управлению и т. д.), а не бедняцким коммуна на местах. Все эти уроки впоследствии были учтены, когда в 1929 году власти вновь приступили к раскулачиванию зажиточных крестьян.

К этому времени в скотоводческих районах все еще был велик удельный вес батрацких и бедняцких хозяйств, но, как видим из приведенной ниже таблицы, увеличился численный состав других социальных групп: середняков – с 3,99% до 5,35%, зажиточных крестьян – с 2,61% до 5,39%. В меньшей степени такая же картина наблюдалась и в земледельческих районах: слой середняков возрос с 23,34% до 26,54%, зажиточных крестьян – с 12,00% до 12,29% [Бадмаева 2010: 460].

**Таблица 7. Социальная структура хозяйств
в КАО в 1926–1928 гг.
[НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 7,15; Д. 14. Л. 5,11;
Оглав 1968: 143]**

№№	Годы	Скотоводческие хозяйства			
		Батрацкие (от 0 до 2 гол.)	Бедняцкие (от 3 до 20 гол.)	Средняцкие (от 21 до 40 гол.)	зажиточные крестьяне (свыше 40 гол.)
1.	1926	43,65%	49,72%	3,99%	2,61%
2.	1928	38,42%	50,84%	5,35%	5,39%
		Земледельческие хозяйства			
		Батрацкие (не имевших посева)	Бедняцкие (от 0,1 до 6 дес. посева)	Средняцкие (от 6,1 до 16 дес.)	Зажиточные крестьяне (свыше 16 дес.)
3.	1926	5,83%	58,83%	23,34%	12,00%
4.	1928	13,53%	47,64%	26,54%	12,29%

К концу 1920-х г. в Калмыкии в среднем на каждый крестьянский двор, как в скотоводческих, так и в земледельческих районах, возросли количество скота и размеры посевов. К примеру, к началу 1928 г. в зажиточных хозяйствах находилось 48% всего скота области (в 1926 г. – 35%) и 42,5% всех посевов (в 1926 г. – 41,5%) [НА РК. Ф.П.-1.Оп. 1. Д. 319. Л. 15; Д. 381. Л. 8-9; Максимов 2004: 36].

Такой расклад не мог удовлетворить партийно-государственное руководство страны, ориентированного на коллективное хозяйство в аграрном секторе и ликвидацию частного сектора, в особенности зажиточных крестьян. С новой силой репрессивный маховик против этой части крестьянства заработал после поездки Сталина по Сибири в апреле 1928 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС обвиняет местное руководство в плохой работе и «потакании кулакам» и узнав, что большая часть зажиточных крестьян

не желают продавать хлеб по ценам, которые устанавливает государство, выступает с директивными предложениями: потребовать от «кулаков» немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам; в случае отказа «кулаков» подчиниться закону, привлечь их к судебной ответственности по 107-й статье Уголовного кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства с тем, чтобы 25% конфискованного хлеба были распределены среди бедноты и маломощных середняков.

После этого выступления, слова Сталина воспринимаются партийными и государственными органами как прямое указание и власть в стране практически вернулась к принудительным хлебозаготовкам, силой заставляя сельхозпроизводителей отдавать зерно по демпинговым ценам. Следствием этого стали крестьянские волнения, а результатом – то, что крестьяне стали меньше обрабатывать земли. В 1928 г. было введено индивидуальное обложение сельскохозяйственными налогами зажиточной части населения, ставшее для местных органов очередным инструментом для бесконтрольного производства.

Введение новых ставок сельхозналога существенно ухудшило экономическое состояние зажиточных и кулацких хозяйств, особенно скотоводческих. В 1928 г. в Калмыкии вводится дифференцированная плата за пользование выпасами. Батрацкие и бедняцкие хозяйства, составлявшие почти 80 % всех крестьянских хозяйств, освобождались от нее полностью, а середняцкие – частично. Вся тяжесть налогового бремени (на нужды местных советов, за выпасы, по единому сельскохозяйственному налогу) ложилась на зажиточные хозяйства, которых в 1928 г. насчитывалось всего 6–7% и которым полагалось выплатить 87% всей суммы единого сельхозналога на 1928–1929 г. В Нижне–Волжском крае сельхозналоги выплачивали 57,4% середняков и 4,46% кулацко-зажиточной части [Хозяйственные итоги 1930: 78].

В 1929–1930 гг. налоговый пресс на зажиточные хозяйства еще более ужесточился. По сравнению с предыдущим хозяйственным годом им пришлось выплатить на 164932 руб. больше, и вся собранная с таких хозяйств сумма составила 629914 руб. В течение 1929 г. происходит значительное обеднение зажиточных крестьян

из-за постоянно растущих налогов. Отсутствие внешних проявлений зажиточности побуждало комиссии обращаться к хранящимся в сельсоветах налоговым спискам, часто устаревшим и неточным, а также к информации ОГПУ и к доносам граждан.

Усиление налогового давления на кулацкие и зажиточные крестьянские хозяйства своей конечной целью имело ослабление индивидуальных хозяйств, признание их, по сути, нежизнеспособными, а также создание определенных условий для быстрого перехода к осуществлению сплошной коллективизации.

21 мая 1929 г. вышло постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». Союзное правительство к зажиточным относило хозяйства, систематически применяющие наемный труд, за исключением тех случаев, когда это не влекло за собой лишения избирательных прав (таковых тогда лишались те, кто содержал более трех наемных рабочих). Это рассматривалось как первый признак «кулацкого» хозяйства. Вторым признаком – наличие промышленного предприятия (мельница, маслобойня и т. д.); третий – систематическая сдача в наем сельскохозяйственных машин с механическим двигателем; четвертый – сдача в наем оборудованных помещений под жилье или предприятие; пятый – занятие торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством; шестой – наличие других нетрудовых доходов [Коллективизация 1957: 163]. Фактически каждый из этих признаков позволял рассматривать любое хозяйство крестьянина как «кулацкое». Тем самым создавалась возможность подвести под «раскулачивание» самые различные социальные слои деревни.

Бюро Нижне–Волжского крайкома партии по настойчивой просьбе Калмыцкого обкома приняло специальное решение «О выработке мероприятий по взятию на учет крупных эксплуататорских хозяйств Калмообласти». В нем давалась неодобрительная оценка деятельности обкома партии и облисполкома, в частности, говорилось о том, что в Калмыцкой области «игнорируется классовая борьба», «не отбирается богатство у бывших помещиков-зайсангов» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 328. Л. 109]. После такого серьезного заключения Калмыцкий обком партии ужесточает по-

литику ограничения и вытеснения кулака и зажиточной части крестьянства. Для практического устранения замечания, сделанного бюро Нижне-Волжского крайкома партии, в регионе была сформирована комиссия в составе председателя Х. Джалькова (отв. секретаря обкома партии), Гульчака (зав. орготделом обкома), Х. Канукова (председателя областной РКИ), А. Пюрбеева (председателя облисполкома), А. Павлова (начальника отдела ОГПУ) [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 14. Л. 5]. 27 июля на заседании Нижне-Волжской краевой комиссии обсуждался вопрос по выселению и национализации имущества и скота зажиточных групп населения в Калмыкии. Нормы скота, по которым краевая комиссия определила зажиточные хозяйства, несколько отличались от установленных норм в других районах России. Следует отметить, что и образ жизни скотоводов в Калмыкии в некоторой степени отличался от соседних российских регионов. В этом отношении правомерно говорить о близости кочевых образ жизни казахов и калмыков, а также способа ведения скотоводческого хозяйства, которые в этих республиках полностью отвечали сходным чрезвычайно жестким природно-климатическим характеристикам. В Калмыкии и Казахстане, где аридное пространство представляет собой ярко выраженную экстремальную среду, было выгодно ведение пастбищно-кочевых скотоводства, которое имело определенную многовековую традицию. Иначе говоря, в силу объективной заданности экосистемных пределов и объективно сложившегося уровня развития производительных сил скотоводы полупустынной части Калмыкии и Казахстана ничем другим, кроме как пастбищным скотоводством, заниматься не могли.

Казахский ЦИК, руководствуясь указаниями ЦК ВКП (б), 27 августа 1928 г. издал закон «О конфискации байских хозяйств». Под конфискацию попали 700 хозяйств, у которых было отображено около 150 тыс. голов скота (в переводе на крупный рогатый скот) [Абдрахманова 1998: 13]. Аналогичное по характеру и содержанию постановление издал в августе 1929 г. Калмыцкий облисполком. В нем говорилось о необходимости переучета скота всех хозяйств, имевших свыше 200 голов (в переводе на крупный) в скотоводческих и свыше 100 голов в земледельческих и рыбо-

ловецких улусах. В процессе работы было выявлено 113 хозяйств с поголовьем скота свыше 200 голов и 26 хозяйств – свыше 100 голов. Всего на 139 выявленных хозяйств приходилось 47 722 головы скота (в переводе на крупный) [Оглаев 1968: 103]. За единицу крупного скота были приняты лошадь, верблюд, вол, корова, к ним приравнивались 3 мериносовых или 5 простых овец.

Между тем следует отметить, что в других регионах страны постановлениями ЦК ВКП (б) и ВЦИК СССР были установлены иные нормы, определяющие зажиточность хозяйств. К примеру, для казахских зажиточных хозяйств нормы были следующие: 400 голов – кочевые хозяйства, 300 – полукочевые, 150 – оседлые [Голощекин 1931: 198].

10 сентября 1929 г. бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) принимает решение «О выселении эксплуататорской верхушки Калмобласти», в котором отмечалось, что «родовые и капиталистические эксплуататоры ведут злостную агитацию против советской власти и в силу особенностей общественного уклада области в значительной степени ослабевают темп социалистического строительства». В связи с этим обкому и облисполкому Калмыкии поручалось:

«1) Выселить лица, принадлежащие к эксплуататорской верхушке, владеющие не менее 200 голов крупного рогатого скота в чисто скотоводческих районах, и 100 голов в смешанных скотоводческо-земледельческих и рыболовецко-скотоводческих районах, с конфискацией их скота и сельскохозяйственного инвентаря, а особенно злостных из них лиц выселить из пределов Калмыцкой области. Провести эти же мероприятия по отношению к отдельным контрреволюционным элементам из нойонов, зайсангов и к лицам, получившим особые награды за контрреволюционную деятельность, и отдельным особо злостным кулацко-колонизаторским элементам и в тех случаях, когда по имущественному положению они не входят под вышеуказанные нормы.

2) Конфискованный скот использовать в целях укрепления социалистического сектора и содействия коллективизации бедняцких хозяйств...» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 291. Л. 26].

В дополнение к принятому ранее своему постановлению Калмыцкий областной исполком 16 октября 1929 г. издал постановление № 73 «О выселении бывших нойонов, зайсангов, бывших при царизме попечителей, а также крупных скотоводов и овцеводов из районов их хозяйственной деятельности в Калмыцкой автономной области», выработанное с учетом опыта Казахстана в проведении аналогичного мероприятия [НА РК. Ф.Р.-3.Оп. 2. Д. 1614. Л. 18]. В нем была сделана попытка политически обосновать акцию выселения бывших нойонов, зайсангов, крупных скотоводов и т. п., которые якобы сдерживали темп экономического и социального развития области, разжигали межнациональную и родовую рознь. А на деле главными тактическими целями были: экономическая (конфискованные скот и имущество раздать совхозам и колхозам, беднякам для втягивания их в простейшие производственные объединения) и политическая (развитие колхозов, строительство социалистического общества).

Во второй половине 1929 г. калмыцкие власти приступили к подготовке экспроприации, как зажиточного слоя калмыцкого крестьянства, так и русских и украинских поселенцев, окрепших в годы нэпа. Таким образом, новая волна наступления носила не только политический, но и экономический характер, так как происходило изъятие у зажиточных хозяев имущества и передача его в создаваемую социалистическую собственность.

Экспроприации подлежали все скотоводческие хозяйства, имевшие более 200 голов скота, и земледельческо-скотоводческие, имевшие более 100 голов (в переводе на крупный). Все лица, подлежавшие экспроприации, одновременно лишались права проживания и ведения хозяйства на местах их прежнего жительства и подлежали переселению в другие улусы, в исключительных случаях – за пределы области. Указанную операцию решено было закончить не позднее 1 января 1930 г. Для претворения в жизнь намеченных мероприятий была создана особая комиссия в составе председателя Калмыцкого облисполкома А. П. Пюрбеева, уполномоченного ОГПУ, представителей от областного земельного управления, Союза работников земли и леса, от рабоче-крестьянской инспекции.

17 октября 1929 г. выселение и экспроприация были начаты одновременно во всех улусах, занимались этим 7 бригад с участием 84 работников НКВД, 50 оперативных сотрудников ОГПУ. Репрессированных крестьян сгоняли на предварительно подготовленный сборный пункт, представлявший собой открытую площадку, огороженную проволокой и с выставленной вооруженной охраной. До момента отправления их к местам поселения они привлекались к тяжелым принудительным работам и за свой счет все так же в сопровождении охраны перевозились на машинах и подводах к ближайшим железнодорожным станциям. Выселяемая семья имела право взять с собой минимальное количество вещей, денег в сумме не более 500 руб., запас продуктов на три месяца, одежду с расчетом на один год, носки. На пять семей разрешалось взять одну лошадь, телегу, борону и 120 кг прессованного сена для ведения хозяйства в местах нового поселения. Семьи, отнесенные к первой категории раскулачиваемых, выселялись в отдаленные районы: в Свердловскую, Омскую, Акмолинскую, Карагандинскую и другие области; ко второй – в малоосвоенные районы Нижне-Волжского края. Все они не имели права вернуться на прежнее место жительства. Помимо этого, согласно положению «О правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь» (1924 г.), высланные лишались активных и пассивных избирательных прав, права членства в общественных организациях и права свободного передвижения в районе высылки, они не могли покинуть место своего пребывания, где зачастую не имели возможности устроиться на работу, испытывали большие трудности с жильем [Максимов 2009: 374]. К примеру, крестьяне из Калмыкии, высланные в Казахстан, были лишены средств существования, поскольку там уже находилось 180 тыс. раскулаченных из других регионов России [Медеубаев [http: historykz.nm.ru/theme/t25_2.html](http://historykz.nm.ru/theme/t25_2.html)].

По итогам экспроприации и выселения бывших нойонов, зайсангов и скотопромышленников начальник Калмыцкого отдела ОГПУ Павлов докладывал, что из каждого улуса выселено и переселено 315 хозяйств вместо запланированных 139, что составляло 0,79% всех хозяйств Калмыкии.

Основанием для экспроприации крестьянских хозяйств послужили социальное положение (происхождение, прошлая деятельность) и экономическое состояние (т. е. это были крупные хозяйства, способные и дальше развиваться в рыночных условиях, таких оказалось 195). Выселению в Камышинский и Пугачевский округа Нижневолжского края подлежало 231 хозяйство, 56 зайсангов, 144 скотопромышленника, социально-чуждых элементов – 31 человек, переселению внутри области – 84 крупных скотовода. По подсчетам К. Н. Максимова, число высланных за пределы области (231 семья) составляет приблизительно 1400–1500 чел., перемещенных внутри области (84 семьи) – 500–600 чел. (семья состояла в среднем из 6–7 чел.). Таким образом, эта трагедия коснулась более двух тысяч жителей Калмыкии [Максимов 2009: 375].

Национальный состав репрессированных выглядел так: русско-украинских крестьян – 198 чел. (за пределы области переселено 129), калмыцких – 117 чел. (выселенных за пределы области 49). По улусам: Малодербетовский – 39 чел, Большедербетовский – 50 чел., Багацохуровский – 10 чел., Хошеутовский – 10 чел., Калмбазаринский – 3 чел., Яндыко-Мочажный – 49 чел., Манычский – 99 чел., Икицохуровский – 25 чел., Эркетеневский – 30 чел. [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 321. Л. 7,9].

Социальное происхождение лиц, подлежащих выселению, комиссии определяли по своему усмотрению, зачастую творя при этом самый настоящий произвол. К примеру, Лепехин Виктор Семенович из с. Яндыки, студент Ленинградского молочно-огородного института, был выдворен за пределы области вместе с семьей, как сын кулака. Его отец до 1913 г. имел крупное скотоводческое хозяйство, хотя он ушел давно в мир иной и семья (мать и брат) разорилась и с 1914 г. хозяйства не имела. Самтанов Цебек-Убуши Максимович, 1902 года рождения, сирота, выселен из Яндыко-Мочажного улуса в Манычский с конфискацией имущества. Отец его ушел из жизни в 1903 г., матери и сестры не стало в 1917 г. Ц.-У. Самтанов с 1923 г. находился на государственной службе и в 1929 г. был секретарем Ястинского крестьянского комитета общественной взаимопомощи [НА РК. Ф. Р.-3. Оп. 10с. Д. 520. Л. 72.; Д. 514. Л. 161.].

В 315 хозяйствах было конфисковано имущества и ценностей, не считая строений и сельскохозяйственного инвентаря, ориентировочно на сумму 200 тыс. руб. Имеющиеся сведения о конфискованном имуществе и ценностях представляются в следующем виде:

Денежных знаков (советской чеканки) 54 134 руб.

Золотых (царской чеканки) 6 847 руб.

Серебряных (царской чеканки) 781 руб.

Облигаций 13 643 руб.

Денежных документов к взысканию (векселя, сберкнижки, долговые расписки) 45 288 руб.

Золотых и серебряных изделий (часы, кольца, перстни, браслеты, цепочки) 76 372 руб.

Мануфактуры и проч. 2 935 руб.

Были отобраны и продукты питания: чай, сахар, мука – 995 пудов, ячмень – 325 пудов, рожь – 155 пудов, овес – 26 пудов [Бадмаева 2010: 469].

В соответствии с постановлением Калмыцкого областного исполкома от 16 октября 1929 г. было конфисковано 0,79% общего поголовья скота в области:

Таблица 8. Численность конфискованного скота
(в гол., в переводе на крупный)
[НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 321. Л. 10]

№	Улусы	Предполагалось	Конфисковано	%
1.	Багацохуровский	–	71	–
2.	Большедербетовский	6 978	3 701	53%
3.	Икицохуровский	4 914	11 560	235%
4.	Малодербетовский	8 556	10 451	120%
5.	Маньчский	18 658	24 504	132%
6.	Хошеутовский	830	842	101%
7.	Яндыко-Мочажный	2 222	4 438	200%
8.	Эргеневский	3 495	5 762	165%
9.	Калмбазаринский	562	410	70%
	По области	46 215	61 623	133%

В отличие от неудачной кампании по ликвидации кулачества, проведенной в Калмыкии в 1926–1927 гг., когда беднейшее крестьянство молчаливо поддерживало зажиточную часть населения, в этой кампании по проведению экспроприации и выселению зажиточного крестьянства, деревенская беднота приняла активное участие. Представители беднейшего крестьянства, жившие в постоянной нищете, имевшие ограниченный кругозор, восприняли идею «раскулачивания» как возможность улучшить свое материальное положение. Эта идея оказалась созвучной многим их чаяниям, она исходила от государственной власти, достигалась без производственных и трудовых затрат, уравнивала членов крестьянского общества. Опираясь на правительственную поддержку, ободряемые официальной пропагандой, сельские бедняки сомкнулись с местным партийно-государственным руководством, противопоставив себя крестьянам, попавшим под определение «кулаки». Определенную роль в активном раскулачивании таких же, как они, но более предприимчивых, крестьян, сыграли, как верно отметил С. Ланцов: «... элементарная зависть к более удачливым или более трудолюбивым односельчанам» [Ланцов 2009]. На этот раз, также в отличие от 1926–1927 гг., конфискованное имущество не передавалось областному земельному управлению, а большей частью переходило к бедняцким крестьянским хозяйствам, являлось как бы материальным стимулом за участие в мероприятиях по экспроприации и выселению кулаков. Таким образом, 1 409 бедняцких крестьянских семей из конфискованного скота получили 8935 голов, или 14,5% в пересчете на крупный рогатый скот. В ходе раскулачивания в конце 1929 г. из конфискованного скота было создано 3 совхоза: овцеводческий (мериносовый) с поголовьем до 70 тыс. голов, скотоводческий (крупный рогатый скот) – до 3,5 тыс. гол. и коневодческий племенной – до 715 голов. Всего в совхозы было передано свыше 53% скота [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 145. Л. 84–86; Д. 319. Л. 7, 11; Д. 328. Л. 45; 156, Оп. 10 с. Д. 99. Л. 113].

Архивные материалы партийных и советских органов свидетельствуют, что «раскулачивание» крестьянства в России постоянно подпитывалось инициативой региональных руководителей.

Центральные власти не диктовали своих условий в этом вопросе, они лишь создавали благоприятную обстановку для тех людей, чьими руками достигались намеченные цели.

27 декабря 1929 г. Сталин, выступая на конференции аграрников-марксистов, объявил о начале ликвидации «кулачества как класса» в СССР. Официальным толчком к очередному началу повсеместного «раскулачивания» послужило постановление ЦК ВКП (б) и правительства СССР, принятое 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Оно ставило задачу «ликвидации кулачества как класса» и требовало от местных органов власти его незамедлительного исполнения. Решение руководства СССР не явилось новостью для исполнителей в регионах, к тому времени уже имевших большой опыт выселения отдельной части крестьян. Известный тезис «ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации» и ранее на местах активно претворялся в жизнь.

Еще до выхода постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» Калмыцкий обком ВКП (б) принял постановление от 24 декабря 1929 г., согласно которому со 2 января 1930 г. в автономии была начата подготовка к проведению спецоперации по выселению крестьян, подлежащих раскулачиванию, а со следующего месяца началась вторая волна репрессий по отношению к крестьянству [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 366. Л. 1].

Постановление Калмыцкого обкома предписывало провести конфискацию у кулаков средства производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий и семенных запасов. Все это передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков. Конфискуемое зерно рекомендовалось, согласно протоколу Астраханской окружной особой комиссии, целиком сдавать в семенной фонд колхозов, конфискованные продукты передать для реализации потребительской кооперации, а 25% – бедноте и батрачеству, вещи домашнего обихода использовать в детских учреждениях и общежитиях колхозов [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 374. Л. 66]. Наличные же деньги, вклады и ценности пере-

давались на специальный счет Народного комиссариата финансов СССР.

11 января 1930 г. в газете «Правда» появилась передовая статья, в которой прозвучал призыв «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли» [Правда 1930: 1].

15 января была создана комиссия во главе с секретарем ЦК партии Молотовым по разработке спецмероприятий в районах сплошной коллективизации. 30 января Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором кулаки были разделены на три категории: к первой были отнесены контрреволюционный актив, организаторы террористических актов, антисоветских и антикрестьянских восстаний и подлежали аресту и заключению в концлагеря, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны. Ко второй – остальная часть контрреволюционного актива из числа наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые выселялись либо в отдаленные местности СССР, либо в отдаленные районы данной области (края, республики) на спецпоселение. К третьей — остальные кулаки, которые расселялись в пределах района на новых землях, специально отводимых для них за пределами колхозных массивов.

В постановлении ЦК ВКП (б) было установлено и ориентировочное количество кулаков 1-й и 2-й категории по регионам, указывалось, что число «раскулачиваемых» по районам не должно превышать 3–5 % всех крестьянских хозяйств. Органы ОГПУ регионов, как и партийные комитеты, заранее составили перспективные планы. Калмыцкая особая комиссия по ликвидации «кулачества» утвердила список зажиточных хозяйств, подлежащих конфискации имущества, выселению и переселению внутри области, в количестве 529 хозяйств, из них 39 семей подлежали переселению внутри области [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 374. Л. 165].

Арест и выселение раскулаченных намечалось провести в течение четырех месяцев — с февраля по май 1930 г. Данный контингент предполагалось использовать на сельскохозяйственных работах и промыслах в необжитых и малонаселенных местах.

В марте–апреле 1930 г. волна массового раскулачивания, принявшего форму раскрестьянивания, сменилась временными послаблениями, и часть сельских жителей была формально восстановлена в правах. В архивных материалах не отложилась информация обо всех пострадавших крестьянах. Так, например, Курдюков Иван Ильич был восстановлен в избирательных правах, но впоследствии, в 1933 г., он был осужден и выслан за пределы Калмыкии [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 366. Л. 1]. Число «раскулаченных» определялось произвольно, в итоговые сводки попадали далеко не все случаи «ликвидации». Местные руководители относились с полным безразличием к судьбам подчиненных им людей. Им было проще разорить крестьянские хозяйства, а хозяев выслать за пределы области, чем заниматься их расселением за пределами колхозов после частичной конфискации имущества.

В своей статье «Головокружение от успехов», появившейся в «Правде» 2 марта 1930 г., Сталин осудил многочисленные случаи нарушения принципа добровольности при организации колхозов, «чиновничье декретирование колхозного движения». Он критиковал излишнюю «ретивость» в деле раскулачивания, жертвами которого стали многие середняки. Обобществлению часто подвергались мелкий скот, птица, инвентарь, постройки. Необходимо было остановить это «головокружение от успехов» и покончить с «бумажными колхозами, которых еще нет в действительности, но о существовании которых имеется куча хвастливых резолюций» [Правда 1920]. Вся ответственность за допущенные ошибки ложилась на местное руководство.

Весной 1931 г. началась вторая волна репрессий по отношению к крестьянству. В Калмыкии предполагалось раскулачить и выселить 900 семей. В итоге было раскулачено и выселено 1323 крестьянские семьи, что составило 6 157 человек [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 8. Л. 15].

В мае 1933 г. Нижне-Волжский крайком ВКП (б) спустил Калмыкии плановую цифру для раскулачивания в 150 крестьянских семей. В декабре 1933 г. из Калмыцкой области была депортирована 241 семья, или 1 138 человек, которых отправили в основном на Урал и в Казахстан.

Процесс раскулачивания и выселения зажиточных крестьян продолжался и в 1934 г. В первой половине 1934 г. областная политическая тройка Калмыцкого областного исполкома рассмотрела и утвердила к конфискации и выселению списки 288 крестьянских семей в составе 1 068 человек. Эта была одна из последних кампаний в Калмыкии по массовому раскулачиванию и выселению крестьян. За период с 1929 по 1934 гг. в результате массовых репрессий, по неполным данным, в Калмыцкой автономной области были раскулачены 2 195 крестьянских семей, или 14 тыс. человек, из них за пределы области – 1 821, остальные раскулаченные хозяйства были разорены и переселены в «спекуляцкие» поселки Калмыкии [Максимов 2004: 100]. Процесс раскулачивания, репрессии против крестьянства проходили в Калмыкии в соответствии с общей партийно-государственной политикой, с целенаправленной последовательностью и с не меньшей жестокостью, чем в других регионах СССР.

Таким образом, можно сделать вывод, что политика ликвидации наиболее зажиточного слоя крестьянства, наиболее активно проводившаяся в начале 1930 г., привела к тому, что большинство кулацких хозяйств (если даже исходить из признаков, установленных в постановлении СНК) в 1931–1933 гг. прекратили свое существование. Поэтому применение термина «раскулачивание», во всяком случае, в этот период и позже неправомерно, поскольку кулака в деревне на тот момент фактически уже не было не только как класса, но и как социального слоя. «Раскулачивали» и ликвидировали, как правило, зажиточных крестьян и середняков, даже некоторых бедняков, заподозренных в сочувствии кулакам и противодействии властям («подкулачники»). Следовательно, о политике советского государства по ликвидации кулачества можно лишь говорить на начальном этапе репрессивного процесса, когда сельские кулаки действительно были, а позже это была политика раскрестьянивания крестьянства.

Раскрестьянивание в СССР проводилось в условиях неограниченной власти верхушки коммунистической партии, культа личности Сталина, беззакония и произвола, причем методами, уничтожающими и оскорбляющими человеческое достоинство. Кампа-

ния по раскрестьяниванию фактически стала гражданской войной, но с одной особенностью: с одной стороны – мощный партийный и государственный аппарат, готовый выполнить любое указание свыше, всесильные органы ОГПУ, средства массовой информации, с другой – темные, забытые, полуграмотные крестьяне. Руководство страны, называвшее себя рабоче-крестьянским, по существу, поощряло политику геноцида по отношению к определенной части крестьянства.

Именно в этот период продолжились жестокие репрессии и против духовенства со стороны государства. Всем областным парторганизациям страны был разослан секретный циркуляр ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Прекрасно понимая, какую опасность для социалистического строя представляет собой крестьянский уклад, партийное руководство не забывало и о религиозном мировоззрении подавляющего большинства сельского населения. Тем более что в усиливавшемся противостоянии последнее давало знать о себе все чаще. В циркуляре прямо говорилось, что «одна из форм классовой борьбы... деятельность религиозных организаций среди... крестьянства. Деятели религиозных организаций принимают активное участие в антисоветской работе кулачества [ГА РФ. Ф.Р.-5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2]. В 1930 г. В Калмыкии к тюремным заключениям были приговорены 23 священнослужителя, в том числе 1 православный, 2 протестанта (лютеранин и пятидесятник) и 9 активистов. Летом 1931 г. за контрреволюционные выступления были арестованы более 10 багши, 24 гелюнга во главе с шаджин-ламой калмыцкого народа Шарапом Тепкиным. Всего, по данным ОГПУ по Калмыкии, были арестованы 53 священнослужителя, из них 45 осуждены к различным мерам наказания, в том числе 3 священника Русской православной церкви [Максимов 2004: 234–235].

Таким образом, социально–политические преобразования конца 1920-х – начала 1930-х гг. кардинальным образом изменили структуру населения, особенно изменилась структура сельского населения. Практически сократилась численность крестьян-единоличников. Полностью исчезла такая социальная категория крестьян, как кулаки и батраки. Свыше 90% крестьян добровольно

вошли в колхозы, и они стали представлять новую социальную группу населения – класс колхозного крестьянства. В то же время, усиление промышленного производства привели к заметному росту рабочего класса. Ядром пополнения рабочего класса стали, бывшие крестьяне–единоличники, вынужденно покинувшие деревню. В психологии новых рабочих преобладали черты крестьянского менталитета и традиций.

В конце 1920–1930-х гг. XX века Калмыкия, как мы говорили выше, стала одной из составляющих стратегии государственно-партийного руководства по превращению Советской России из страны аграрной в аграрно-индустриальную, где, в том числе и ей, отводилась роль производственно-сырьевой базы. Для создания промышленности на территории области и формирования национального рабочего класса в первую очередь необходимо было перевести на оседлость степных кочевников. В этих целях планировалась трансформация традиционных хозяйственных и социальных практик калмыков, и кочевое скотоводство являлось объектом модернизации. Проводимая силовая политика по переводу скотоводов-кочевников и полукочевников на так называемую оседлость, или сендетаризацию нанесла сильнейший удар по калмыцкому хозяйству. Хотя в практическом плане кочевое хозяйство еще не исчерпало полностью свой экономический потенциал и оставалось во многом целесообразной системой в условиях республики, характеризующейся засушливым климатом, слабым растительным покровом ее территории, недостаточными источниками водоснабжения, а также отсутствием стационарных животноводческих помещений. Для сохранения своего хозяйства скотовод должен был постоянно кочевать, и это на протяжении многих веков стало привычным образом жизни калмыцкогономада. Перевод на оседлый образ жизни, полная концентрация хозяйства в одном каком-то месте, как нам представляется, были необходимы советской власти для решения сиюминутных задач выполнения планов мясозаготовок. При этом не учитывались ни национальные традиции кочевого ведения хозяйства, ни сложные природно-климатические условия территории поселения калмыков.

Кампания по кочевому оседанию велась достаточно интенсивно, хотя перевод на оседлость степных кочевников являлся достаточно сложным и трудоемким делом, требующим огромных материальных затрат. Об этом свидетельствует следующая динамика. В первые годы установления советской власти федеральным руководством уже рассматривался вопрос о перспективах изменения развития сельского хозяйства в области, но калмыцкими специалистами была высказана мысль о том, что климат и почва более приспособлены для естественно-исторически сложившегося кочевого скотоводческого хозяйства, чем земледелие. Однако, на IV Общекалмыцком съезде Советов, проходившем в октябре 1923 г., был взят курс на незамедлительный переход калмыков к оседлому образу жизни и решающим звеном в успешном выполнении этой задачи являлось местное руководство [Максимов 1981: 83].

Таким образом, мы видим, переход к оседлости калмыцкого населения явился главной стратегической задачей для партийно-хозяйственных органов автономной области, начиная с первых послереволюционных лет. Калмыцким обкомом партии и Облисполкомом были приняты ряд постановлений, направленных на перевод кочевых и полукочевых хозяйств Калмыкии на оседлый образ жизни. Под это дело были выделены значительные финансовые средства. Только в 1921–1937 гг. капитальные вложения на осуществление поставленной задачи составили 77,4 млн руб. [Василенко 1969: 66].

Стратегия перехода к оседлому образу жизни калмыцких nomadов получила применение в мерах, разработанных Поволжской колонизационно-мелиоративной комиссией НКЗ РСФСР, обследовавшей территорию Калмыкии с 1924 по 1926 гг. Для более рационального размещения населения и его хозяйствования комиссия предложила распределить территорию области по естественно-историческим, хозяйственным и бытовым условиям на 4 района: земледельческо-скотоводческий, скотоводческо-земледельческий, скотоводческий и рыболовно-скотоводческий [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 291].

Основная деятельность Поволжской экспедиции в 1925 г. была сосредоточена на изучении перспектив хозяйственного развития

в низменной части степи и приморской полосе Калмыкии. Кроме того, обследование предполагало подготовить прикладной научный материал для намечающегося землеустройства в более густонаселенных частях этого района с выработкой рекомендаций по применению научно-исследовательских изысканий в конкретных улусах. К примеру, экспедиция пришла к выводу, что территория, известная ныне как «Черные земли», может служить резервным фондом для зимнего выпаса скота. В результате обследования был намечен ряд приоритетных направлений развития области, определено национально-экономическое значение миграции для Калмыкии.

Облисполком планировал завершить миграционные процессы кочевого населения одновременно с землеустройством в течение 7 лет. Миграция калмыков должна была носить планомерный характер. Работа по переводу на оседлость, как и предполагалось, была начата с Больше-Дербетовского улуса (в связи с заселением его территории частью донских и кумских калмыков). Оседло-переселенческой комиссии Больше-Дербетовского улуса пришлось работать в экстремальных условиях: принимать ходоков и уполномоченных от этнических групп калмыков, вести учет переселенцев, бронировать земельные участки для них в размере 12 десятин на едока и т. д. [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 291]. Руководство области предпринимало все возможные меры по оказанию посильной помощи переселенцам. Так, осенью 1923 г. им было выделено 200 тыс. пудов ржи, весной 1924 г. – 18 тыс. пудов ржи, а также денежных средств в размере 37 500 руб., в среднем на семью – от 10 до 40 руб. Одной тысяче бедствующей семье было выделено по 60 руб. [Ланцанова 2005: 275; НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 288. Л. 32]. Президиум Госплана 1 ноября 1924 г. предоставил Калмыкии кредит в размере 375 тыс. руб., из которых 350 тыс. руб. направлялись на поддержание переселенческих хозяйств. В том же году помощь фуражом была оказана 800 хозяйствам из 1800 нуждавшихся, при этом нормы выдачи кормов были уменьшены на 25–30% [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 288. Л. 32]. К осени 1924 г. здесь было обустроено 1960 кумских и терских калмыков, 160 оренбургских и 130 уральских калмыков, 200 астраханских и более 8 тыс. донских калмы-

ков. После этого работа по обустройству калмыков–переселенцев была продолжена в Малодербетовском, Манычском, Приволжском, Приморском улусах и западной части Икицохуровского улуса, т. е. в той части Калмыцкой области, где они непосредственно могли заняться земледелием [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 288. Л. 32].

Весной 1924 г. Поволжская экспедиция обследовала Багацохуровский и Яндыко-Мочажный улусы и определила, что там имеется 759 686 десятин земли, пригодной для создания оседлых поселений калмыков. Всего к концу 1925 г. к оседлому образу жизни перешло 17 365 хозяйств, что составило 55,8 % всех хозяйств Калмыкии. К 1926 г. процесс переселения донских калмыков в область почти завершился [Отчет ЦИК 1915: 51].

Первый опыт массового перехода к оседлости оказался для Калмыкии по большому счету удачным, несмотря на огромные трудности в координации предпринимаемых действий, в том числе в снабжении продовольствием и материалами в местах «оседания» вчерашних скотоводов-кочевников. Вместе с тем, следует отметить, что из-за оседания огромное количество скота скапливалось на ограниченной территории, следовательно, было мало пастбищных угодий, и скот недостаточно обеспечивался кормом. Отсюда и массовые потери скота, которых можно было избежать, применяя традиционные способы ведения скотоводческого хозяйства.

Следует особо подчеркнуть, что большинство социально-экономических мероприятий советской власти конца 1920-х и начала 1930-х гг. самым негативным образом сказались на уровне жизни населения, демографической ситуации в стране. Всему виной волюнтаристский курс активно утверждавшегося в обществе и государстве тоталитарного режима. Лишь к середине 1930-х гг., с ростом прагматических начал в экономической и социальной политике советского руководства, началось повышение абсолютного показателя естественного прироста населения Нижнего Поволжья и Калмыкии.

На рубеже 1920–1930 гг. в Калмыцкой автономной области были заложены основы индустрии. Для области промышленная модернизация внесла инновационную волну научно-технической

революции: станки, оборудование и т.д. Первые ростки рыбной промышленности стали закладываться в рабочем поселке – Лагань. В урбанизационные процессы была вовлечена, главным образом, та часть калмыцкого населения, на территории которой создавались промышленные индустриальные объекты. Продолжалось строительство населенных пунктов городского типа и административного центра области. В начале 1933 г. в городе Элисте проживало 8313 человек. В связи с ростом промышленности увеличились удельный вес рабочих в обществе и численность городского населения в Элисте и поселках городского типа, в основном пополнявшегося за счет крестьянства. Это дало сильный толчок усилившемуся процессу урбанизации в регионе. Социальная структура населения в области в 1932 г. по роду занятий выглядела так: колхозное крестьянство – около 50%, рабочий класс – приблизительно 20%, служащие – в пределах 15%, крестьяне-единоличники – 4,5% [Максимов 2009: 401].

Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г. количественный состав населения Калмыцкой АССР за два года увеличился – со 194482 до 220684 чел., то есть на 13,5%. Городское население за это же время увеличилось – с 16347 до 35020 чел. (в том числе русских – 25008, калмыков – 7377), сельское – со 178135 до 185664 чел. [Максимов 2013: 62].

Осуществление индустриализации и подъем хозяйства республики в дальнейшем не могло происходить без одновременного подъема культурного уровня населения. Индустриальное и экономическое преобразование общества требовало широкого распространения культуры, первоначальной составляющей которой была ликвидация неграмотности. Новая власть создавала благоприятные предпосылки и условия для позитивных сдвигов в развитии культуры, образования, других сфер жизни. В Калмыкии стали целенаправленно решаться вопросы организации школьного дела для детей и взрослых. Калмыцкое население в основной своей массе являлось неграмотным. Неоценимую помощь автономии в подготовке и обеспечении учительских кадров оказали соседние города – Астрахань, Царицын и др. Однако, несмотря на все усилия, направленные на преодоление неграмотности в Калмыкии,

уровень грамотности населения в области в 1920-е гг. не достиг показателей других регионов Нижнего Поволжья. В Калмыцкой автономной области, как и по всей стране, по официальным данным, была ликвидирована неграмотность. В 1930-е гг. советскому правительству удалось создать новую систему образовательных учреждений (начальные, семилетние и средние школы) как для детей, так и для взрослых. Только в годы первой пятилетки на нужды народного образования и здравоохранения было ассигновано 40% всего областного бюджета [ГА АО.Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 368. Л. 47–48].

В марте 1931 г. принято совместное постановление Калмыцкого обкома и Нижневожского крайкома о проведении в Калмыкии культштурма, направленного на ликвидацию массовой неграмотности среди взрослого населения. В течение 1930–1932 гг. в ряды культармейцев вошло более 5 тыс. чел. из числа учителей, студентов, школьников старших классов и комсомольцев-активистов. Проведение культштурмов обеспечило рост сети литпунктов, библиотек-передвижек, красных уголков. Одним из наиболее заметных достижений этого благородного движения стало создание крупной для Калмыкии библиотеки в 25 тыс. томов [Ташнинов 1969: 164; Сартикова 2008: 126.].

В рассматриваемый период нарастала тенденция ликвидации неграмотности среди женщин–калмычек, ведь в прошлом ее положение было ограничено множеством запретов, в том числе всякое ее участие в общественной и культурной жизни. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. ее положение резко активизировалось. Занятость женщин в общественном производстве увеличилась с 1926 г. по 1939 г. с 6,5 до 22,7% от всех трудящихся. В промышленности в 1938 г. удельный вес женщин составил 13,1%, строительстве – 12,6%, транспорте – 2,3%, связи – 34,9%. При этом женщины-калмычки составляли 35,1% всех работающих женщин [Акугинова 1967: 47–71]. В 1934 г. число женщин-депутатов в местные советы составил 673 или 28,3%, членов партии и комсомола – 850 или 35,8%. За 1924–1934 гг. процент присутствия женщин в органах власти увеличился с 6,9 до 20,1 т.е. 58 чел. [Максимов 2009: 402]. Экономическая независимость женщин определялась степенью их участия в общественном производстве, поскольку наряду с ма-

теринскими заботами на ее плечи легли трудности первых пятилеток, все тяготы форсированной индустриализации и сплошной коллективизации.

Советская история по праву относит борьбу с неграмотностью к числу наиболее высоких достижений тех лет. Согласно Всесоюзной переписи 1939 г. процент грамотных в Калмыкии достиг в возрасте от 9 лет и старше – 70,8%. По-видимому, это связано в большей степени, не только с проведенными мероприятиями по ликвидации безграмотности, но и с прибытием в регион большого числа людей не только грамотных, но и квалифицированных рабочих, специалистов различных профессий, представителей интеллигенции. Грамотность городского населения среди мужчин (91,5%) была более распространена, чем среди женщин (75,54), причем уровень грамотности в сельской местности был значительно ниже и составлял у мужчин (76%) и женщин (60,7%) [Максимов 2009: 402]. Большая часть калмыцкого населения были жителями сельской местности, где мероприятия по ликвидации безграмотности проводились менее интенсивно, чем в городах и городских поселениях. Немаловажным фактором было и отсутствие должного количества учителей-калмыков.

Многое делалось в тот период для культурно-образовательного развития государствообразующих народов края и национальных меньшинств, дисперсно проживающих на территории Нижней Волги. Наряду с расширением сети школ и техникумов, создавались высшие учебные заведения. Так, в 1929 г. в крупнейшем научном, культурном центре Нижнего Поволжья – в Саратовском государственном университете при педагогическом факультете было создано калмыцкое отделение. В целом в годы первой пятилетки уровень грамотности оставался довольно ограниченным. В этот период в области работало 220 школ 1 ступени (17536 учащихся), 7 школ калмыцкой молодежи (989 учащихся), 2 техникума с 430 учащимися, 1 совпартшкола с 202 учащимися, которые в подавляющем своем большинстве направлялись на практическую работу [Сартикова 2008: 130]. Недостаточный уровень образования, знаний требовал более качественной подготовки преподавателей. Саратовский университет в этот период сыграл огромную роль в

подготовке учительских кадров и заложил первые предпосылки для дальнейшего развития высшего образования в Калмыкии. В 1933 г., в связи с изменениями в территориальной принадлежности Калмыцкой автономной области калмыцкое отделение Саратовского пединститута им. Луначарского передано Астраханскому пединституту им. Кирова. Деятельность указанных отделений на базе саратовского и астраханского вузов обеспечивало возможность подготовить квалифицированные кадры для качественно нового этапа в развитии социально-экономической жизни региона.

В годы второй пятилетки, в период наращивания промышленного потенциала, требовались рабочие новых профессий, связанных с индустриальным производством. Подготовка кадров из числа вчерашних скотоводов велась через ФЗУ г. Астрахани, Саратова и Сталинграда. Если в 1926 г. в области числилось 4 неквалифицированных строителя и 75 транспортных рабочих, то в 1938 г. подготовленные квалифицированные кадры составляли 7424 чел. со средним образованием и 527 чел. с высшим. Ввод новых предприятий определили рост численности рабочего класса и качественные изменения в его составе. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Калмыкии насчитывалось около 15 тыс. рабочих, занятых в промышленности, строительстве, транспорте и связи, считая предприятия кустарной и колхозной промышленности [Корнилова 2005].

К концу второй пятилетки в Калмыцкой АССР произошли положительные сдвиги в народном хозяйстве и в социальной структуре общества. За годы форсированной индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции Калмыкия укрепила государственность, подняла экономику на качественно новый уровень, заложила успешный путь модернизации общества, обеспечивая поступательное движение вперед. Несмотря на то, что в этот период для республики не характерны высокие темпы роста валовой продукции и численности промышленно-производственного персонала и по ряду показателей она значительно отставала от других регионов. Однако в данном регионе все же стабильно утверждалось индустриальное развитие, увеличивался удельный вес горожан в составе населения за счет бурного развития столицы

республики – города Элисты и рабочих поселков, формировались кадры из числа квалифицированных рабочих. Впервые в Калмыкии возникла инженерно–техническая интеллигенция, в том числе из рядов калмыцкого населения. Калмыкия из аграрного района превратилась, об этом можно с определенной натяжкой сказать, в аграрно-индустриальную республику.

На фоне непростых процессов, имевших место в жизни жителей Калмыкии, все четче вырисовывались позитивные сдвиги, постепенно преодолевались негативные тенденции в демографической сфере. Все это позволяет утверждать, что достижения Калмыцкой автономной области явились основанием в 1935 г. преобразовать ее Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику.

Глава 3

ЗАВЕРШЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЛМЫКИИ. ДЕРЕВНЯ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

§1. Итоги и результаты политики сплошной коллективизации. Анализ кризисных явлений в развитии аграрной сферы республики в предвоенные годы

Преодоление аграрного кризиса в деревне, массовый голод, однозначно, провал 1-й пятилетки потребовали немалых усилий и времени, новых форм управления сельским хозяйством со стороны государства. На XVII съезде партии (1934 г.) отмечалось, что реорганизационный период в сельскохозяйственной отрасли закончился и на следующем этапе необходимо продолжить политику раскулачивания крестьянства, ужесточения фискальных налогов различного вида, направленных исключительно на изъятие материальных и финансовых ресурсов у крестьянства. Партийный съезд разработал меры по дальнейшему наращиванию колхозно-совхозного сектора как основных производителей и поставщиков сельскохозяйственной продукции. Эти меры должны были переломить общую негативную ситуацию, сложившуюся в сельском хозяйстве страны. На основе решения съезда были приняты постановления, директивы, предусматривающие увеличение посевных площадей, разработку государственных посевных планов, государственных планов развития животноводства и др. Для усиления идеологической работы в колхозах и совхозах, партийного влияния на хозяйственные структуры по решению съезда создавались политотделы в МТС. Они организовались во всех зерновых и животноводческих районах страны и были призваны реализовывать политику партийного руководства в деревне: оперативно осуществлять заготовительные кампании, «очищать» колхозы и совхозы от классово-враждебных и вредительских

элементов и т. п. В Калмыкии насчитывалось 31 политотделов, из них 16 – в совхозах и 15 – в МТС. В порядке помощи Калмыкии в политотделы из числа наиболее активных коммунистов и рабочих Москвы, Ленинграда и других регионов страны было направлено более 20 коммунистов [Очерки истории 1970: 193–194]. При активном содействии работников политотделов завершилась в этот период большая чистка кадров колхозов и МТС. «Жертвами» деятельности политотделов становились руководители производств, профессионально подготовленные агрономы и трактористы, а также «классово-враждебные» элементы из числа колхозников, работников совхозов и МТС. Хотя политическая составляющая была основной в работе политотделов, они также принимали активное участие в хозяйственной деятельности «подшефных» колхозов и совхозов, контролировали исполнение партийно-государственных решений. Документальные материалы архивов того времени свидетельствуют: «жесткий контроль и своевременная помощь, оказанная политотделами в племенном совхозе им. 10-летия комсомола Калмыкии вывели их на передовые рубежи. Государственные задания выполнены практически с перевыполнением. Сдача хлеба – на 100%, мяса – 111%, масла – 101%» [ГА АО. Ф.Р.-1. Оп. 16. Д. 3. Л. 141].

В конце 1934 г. по решению ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) политотделы МТС, колхозов и совхозов были упразднены. В советской историографии не дается однозначной характеристики их работы, но одно очевидно – политотделам, являвшимся важнейшим элементом в системе антикризисных мероприятий правительства, не удалось добиться коренного перелома в сельском хозяйстве. Предпринимаемые действия партийных и государственных органов, «вооруженных» идеологическими установками и практическими указаниями Сталина и других руководителей по развитию аграрного сектора страны, в конечном итоге не принесли желаемого успеха. Валовые сборы зерна по России уменьшались – в 1933 г. до 684 млн ц, в 1934 г. – до 676,5 млн ц, зато с каждым годом возрастали государственные заготовки зерна – от 234 млн ц до 268 млн. ц. Государством целенаправленно создавалась и действовала целостная система перекачки финансовых,

материальных и трудовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный. Партийно-государственное руководство страны, с целью увеличения производительности труда колхозно-совхозного сектора и получения от них большей продукции в виде зерна, разработало государственные посевные планы, действовавшие с 1930 г., которым вменялось значительно расширить посевные площади. На реализацию этих мер власти в Центре возлагали большие надежды и посылали руководящие указания на места. В 1934 г. в Калмыцкую автономную область пришла директива о расширении посевных площадей ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса и кукурузы. В обязательную поставку зерна впервые включили 5 животноводческих и рыболовецких районов. Колхозы и совхозы этих улусов автономной области, не имея практического опыта ведения земледелия, естественно не могли получить высокие урожаи и тем самым обеспечить выполнение планов сдачи зерна государству. Сказывалось также и то, что сами земли районов, включенных в общегосударственный реестр производителей и поставщиков хлеба, располагались в степной и полупустынной части Калмыкии, в зоне рискованного земледелия. На этих территориях, даже при правильной организации труда, безупречного выполнения агрикультурных работ сельхозпроизводителями априори нельзя было добиться высокой урожайности. Из общего количества, сданного Калмыкией зерна в 1934 году, – 98940 ц, на не зерновые районы пришлось всего 9980 ц. или чуть больше 10%. Между тем, выполнение плана сдачи государству зерна другими улусами области составляло от 51% до 80%. Руководство Калмыцкой автономной области вынужденно было обратиться с ходатайством в ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР с просьбой об освобождении Центрального, Черноземельского, Приволжского, Долбанского и Лаганского улусов от сдачи государственных поставок хлеба, в связи с невозможностью их выполнения [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 51. Л. 7].

Непомерными высокими оставались и контрольные цифры по заготовке скота (мясозаготовки). Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 28.08.1933 г. установило на 1934 г. для всех районов Калмыкии следующие нормы (имеющей силу налога):

- для колхозных дворов в колхозах, не имеющих животноводческих товарных ферм – 25 кг живого веса;
- для колхозных дворов в колхозах с животноводческими товарными фермами – 15 кг живого веса;
- для единоличных крестьянских хозяйств – 40 кг живого веса;

Для кулацких хозяйств установить нормы обязательной поставки мяса государству в 2-м размере по сравнению с нормами, установленными для единоличных хозяйств.

Для животноводческих товарных ферм и обобщественного стада колхозов нормы обязательной, имеющей силу налога, поставки мяса государству в кг. живого веса установить:

- по крупному рогатому скоту – 35 кг с каждой коровы и нетели 2-х лет и старше;
 - по овцам – 8 кг с каждой овцематки и ярки скота 1932 г.;
- по свиньям – 100 кг. с каждой свиноматки в возрасте 9 месяцев и старше [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 1642. Л. 40–41].

С середины 1930-х гг. устанавливается очередной жесткий контроль над экономической и политической деятельностью в деревне в виде директивного планирования. В разработанные с 1935 г. государственные планы развития животноводства включались задания по росту поголовья скота в общественном секторе, покупке и контрактации скота у колхозников, расширению кормовой базы. Все эти меры были направлены в первую очередь на выполнение поставок мяса и мясной продукции государству. Животноводческие районы страны в основном не справлялись с плановыми заданиями. К примеру, совхозы Калмыкии по состоянию на 1 ноября 1937 г. выполнили план мясоставок в среднем на 65 %. Государственные предприятия Центрального улуса исполнили план на 60,1%; Долбанского – 73,5 %; Сарпинского – 70,2 %; Западного – 61,1 % [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 134. Л. 113]. Не лучше было положение с выполнением государственных заданий и колхозами республики.

Такие неутешительные показатели и результаты были закономерны: в стране значительно уменьшилось поголовье скота в связи с насильственным обобществлением скота при создании

колхозов, вакханалией раскулачивания, все увеличивающейся потребностью разраставшегося городского населения, нуждами армии, разорительными мясозаготовками, голодным бедствием 1932–1933 гг., волонтаристским управлением сельским хозяйством. Численность крупного рогатого скота в Советском Союзе снизилась с 60,1 млн гол. (в 1928 г.) до 33,5 млн (в 1933 г.); поголовье свиней – с 22 млн до 9,9 млн; овец – с 97,3 млн до 32,9 млн (в 1934 г.); лошадей – с 32,1 млн до 14,9 млн (в 1935 г.). Еще долгие годы в стране не наблюдалась положительная динамика роста поголовья скота: СССР смог превзойти уровень численности поголовья скота 1928 г. только лишь в 1958 г.

В Калмыкии также сократилась численность поголовья скота: лошадей с 29813 тыс. гол. (в 1934 г.) до 28200 тыс. гол. (в 1935 г.); крупного рогатого скота с 193055 тыс. гол. (в 1934 г.) до 168442 тыс. гол. (в 1935 г.); овец с 543933 (в 1934 г.) до 425104 (в 1935 г.); свиней с 21918 тыс. гол. (в 1934 г.) до 16190 тыс. гол. (в 1935 г.); верблюдов с 4517 (в 1934 г.) до 4290 тыс. гол. (в 1935 г.) [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 138. Л. 100].

Одной из главных причин возникших в 1930-е гг. серьезных трудностей в животноводстве и земледелии страны явилось то, что при создании колхозов крупное социалистическое производство в сельском хозяйстве моделировалось по типу крупнопромышленного, а использование в рамках колхозов малых экономических форм, прежде всего личных подсобных колхозников, предельно суживалось. Власти не сразу нашли продуманное решение вопроса, связанного с правильной организацией типов и видов коллективных хозяйств, обобществлением скота и птицы. Корень решения аграрных проблем виделся ими в безжалостном уничтожении индивидуальных крестьянских хозяйств, раскулачиванию кулачества, дававших в предыдущие годы львиную долю сельскохозяйственного производства в стране.

Немало проблем возникало и в организации внутриколхозной жизни, влияющей на производство, моральное и финансовое состояние колхозников и членов их семей. Поиск и проверку форм и способов рациональной организации, учета и оплаты труда приходилось вести в ходе идущего процесса массовой коллективизации.

II съезд колхозников-ударников в феврале 1935 г. принял Примерный устав сельскохозяйственной артели, обобщил и оформил новые отношения в колхозной деревне. Устав закреплял основные формы организации труда (бригады) и его оплаты (распределение доходов по трудодням), сформулировал основополагающие исходные принципы колхозной демократии: право общего собрания членов артели решать широкий круг вопросов внутриколхозной жизни, выборность и подотчетность правлений колхозов и др. Согласно принятому колхозниками уставу, все виды сельскохозяйственной кооперации запрещались, и оставалась лишь одна сельскохозяйственная артель – колхоз. Колхознику гарантировалось существование личного подсобного хозяйства: от 0,25 до 0,5 га земли, от одной до двух-трех коров, неограниченное количество птицы. Съезд в духе того времени выдвинул лозунг: «Сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными» [Никифоров 2010: 198–203].

Каждому колхознику Калмыцкой автономной области – одному из ведущих животноводческих регионов страны, согласно Примерному уставу, полагалось иметь в индивидуальном пользовании 4–5 коров, от 30 до 40 овец, по одной лошади или по 2 верблюда [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 52. Л. 60]. Разрешение иметь свое личное подсобное хозяйство привело к быстрому возрастанию продовольственного и сырьевого обеспечения членов колхоза. Передача земли на вечное пользование дала возможность местным властям упорядочить границы земельных угодий каждого колхоза. В Калмыкии к концу 1936 г. за колхозами были закреплены основные земельные массивы – 4381579 гектаров земли, в отличие от единоличников, которым было выделено всего 13,5% или 21175 гектаров земли [Очерки истории 1970: 195].

Несмотря на прогрессивные меры, в частности на разрешение колхозникам иметь личные подсобные хозяйства, крестьяне калмыцких улусов в ответ на политику искоренения частных крестьянских хозяйств, насильственного принуждения к вступлению в колхозы, обобществления личного скота и земли работали не лучшим образом, многие из них уклонялись от общественных работ. Трудовая дисциплина во второй половине 1930-х гг. в кол-

хозах, совхозах, МТС, государственных учреждениях сельского хозяйства характеризовалась низким уровнем. Информационные донесения ОГПУ пестрили донесениями о пьянстве, дебоше, «перегибах» руководящего персонала. Прокурор КАССР Хонхошев в своей докладной записке в партийно-государственные органы республики сообщал: «Джимбиев М., управляющий фактории «Заготскот» Западного улуса своим преступно-халатным и безответственным отношением к правильной сортировке скота, подлежащего сдаче мясокомбинату, допустил значительную потерю упитанности скота и значительный расход государственных средств. Сугатов, директор совхоза № 107 «Тангчин Зянг» Приютненского улуса в зимовку 1936/1937 г. развалил хозяйство и допустил падеж скота: более 300 гол. КРС, более 100 гол. овец» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 50. Л. 4, 28]. По отдельным колхозам, как следовало дальше из докладной записки, ситуация складывалась куда еще более драматичная: «Долгин И. А., заместитель директора пригородного хозяйства, занимался продажей общественно-го скота спекулянтам из соседних регионов» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 49. Л. 73]. Прокурором КАССР Хонхошевым в другой докладной записке на имя первого секретаря Калмыцкого обкома ВКП (б) Карпова, Председателя СНК КАССР Н. Гаряева, Председателя ЦИК В. Хомутникова от 25 августа 1937 г. сообщалось, что ряд отдельных руководителей Долбанского улуса во главе с заместителем председателя улусного исполкома Дедовым при попустительстве секретаря улускома ВКП (б) Гончарова и председателя уисполкома Гаряева творили антипартийные и преступные дела. Дедов продолжительное время (с 1936 г.) производил сбор денежных средств со всех колхозов, якобы на приобретение для колхозов племенного скота и семенных материалов. Им был открыт специальный денежный счет № 156/2 в Госбанке и незаконно собрано 128590 руб. колхозных средств. Указанная сумма по распоряжению бывшего начальника УЗУ Дедова израсходована на нужды аппарата УЗУ, т. е. не по назначению [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 49. Л. 106].

Очевидно, одной из причин «прохладного» отношения к работе, как и ее последствий, была большая текучка кадров из числа

руководителей. В области не хватало грамотных и квалифицированных руководителей сельскохозяйственного производства.

Насильственная коллективизация оказывала негативное влияние и на отношение к труду вчерашних единоличников. Рядовые колхозники не испытывали большого желания работать на «общее дело», получая мизерное или вовсе не получая вознаграждение за свой труд. Они открыто выражали свое недовольство в связи с необеспеченностью колхозников и членов их семей хлебом, постоянными перебоями в его поставках, нехватку продуктов питания: «Руководители по снабжению хлебом, не занимаются своим делом, несмотря на то, что им отпускаются средства на покупку нефти и муки» или «При таком положении с хлебом трудно работать, не знаю о чем думать, то ли о работе или о хлебе. Стоишь в очереди, а хлеба не оказывается. Работать не хочется» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 50. Л. 224].

Это были не просто недовольные роптания не любивших существующую власть крестьян-единоличников. О том, что продовольственные затруднения в Калмыкии были и в 1936 г. после голодного бедствия 1932–1933 гг. свидетельствуют и сами представители власти. Секретарь Сарпинского УК ВКП (б) Болдырев, Преудисполкома Менкенов в письменном обращении в Калмобком ВКП (б) Карпову, Совнарком КАССР Пюрбееву от 21 декабря 1936 г. сообщали: «В связи с засухой нынешнего года в Сарпинском улусе создано крайне напряженное продовольственное положение. Население испытывает острую нехватку хлеба, т. к. в колхозах пришлось на трудодни крайне мизерное количество хлеба (в 24 колхозах хлеб на трудодни совершенно не выдавался, в 5 колхозах выдано до 200 грамм на трудодень, в 5-ти колхозах выдано от 200 до 500 грамм и лишь в одном колхозе выдано 600 грамм на трудодень)... Одновременно с этим мы имеем неблагоприятное положение и в торговле хлебом... Отсюда мы наблюдаем у хлебных лавок круглосуточные очереди и ежедневную нехватку хлеба, в особенности ржаного и размоленного» [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 280. Л. 10].

Недовольство крестьян продовольственными трудностями выражалось также в следующих фактах и случаях, отмеченных в

цитируемом нами сообщении: «... в настоящее время наблюдается ряд тревожных, нездоровых явлений, а именно:

а) замечается усиленная резка скота колхозниками и усиленный пригон скота для продажи на базары;

б) участился самовольный уход колхозников за пределы улуса – на Дон и Азово-Черноморский край;

в) из-за невыдачи трактористам гарантийного заработного минимума (выдано им на трудодень до 1 рубля деньгами и 1 кг хлеба) уходят и эти дефицитные для нас кадры;

г) имеются случаи недовольства и антисоветских высказываний; [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 280. Л. 10].

Колхозники отрицательно относились и к постоянно проводившимся подпискам на займы и выражали свое недовольство в разговорах между собой: «Надоело подписываться на займы, нас, дураков, обманывают, в конце года часть займов должны были пойти на погашение, но вместо этого выдумали новый с обменом старых займов сроком на 20 лет. Разве это не обман? Нам такой заем не нужен». В таком же духе выражался и колхозник из с. Приютное: «Живешь голодный, да еще надо подписываться на заем» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 50. Л. 171]. Такие «вредительские» с точки зрения власти разговоры и настроения жестко пресекались властью, многие из «недовольных» вызывались в органы внутренних дел, где с ними проводились беседы, а иногда они арестовывались. По мнимым или действительным преступлениям, связанными с хищениями социалистической собственности, мошенничеством, халатностью и другими негативными явлениями заводились уголовные дела, хотя некоторые из таких дел «тянули» только лишь на принятие административных мер. В справке «О работе прокуратуры по борьбе с вредительством в области животноводства, зерна и полеводства» по состоянию на 1 декабря 1937 г. сказано, что всего в республике имеется на 1 декабря – 13 дел, из них 7 по животноводству и 6 дел по полеводству, в том числе о вредительском хранении зерна и заражении его клещом – 2 дела. Показательным процессом Спецколлегией и уголовно-судебной Коллегией Верховного суда КАССР рассмотрено 3 дела: по животноводству 1 дело на 9 чел. и 2 дела на 10 чел. о вредитель-

ском хранении зерна. Из 9 чел. – 6 приговорены к расстрелу, 1 чел. к 20 годам и 1 чел. к 15 годам лишения свободы (один обвиняемый в процессе расследования умер) [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 49. Л. 114].

В 1935–1937 гг., после имевшегося спада в предыдущие годы, наметился некоторый подъем в восстановлении сельскохозяйственного производства страны. Выросли валовые сборы зерна, хотя в целом за вторую пятилетку (1933–1937 гг.) они были ниже, чем за первую: 729 млн ц. против 735,6 млн ц. Между тем, в Калмыкии в связи с засушливыми годами, малоэффективным использованием земельных, материальных и трудовых ресурсов урожайность зерновых в 1935–1936 гг. значительно снизилась по сравнению с 1934 г. Валовый сбор в 1934 г. составил – 249,6, а в 1935 г. – 200,8, в 1936 г. – 234,2 тонны. Озимая рожь составила 2,7 ц с гектара (в урожайные годы до 6,4 ц), озимая пшеница – 3,7 (до 9–10 ц), яровая пшеница – 3 ц (до 9 ц), ячмень — 5,8 (до 10 ц) [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 51. Л. 7–8].

Низкие урожаи зерновых в республике были обусловлены неплодородием почвы, недостаточным использованием имеющихся посевных площадей, агрикультуры, в особенности слабой оснащенностью машинно-тракторного парка. Колхозы и совхозы имели в наличии всего 662 единицы тракторов, 119 комбайнов, в среднем на один колхоз и совхоз приходилось четыре трактора и один комбайн.

В отличие от земледелия, в животноводстве Калмыкии, начиная с 1937–1938 гг. возобновился рост поголовья скота. По данным переписи 1937 года численность скота в КАССР составила: КРС – 227956 тыс. гол; овец – 612070 тыс. гол.; коз – 25036 тыс. гол.; лошадей – 33260 тыс. гол.; свиней – 10336 тыс. гол. [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 138. Л. 104]. Однако, по отношению к численности скота, имевшегося в регионе в 1928 г., поголовье скота всех видов в 1937 г. (908658 тыс. гол) было меньше на 26 %. Причин медленного восстановительного периода было много, одно из них – развитие животноводства, как и прежде, экстенсивным путем. Власти при сохранившемся в республике пастбищном животноводстве не включили в процесс производства дополнительную

рабочую силу, не вовлекли природные ресурсы, мобильно не использовали имевшийся машинно-тракторный парк, не нарастили строительство новых обслуживающих отрасль предприятий, хотя все эти направления в определенной степени использовались. На уменьшение поголовья скота, замедление темпов производства мясной продукции сказались также наблюдавшаяся в предыдущие кризисные годы значительная потеря племенной базы, дефицит кормов во время голода 1932–1933 гг. В последующие годы наблюдалось заметное падение производства продуктов животноводства и снижение его экономической эффективности.

В государственном плане СССР по подъему животноводства в Калмыкии особое внимание уделялось использованию Черных земель, расположенных на территории Калмыкии в области западного правобережного Прикаспия с охватом Центрально-Черноземельской низменной равнины, Прикумской грядово-ложбинной равнины, части Нарын-Худукского озерного бессточного района и части Приморской песчано-солончаковой равнины общей площадью в 1324 тыс. га. [Ташнинова, Буваев 2012: 150–164, 151]. Исторически Черные земли использовались калмыцкими властями как зимние пастбища. Восстановительные сукцессии проходили без участия человека. В 1931 г. Черным землям придается статус всесоюзного значения и зимние выпаса превращаются в стационарные пастбища социалистического животноводства с выпасами скота Калмыкии, Ставропольского края, Ростовской и Сталинградской областей, Астраханского округа, Дагестанской АССР и даже Грузинской ССР. Теперь зимуют на Черных землях от 800 тыс. до 1 млн гол. [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 95]. Огромное количество скота, скапливавшееся на территории в осенне-зимний период в 1930-е гг., положили начало необратимым процессам опустынивания: засолению земель, увеличению роста площадей открытых песков, т.е. нарушению равновесия природных экосистем, обеднению видового и популяционного разнообразия и смене климатических циклов — наступлению тепло-сухого периода 1930–1940-е гг. [Кривенко 2010: 25–29, 27].

Калмыцкая автономная область находится, как было сказано выше, в зоне рискованного земледелия и стабильное производ-

ство растениеводческой продукции возможно в ней, особенно в центральной и восточной частях, в условиях развития орошаемого земледелия. Орошение земель как способ увеличения урожайности зерновых культур, кормовой базы для животноводства безопасно тогда, когда используется разумно, с учетом научных рекомендаций. В случае непродуманных человеческих действий, интенсивно воздействующих на естественные природные системы, данный вид хозяйственной деятельности может вызвать развитие всевозможных деградационных процессов. Связано это, прежде всего, с подъемом уровня грунтовых вод, вторичным засолением и осолонцеванием, водной эрозией, дегумификацией и снижением эффективного плодородия зональных почв. В 1930-е годы орошаемое земледелие получило в Калмыкии широкое развитие, и оно действительно увеличивало объем сельскохозяйственного производства. Общая площадь поливных площадей в республике в 1937 г. составила 5 тыс.га., в том числе посевы хлопчатника, требующие обильного водного полива, занимали 1617 га (в 7,2 раза больше, чем в 1930 г.).

Результаты технического перевооружения сельского хозяйства, использование ранее не применявшихся способов хозяйствования, все же стали сказываться на увеличении производительности труда крестьян, сбора зерновых. Созданные в те годы МТС являлись инструментом реализации государственной политики в деревне, служили материальной базой для деятельности колхозов, обеспечивали механизацию работ в земледелии. В 1937 и 1938 гг. хлебоуборочная кампания в ряде колхозов Калмыкии проходила с широким участием МТС. На 20 июля было скошено 73262 га или 72 % при наличии 430 тракторов и 97 комбайнов. На 20 августа 1938 г. при 480 тракторах и 217 комбайнах скошено 79566 га или 66 % посевной площади. Если в 1937 г. нагрузка на один комбайн выражалась в 400 га, то в 1938 г. в среднем одним комбайном обрабатывалось не более 200–220 га. МТС забирали часть урожая за использование собственной техники, на оплату труда своих работников. Уборочные и посевные работы работники МТС проводили не на должном техническом уровне, с большими опозданиями, что сказывалось на сроках, темпах и качестве работ. Как следует

из различного рода отчетов, донесений того периода, в колхозах Западного, Яшалтинского и Сарпинского улусов с первых дней уборки трактора и комбайны МТС из-за некачественного ремонта работали с большими перебоями. В колхозах, обслуживаемых Башантинской МТС, 41 комбайн за 4 дня уборки скошил всего 400 га хлеба. Комбайны простаивали по причине неисправности моторов и неумелой регулировки [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 52. Л. 54–55]. Несмотря на плохую работу МТС, руководители колхозов не имели права отказаться от их услуг. Взаимоотношения колхозов и МТС были прописаны в Примерном договоре МТС с колхозом, принятому в 1933 г. и дополненному в 1934 г. и носили кабальный, принудительный характер. Конкретный порядок координации производственных взаимоотношений колхозов и МТС также был определен и в Примерном уставе сельхозартели 1935 года.

Объем работ МТС на колхозных полях устанавливался не запросами и потребностями хозяйств, а возможностями машинно-тракторного парка МТС. Машинно-тракторные станции являлись основной производственной структурой, обладающей техническими ресурсами, без которой колхозы и совхозы не могли самостоятельно проводить посевные и уборочные кампании. Производственная структура МТС окончательно сложилась к концу 1930-х гг. В 1940 г. в СССР действовали 7069 машинно-тракторных станций, из них 4532 – в Российской Федерации. МТС стали системообразующей структурой колхозного производства, они создавали необходимые материально-технические предпосылки функционирования колхозного строя [Томилин 2006: 124–127, 125]. Производственная система «МТС – колхозы» позволила государству наладить механизм перекачки ресурсов из деревни, бесконтрольно использовать по собственному усмотрению материальные ресурсы деревни.

После проведенного 2 июля 1934 г. в ЦК ВКП (б) совещания по вопросам коллективизации были приняты налоговые нормы, ставящие под угрозу существование самого крестьянского хозяйства, на корню убивающие интерес крестьян к производительному труду. В августе – сентябре для единоличных хозяйств были повы-

шены ставки сельхозналога и, кроме того, введен единовременный налог, на 50 % увеличены нормы обязательных поставок продукции государству по сравнению с нормами поставок колхозов. На всех этапах коллективизации меры прямого давления на крестьян-единоличников, жесткий прессинг не прекращались, а, наоборот, усиливались. Власти, средства массовой информации активно вели обличительную кампанию против единоличников, обвиняли их в особом рвачестве и спекулятивных тенденциях. В обществе насаждалось мнение о единоличнике как о враге советской власти, хапуге и бездельнике – прямом виновнике развала сельского хозяйства. Но они не сдавались, развивали свое хозяйство, насколько это было возможно в тех непростых условиях. Сказывалась крестьянская жизнестойкость, предпринимательская жилка единоличников, старавшихся даже в тяжелый период гонений и притеснений проявлять свой человеческий и трудовой потенциал. Все это вызывало негативную реакцию у партийных властей и подконтрольных им в то время карательных органов. Накрокомвнудел КАССР Озеркин в донесениях в партийно-государственные органы республики сообщал, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 апреля 1934 г. «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств» в ряде колхозов и в населенных пунктах КАССР широкого разъяснения среди единоличников не получили. Он призывал усилить борьбу с единоличниками по всем направлениям [НА РК. Ф.-131. Оп. 1. Д. 138. Л. 85].

В 1934–1935 гг. один за другим выходят совместные постановления высших партийных и государственных органов страны, в которых конкретизировались меры по удушению крестьянских единоличных хозяйств. В марте 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «Об обязательных поставках зерна, риса и подсолнуха государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1934 года», в котором нормы сдачи зерна государству для колхозов были установлены значительно ниже, чем для единоличников. Так, например, в Азово-Черноморском крае колхозы должны были сдавать 1,8 ц/га, а единоличники – 3,1 [СЗ СССР. № 12. Ст. 9]. Нормы обязательных поставок других сельхозпродуктов для единоличников также были в полтора-два раза выше

[СЗ СССР. № 15. Ст. 112]. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 марта 1935 г. «О плане контрактации хлопка-сырца из урожая 1935 года» нормы авансирования единоличных хозяйств были установлены на 25 % ниже норм авансирования колхозников [СЗ СССР. № 13. Ст. 98]. Закон «О сельскохозяйственном налоге на 1935 год» устанавливал, что ставки налогового обложения единоличников должны не менее чем на 25% превышать ставки обложения колхозников [СЗ СССР. № 30. Ст. 232]. Такое же соотношение было установлено и при самообложении единоличников и колхозников [СЗ СССР. № 30. Ст. 233]. Обязательные поставки, бесконечное взыскание налогов с единоличников становились нормой для властей и превращались в бесконечные штрафы, конфискации и суды. Их положение, иначе как бедственным, назвать было нельзя. Налоговые и карательные органы вели работу по искоренению единоличных крестьянских хозяйств, принуждению крестьян к вступлению в колхозы. Донесения в партийные органы пестрели фактами уклонения единоличников от налогов, неисполнения плана государственных поставок сельхозпродукции. В одном из сообщений НКВД Калмыкии говорилось: «В Улан-Хольском улусе в сельских советах Белоозерском и Северном 8 единоличных хозяйств не выполняет государственные обязательства. В Ики-Тугтуновском сельском совете Западного улуса единоличники, имея скот, не облагаются никакими налогами. В Западном улусе отмечается стремление единоличников продать имеющийся у них рабочий скот и лошадей, с целью избежать обложение налогом» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 52. Л. 41].

Между тем, крестьянин-единоличник во все времена являлся образцом умелого хозяйственника, добывавшийся личного благосостояния благодаря своему самоотверженному труду, смекалке, предпринимательской жилке. Он жил в гармонии с природой, бережно относился к своим животным, особенно к рабочим, являвшимся необходимой подмогой в ведении сложного крестьянского хозяйства. Для крестьянина-единоличника важную роль в жизни играла лошадь. С ее помощью производились исключительно все трудоемкие работы, но и зачастую работы, приносящие небольшие побочные доходы. Побочные промыслы в виде извоза и дру-

гих работ вне хозяйства становились главным источником дохода единоличного двора. До 1938 г. лошадь как объект налогового обложения учитывалась лишь при установлении сельскохозяйственного налога. При обложении сельхозналогом в 1938 г. было учтено в стране 258 тыс. (19,2 % к общему их числу) единоличных хозяйств, имевших доходы от использования рабочего скота. Весь облагаемый сельскохозяйственным налогом доход у этой категории хозяйств составлял 1089 руб., а налоговые платежи – 934 руб. (85,5 % облагаемого дохода), в том числе 339,6 руб. сельхозналог и 594,4 руб. культсбор [Вылцан 1995: 364–387, 377]. Исходя из того, что доходность единоличных хозяйств, имевших лошадь, была выше, чем у тех, которые ее не имели, 21 августа 1938 г. Верховный Совет СССР вводит особый закон «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств» [Ведомости Верховного Совета 1938]. Закон принимался, как говорится в его преамбуле, «идя навстречу пожеланиям колхозников» и это был «особый государственный налог на лошадей единоличных хозяйств», ограничивающий «чрезмерно» высокие доходы единоличников. Ставка налога за одну лошадь в зависимости от групп районов устанавливалась в сумме 275–350 и 400–500 руб. За каждую последующую лошадь ставки повышались до 450–550 и 700–800 руб. В целом по стране за три предвоенных года число плательщиков налога на лошадей, вступивших в колхозы, составляло примерно 100 тыс. Из тех, кто остался вне колхозов, большинство были престарелые. После выхода закона, в советские и партийные органы стали поступать донесения о том, что «данное постановление массового разъяснения на местах не получило» и что оно не исполняется единоличниками. Уже в октябре 1938 г. поступает докладная записка на имя председателя СНК КАССР Гаряева, что «в ряде улусов: Черноземельском (6 единоличных хозяйств), Яшалтинском (13 хозяйств) и Долбанском (8 хозяйств) налогами не облагаются» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 38. Л. 14]. Также поступали сообщения, в которых назывались имена «враждебных элементов, распространяющих провокационные слухи о призыве продавать лошадей». По сообщению наркома внутренних дел Калмыкии Озеркина: «В колхозе им. Городови-

кова Абганеровского сельсовета Западного улуса сын бывшего кулака Павленко М, распространяя слухи среди колхозников говорил, что он читал закон о государственном налоге на лошадей и там указывается, что лошади, находящиеся в индивидуальном пользовании колхозников, будут облагаться налогом в 800 руб. Далее, колхозник колхоза им. Сталина Бюдермис-Кебютковского сельсовета Западного улуса Павлов продал свою хорошую лошадь, купив больную» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 52. Л. 60]. Закон стал средством нажима на единоличников, действенным средством принуждения их к вступлению в колхозы. В октябре 1938 г. в Западном улусе только из 28 единоличных хозяйств подали заявления о вступлении в колхоз 11 единоличных хозяйств [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 52. Л. 99].

Таким образом, коллективизировав крестьянство в колхозы, власти оставили для колхозника личное подсобное хозяйство, ставшее для него одним из основных источников его существования. Но прежде, как призывали власти, необходимо выполнить государственные поставки и все общественные работы, а только потом, в свободное от работы время, можно заняться личным подсобным хозяйством. В таком почти приказном духе шло «воспитание» крестьян на собраниях и в повседневной жизни.

Майский пленум ЦК ВКП (б) 1939 г. одновременно с мерами по укреплению трудовой дисциплины в колхозах ввел для каждого работоспособного колхозника обязательный минимум выработки трудодней, что, в принципе, закрепляло принудительный труд. Впервые учет и оценка работы в трудоднях стали применяться в 1930 г. в некоторых колхозах на основе «Примерного Устава сельскохозяйственной артели», утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 апреля 1930 г. и постановлением Колхозцентра СССР от 7 июня 1930 г. «Примерный устав сельскохозяйственной артели» в 1935 г. рекомендовал колхозам производить распределение доходов в зависимости от полученных результатов труда. В 1937 г. стоимость трудодня в Калмыкии в среднем выражалась в 3 руб. 66 коп., в 1938 г. – 3 руб. 70 коп. [НА РК. Ф.Р.-68. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 98]. Нередко нерадивые руководители нарушали финансовую дисциплину, что приводи-

ло к снижению стоимости трудодня. «В Приволжском улусе, заместитель председателя УИКа Кучин самовольно распорядился и нанес необоснованный вред колхозникам, израсходовав на капиталовложения до 40% доходов колхоза, вместо разрешенных 10%. Правление колхоза «Завет Ильича» Лаганского улуса сверх сметы израсходовало на хозяйственные нужды 20 тыс. руб.» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 52. Л. 116]. Финансовые нарушения со стороны советских руководителей, председателей колхозов наблюдались и по другим улусам.

Мизерная оплата трудодня, отчуждение крестьянина от земли и его фактическое закрепощение вынудили партийное руководство ввести обязательный минимум трудодней в 1939 г. для трудоспособных колхозников, который определялся в зависимости от территориального расположения – 100, 80 и 60 трудодней в год. В Калмыкии денежная стоимость трудодня выразилась в 1939 г. – 4 руб. 16 коп., в 1940 г. – 5 руб. 67 коп. [НА РК. Ф.Р.-68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 98]. Колхозники, не выработавшие в течение года минимум трудодней, исключались из колхоза, лишались всех преимуществ, в том числе и приусадебных участков. По этим мотивам, из колхозов было исключено 5 млн колхозников, не проработавших ни одного трудодня и 1,5 млн чел., имевших мало трудодней. Сложившаяся система оплаты труда нанесла, безусловно, вред колхозному строю. Однако, повышение обязательного минимума трудодней, как представляется, стимулировало рост трудовой активности крестьянства и укрепило трудовую дисциплину в колхозах, но достигнуто это было за счет больших потерь.

Коллективизация сельского хозяйства охватила всю страну, но в завершающие годы 2 пятилетки наиболее интенсивно проходила в районах нечерноземной полосы РСФСР, в Закавказье и национальных автономиях Северного Кавказа и Сибири. В 1937 г. в стране насчитывалось 243,7 тыс. колхозов, объединявших 93 % крестьянских хозяйств. Одновременно завершался и процесс коллективизации оставшихся еще единоличных хозяйств. В 1935 г. в Калмыцкой области число колхозов составило – 149, из них 94 животноводческих, небольшое количество полеводческих – 38, рыболовецких – 13 и 3 ТОЗа [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 280. Л. 4].

К 1937 г. в КАССР было коллективизировано 46398 крестьянских хозяйств (95,5%), имелось 16 совхозов. За две пятилетки в КАССР организовано 13 совхозов и 17 МТС. Процент единоличных хозяйств в области составлял 4,5 % или 1504 единоличных хозяйства. В основном они находились в Малодербетовском улусе – 320, Приютненском – 342, Долбанском – 259, Яшалтинском – 62 [Максимов 2009: 414].

Третья пятилетка (1938–1942 гг.) предусматривала курс на дальнейшую механизацию и интенсификацию сельского хозяйства. Партия большевиков предполагала сосредоточить внимание на повышение урожайности и введения правильных севооборотов, увеличение площадей технических и кормовых культур. Индустриализация означала расширение технической базы, повышение качества сельскохозяйственных работ и сокращение сроков их проведения. По стране подъем зяби был доведен до 63 %, яровой сев – до 64 %, под озимый сев – до 78 %. Общая площадь зерновых, убранных комбайнами, составляло 30 млн га – 37% площади колосовых. К началу 1938 г. в стране насчитывалось 734 тыс. трактористов, 165 тыс. комбайнеров, 124 тыс. шоферов. В КАССР вся посевная площадь составляла 275 тыс. га земли. Накануне войны МТС увеличивали свою мощность и тем самым возмещали огромную потерю лошадей и волов. В КАССР имелось 17 МТС. На колхозных и совхозных полях республики работало 1557 тракторов, 437 комбайнов, 570 автомашин и других сельскохозяйственных машин. В Калмыкии – 108 инженеров, 40 техников, 127 механиков, 2128 трактористов, 435 комбайнеров, 35 ветеринаров, 162 зоотехника, 102 агронома [НА РК. Ф.Р.-68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 32,38].

В то же время уровень агротехники в целом по стране был неудовлетворительным. К 1939 г. севообороты имелись лишь в 12–15 % колхозов. В колхозах сложился относительный избыток рабочей силы, т.е. востребованный только для напряженных сельскохозяйственных кампаний. Власть не поощряла подсобные предприятия на селе. Сталинская модернизация требовала массу рабочих рук. На XVIII съезде 1939 г. вождь пролетариата обратился к колхозам с просьбой отпускать в промышленность не менее 1,5 млн чел. ежегодно [Колхозы во второй: 1939: 11].

В рамках упрочения и совершенствования колхозного строя принимается ряд постановлений в отношении упорядочения колхозного землепользования, изменения порядка планирования посевных площадей, перехода к новой системе заготовок. Принятое постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» в мае 1939 г. инициировало борьбу с незаконным расширением и расхищением общественных земель колхозов в пользу личного хозяйства. На самом деле лишь у 10 % колхозников размеры приусадебного хозяйства превышали нормы устава (у 12 % они оказались ниже). Борьба с нарушением Примерного устава сельскохозяйственной артели сопровождалась очередным обмером участков колхозников и привлечением к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР. Расследование по этим делам было приказано заканчивать в кратчайший срок, обеспечивая быстрейшее прохождение их в судах [СЗ СССР. 1939. № 34. Ст. 235, 236]. Постановление должно было заставить лучше трудиться в общественном хозяйстве, а на деле привело к снижению уровня жизни.

Антикрестьянские меры нашли свое отражение в двух постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О запрещении исключения колхозников из колхозов» и «О неправильном распределении доходов в колхозах» (апрель 1938 г.) [СЗ СССР. 1938. № 18. Ст. 115, 116], лицемерно осуждавшие очередные «перегибы» извращения коллективизации. Отбой, данный в этих постановлениях крупномасштабной кулацкой операции, не означал исправления ошибок. Мартовское 1940 г. постановление «Об изменении в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» отменяло прежний порядок исчисления обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции, систему контракции на основе планов посевов. Обязательные поставки стали исчисляться с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами. На самом деле государство стремилось минимизировать потери для себя от бегства сельского населения из деревни, возлагая ответственность на оставшихся людей. Был осуществлен и переход на погектарное исчисление поставок мяса, молока, шерсти и т. д.

«Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» выразились в том, что государство накануне войны изъяло свыше 80 % произведенного зерна. В 1940 г. государство возмещало колхозам лишь 35 % затрат по производству сельскохозяйственной продукции, а в качестве обязательных поставок и натуроплаты работы МТС оно присвоило 95 % товарного зерна. Практически каждая уборочная кампания превращалась в кампанию по авральному вывозу зерна из колхозных амбаров на государственные элеваторы и ссыпные пункты, где не было обеспечено хранение изъятого у колхозов хлеба. По оценкам ЦСУ СССР, в отдельные годы потери зерна при уборке и хранении, не связанные с погодными условиями или чрезвычайными обстоятельствами, составляли треть валового сбора. При этом качество зерна оставалось низким. Создавались и значительно пополнялись резервные и страховые фонды страны, после прекращения экспортных зерновых операций в середине 1930-х гг. накануне войны образовался небольшой импортный фонд. Положительным было то, что государственные запасы продовольствия, сделанные в предвоенные годы, система централизованного распределения продуктов помогла избежать массового голода в годы Великой Отечественной войны. Объемы производства зерна выросли к 1940 г. не за счет урожайности, а в результате резкого расширения распашки.

Итак, к концу 1930-х гг. в СССР сложилось укрупненное, экстенсивное, в слабой степени механизированное производство. Лишь 4,5 % колхозов по стране в 1939 г. были электрифицированы. Основную работу по обработке пашен, уборке урожая в стране проводили МТС. В Калмыкии тракторами МТС обслуживалось 144 колхоза или 94 % всех колхозов, кроме рыбацких, и 99,1 % посевных площадей колхозов [НА РК. Ф.Р.-68.Оп. 1. Д. 1 а. Л. 99]. Валовые сборы и урожайность в СССР были значительно ниже уровня 1933 г.: тогда валовый сбор зерна в амбарном исчислении составлял 76,5 млн т, а с 1 га было собрано 8,1 ц. В 1938–1940 г. в среднем за год было получено 77,9 млн т., а с 1 га – 7,7 ц. К началу 1940-х гг. среднедушевое производство сельскохозяйственной продукции по сравнению с 1928 г. оказалось меньше на 14 % [Орлов 1989: 3–15, 11–12].

Крупное обобщественное производство к концу 1930-х гг. стало практически единственной формой организации сельского хозяйства в СССР, колхозный строй полностью сложился как составная часть советского общества. Коренным образом изменилась вся повседневная жизнь многомиллионного крестьянства нашей страны, условия труда, система социальных отношений, весь мир его мыслей, настроений, привычек. Обобществление средств производства и коллективное хозяйство закрыли последние источники и каналы классового расслоения и кулацкой эксплуатации в деревне. Развитие советского сельского хозяйства в целом приобрело замедленный и консервативный характер, то есть чуждающийся новшеств, приведшее с неизбежностью к отставанию сельского хозяйства от потребностей общества, к обострению продовольственной проблемы. Застой и кризисные явления в сельском хозяйстве были неизбежным результатом созданной системы.

Завершившаяся к концу 1930-х гг. коллективизация сельского хозяйства явилась крупным, но противоречивым явлением в социально-экономической и общественно-политической жизни страны. По сути это был аграрный переворот, в результате которого были осуществлены: разгром традиционного хозяйственного уклада в деревне, уничтожение крестьянства как класса собственников, значительное сокращение количества крестьянских дворов (с 25 млн в 1928 г. до 18,5 млн в 1940 г.). Сталинская коллективизация крестьянских хозяйств по существу своему явилась извращенной формой социалистического преобразования, поскольку цели и средства создания коллективного земледелия в значительной мере оказались подмененными целями и средствами создания и функционирования командно-бюрократической системы управления обществом. Аграрный сектор превратился в составную часть директивной сталинской экономики. Благодаря созданным в годы коллективизации крупным аграрным предприятиям, МТС, государство сконцентрировало в своих руках основную часть ресурсов, техники и таким образом поставило крестьянство под свой непосредственный контроль. Была создана стабильная система перекачки ресурсов в индустриальный сектор экономики, на завершающем этапе колхозного строительства обязатель-

ные поставки зерна выросли в 2 раза. Несмотря на политические и экономические репрессии частников, на долю подсобных и единоличных хозяйств приходилось в предвоенный год лишь 13 % посевных площадей, ими было произведено 65 % картофеля, 48 % овощей и даже 12 % зерна. Они обеспечили 72 % мяса и 77 % молока, 94 % яиц. Коллективизация принесла отчуждение крестьян от собственности и результатов труда, когда они, по сути, стали государственными крепостными. Бедность была главным атрибутом крестьянской жизни в предвоенные годы. Аграрный сектор к концу десятилетия «великого перелома» далеко не соответствовал потребностям модернизированной страны «победившего социализма». Кардинальное изменение форм хозяйствования, проведенное техническое перевооружение сельского хозяйства, возросший уровень механизации в отрасли не смогли существенно переменить ситуацию в сельском хозяйстве и качественно изменить жизнь сельчан, в предвоенные годы еще составлявших большую часть населения страны. С такими «успехами» аграрного сектора не могло быть и речи о том, чтобы досыта накормить страну, обеспечить все ее население достаточным количеством продуктов питания.

§ 2. Репрессии в Калмыкии: причины, масштабы, последствия (1937–1938 гг.)

1937–1938 гг. абсолютно справедливо воспринимаются в российском и постсоветском обществе как пик массовых политических репрессий, несравнимые ни по своим масштабам, ни по жестокости осуществления репрессий с другими массовыми репрессиями, которое переживало советское общество в годы Гражданской войны, коллективизации, ликвидации кулачества. Этот период, приведший к огромным неоправданным жертвам и глобальным трагическим последствиям, по праву называют Большим террором. Подобные кровавые страницы в отечественной истории были и до, и после рассматриваемого периода. Но в советской истории Большой террор выделяется особо, характеризуется громадным количеством репрессированных, большим охватом социальных групп, ставших жертвами политических репрессий.

Целью данного параграфа является выявление причин и масштабов массовых политических репрессий в Калмыкии в 1937–1938 гг., раскрытие их пагубного влияния на социально-экономическое развитие региона. Учитывая всю сложность поставленной задачи и скромную ограниченность формата исследования, рассмотрим наиболее значимые акции репрессий в Калмыкии, их последствия, трагические перипетии людских судеб в период Большого террора.

Российская коммунистическая партия большевиков под руководством Сталина, перед тем как начать невиданные ранее массовые политические репрессии, провела «генеральные» чистки (всего пять) в своих рядах. Только в последней перед Большим террором партийной чистке в 1934–1935 гг. практически каждый пятый коммунист из общего числа членов РКП (б) был исключен из ее рядов [История Коммунистической партии 1971: 283]. Из Калмыцкой партийной организации за годы партийных чисток в 1921–1936 гг. были исключены, по данным проф. К. Максимова, 2049 коммунистов, значительная часть которых подверглась различного рода репрессиям [Максимов 2004: 144]. Причин, подлинных или мнимых для исключения из рядов партии, находилось

множество: непролетарское происхождение, религиозные убеждения, пассивность, отнесение к враждебным контрреволюционным и чуждым элементам, обвинение в местничестве (в Калмыкии – улусизме и родовизме), слабый пролетарский кругозор, склонность к созданию частной собственности, правый уклон, вредительство, участие в белой армии, служба в охранке, полиции, сдача позиций врагам в деревне, халатное отношение к работе и т. д. Забегая вперед, скажем, что большинство из названных «причин» стали основанием не только для исключения из партии, но и для привлечения к уголовной ответственности, особенно в годы Большого террора, не только партийцев, но и рядовых граждан. В конечном итоге, генеральные чистки партийных рядов привели к превращению большевистской партии в монопольную партийно-государственную организацию, в послушное и действенное орудие в руках Сталина и его приспешников, к установлению командно-административной системы управления, тоталитарного режима в стране. Но и этих кардинальных мер показалось мало сталинскому режиму, решившему вслед за партийной чисткой беспощадно «зачистить» и все общество, подозревая часть своих граждан в нелояльности советской власти. Подготовка к массовым политическим репрессиям в советском государстве, Большому террору началась примерно с осени 1936 г., когда карательные органы получили пока что негласную установку на применение еще более жестких мер по отношению к «классовому врагу». Официально же об этом было объявлено на Пленуме ЦК ВКП (б), прошедшем в Москве с 23 февраля по 5 марта 1937 г., на котором с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин. Пленум заявил об обострении классовой борьбы внутри страны и декретировал тотальную борьбу с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок», наметил ускоренное продолжение чистки партийной, военной и административной элиты, запланировал разработку массовых репрессивных операций против «социальной базы» потенциальных агрессоров – кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т. п. Главными врагами советского государства были официально объявлены троцкисты, с которыми «вождь всех

народов» призвал применять... «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома» [Сталин Т. 14. 1997: 166]. Безусловно, это была чётко сформулированная команда органам НКВД – оперативное уничтожение всех «врагов народа» [Лубянка 2004: 112].

Поставленная И. В. Сталиным задача дала новый старт многомесячному периоду массовых репрессий правящего режима против собственного народа. Практическим началом эпохи так называемого Большого террора можно считать Приказ № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», подписанный Народным комиссаром внутренних дел СССР Н. И. Ежовым. Данный приказ неукоснительно обязывал органы НКВД немедленно с 5 августа 1937 г. «во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников» и завершить ее в четырехмесячный срок. Расследование уголовных дел предписывалось проводить в упрощенном виде и в ускоренный срок. Алгоритм действий сотрудников НКВД определялся в самом приказе, устанавливающим лимиты репрессий в зависимости от их «враждебности»: по первой категории – наиболее агрессивные настроенные к советской власти (47 500 человек) и по второй категории – «все остальные менее активные, но все же, враждебные элементы» (128 200) в республиках, краях, областях, в том числе для Калмыцкой АССР: к расстрелу – 100 человек, осуждению от 8 до 10 лет – 300. Позже Политбюро ЦК ВКП (б) увеличило лимиты по стране (по первой категории на 37 500 человек, второй – на 19 500), продлило сроки операции по репрессированию до 15 марта – 1 апреля 1938 г., т.е. с четырех до восьми месяцев. Но в эти общие лимиты не входили «национальные контрреволюционные контингенты», т.е. обвиненные в «буржуазном национализме» [Максимов 2004: 148–149].

Идеологическое обоснование массовых политических репрессий, широкий показ значимости работы карательных органов должны были обеспечить редакции печатных изданий, писательские, художественные и культурно-массовые организации.

Эта работа держалась под пристальным вниманием партийных органов, активно боровшихся за чистоту и «правильность» освещения проводимых мероприятий, недопущение идеологических просчетов и ошибок. Так, например, Калмыцкий обком партии на одном из заседаний бюро 1 августа 1937 г. рассмотрел вопрос «О контрреволюционных искажениях в газете «Ленинский путь» от 26 июля 1937 г. Имевшиеся в указанном номере печатного издания типографские опечатки, сдача номера без визы ЛИТО и т. п. воспринимались как «открытая вылазка классового врага», результат «засорения типографии классово-чуждыми, неблагонадежными элементами». Заведующему Калмиздатом Бадмаеву Д., директору типографии Старцеву, зав. ЛИТО Коваевой Н., редактору газеты Мацакову И. были объявлены выговора и поставлено на вид. Наборщик Мальчуженко, допустивший опечатку, по сообщению на заседании бюро начальника НКВД Озеркина, арестован и привлечен к ответственности [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3.Д. 30. Л. 111].

На страницах периодической печати героями публикаций постепенно становился, одновременно с передовыми рабочими и крестьянами, честными коммунистами, работником народной милиции, самоотверженно боровшийся с хитрым, двуличным, коварным шпионом, вредителем, диверсантом, которого призывал «громить» и «выкорчёвывать» И. В. Сталин в марте 1937 года. «Враги народа» появлялись сотнями тысяч, неожиданно и их разоблачение, осуждение проходило на фоне нарастающего массового политического психоза, истерии и народного негодования, умело подогревавшихся и направлявшихся в нужное русло партийными органами всех уровней. На пленумах и заседаниях ЦК партии, республиканских, областных, районных, первичных партийных организаций, профсоюзных, комсомольских, творческих и производственных собраниях советские люди гневно клеймили антисоветские, чуждые им элементы, требовали для них «сурового и справедливого» наказания.

Пленум Калмыцкого обкома ВКП (б), состоявшийся 27–31 марта, с одобрением воспринял решения февральско–мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП (б), а также отметил активную деятельность Центрального комитета большевистской партии и органов

НКВД «по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и зиновьевцев – наемников фашизма». Пленум определил задачи областной партийной организации в отношении дальнейших репрессий, «по окончательному разоблачению и изгнанию из советских партийных организаций... остатков притаившихся, маскирующихся троцкистов и правых вредителей, наемных агентов фашизма, буржуазно-националистических элементов». В докладе первого секретаря обкома партии И. Н. Карпова прямо отмечалось, что в республике все еще имеются неразоблаченные троцкисты и иные враги народа. Хотя уже в первые три месяца 1937 г. в Калмыкии были «разоблачены» директор рыббазфака Н. Б. Закостынов, директор Калмыцкого педагогического техникума В. Ф. Жигадло, директор курорта «Тинаки» Леднев, заместитель директора рыбзавода «Улан Хальмг» Кузин, председатель главсуда И. И. Ользеев, директор совхоза «Ревдольган» С. Шапкаев, директор Башантинского агротехникума Шукер и др. [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 45. Л. 12, 21, 24]. Были исключены из партии и арестованы нарком местной промышленности Э.-А. К. Кекеев, управделами Совнаркома КАССР Э.Х. Отхонов, обвиненные в связях с троцкистами и «чуждыми элементами», секретарю Сарпинского укома РКП (б) И.С. Сергееву предъявлялось обвинение «за связи с буржуазным националистом, контрреволюционером, троцкистом А. Чапчаевым [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 376. Л. 153–155, 163; Оп. 3. Д. 12. Л. 34–37].

Одновременно, с подачи органов НКВД, уже на пленуме стали выстраиваться незаслуженные обвинения в адрес первых лиц республики – председателя Совнаркома А. П. Пюрбеева, председателя Калмыцкого ЦИКа В. А. Хомутникова. Нарком просвещения Д. П. Педеров подвергся жесткой критике за связь с троцкистом В. Жигадло, которого назначил директором педтехникума, за выдвижение Лобачева директором Лаганской школы, оказавшегося троцкистом. В свое оправдание руководитель образования республики говорил о том, что в кадровой политике не «проявил достаточной бдительности», «передоверился» своим работникам [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 216]. Резко критиковалась

работа секретаря горкома партии Овчинникова, не заметившего «гнилого либерализма» партийных руководителей Отхонова и Букаева. Хотя Э. Отхонов еще до пленума обкома партии решением 2 сессии Калмыцкого ЦИКа был выведен из его состава [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 10 с. Д. 178. Л. 11]. Первый секретарь обкома ВЛКСМ И. Т. Ванькаев, подвергшийся критике на этом же пленуме, уже через несколько месяцев решением бюро обкома партии от 1 августа 1937 г. «за потерю революционно-классовой бдительности, за проявление гнилого либерализма к врагам народа – троцкистским и иным двурушникам, а также буржуазным националистам» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 30. Л. 5] был снят с работы, а затем арестован.

Следует отметить, что проведение репрессий по всей стране осуществлялось, в первую очередь, силами сотрудников НКВД на местах. Хозяйственные и партийные органы не могли противостоять органам внутренних дел, позволив им в течение всего периода массовых репрессий играть главную роль в регионах. Именно работники НКВД определяли степень и вину партийных руководителей в допущенных так называемых «грубейших политических ошибках»: руководящих улусных (районных) партийных работников Нормаева и Церенова, управделами СНК КАССР Отхонова, управделами Калмыцкого государственного рыболовецкого треста Гаряева, директора зерносовхоза Либликмана. В качестве типичных примеров приведем сведения из архивных материалов того времени. По мнению следователей, троцкист Вербо в совхозе «Тангчин-Зянг» сознательно срывал стахановское движение, запутывал финансовую отчетность, «читал троцкистскую литературу». Якобы троцкист Полозов продолжительное время в Лаганском рыбоконсервном комбинате искусственно задерживал строительство комбината, создавал текучесть рабочей силы. По материалам НКВД, он был исключен из партии и освобожден от занимаемой должности с формулировкой «троцкист, двурушник». По обвинению в «диверсионной деятельности на Лаганском рыбоконсервном комбинате» Полозов в дальнейшем был привлечен к уголовной ответственности [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 45. Л. 11].

От работников НКВД в адрес республиканских партийных органов постоянно шли сигналы об «антисоветских» выступле-

ниях рабочих и крестьян, «о дискредитации» ими стахановского движения. Вот лишь выдержка из одного только документа того времени, направленного Секретарю обкома ВКП (б) т. Карпову и Председателю СНК КАССР т. Пюрбееву начальником управления НКВД КАССР Тимофеевым: «В Горкомунхозе маляр Масленников Павел открыто выступал против методов стахановской работы, дискредитируя стахановское движение и советскую власть. Масленников сын бывшего писаря волостного правления. Отец расстрелян красными за предательство. Масленников арестован. Виновным себя признал. В колхозе «Каспиец» кулак Ткачев выступил против стахановского движения и разлагает дисциплину ловцов. Ткачев привлекается к ответственности» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 50. Л. 41].

Экономические преступления также были в поле зрения органов НКВД, но наказания по ним на порядок ужесточались, согласно циркулярному письму Прокурора СССР А. Вышинского в январе 1937 г. Следователи НКВД гребли под одну гребенку все преступления и незначительные проступки хозяйственных, партийных руководителей, простых тружеников, служащих, не удосужившись в полной мере выяснить размер ущерба, объективные обстоятельства, приведшие к негативному развитию событий, степень вины в этом того или иного привлекаемого гражданина. Одно дело, когда преследованию подвергались жулики, мошенники, расхитители, как тогда говорили, социалистической собственности. Другое дело, когда, не сумев по-хозяйски организовать производство на заводах и фабриках, колхозах и совхозах, власти пытались найти виновных лиц, навешивая им все, действительные и ложные, недостатки и упущения в работе. В Калмыкии, председатели колхозов Э. Болдырев, Б. Нусхинов, П. Онуфриенко, директора совхозов Л. Басангов, Д. Акименко, У. Ильязинов, секретари партийных организаций и начальники политотделов Б. Эрдниев, С. Иванов, Г. Дораев, Д. Колаев и ряд других партийно-хозяйственных работников низового уровня были обвинены и осуждены за падеж скота, гибель посевов, неурожай, некачественный ремонт техники и другие недочеты в работе. Но чисто хозяйственным делам почти всегда придавался политический подтекст.

Практически в обязательном порядке к экономическим обвинениям добавлялись обвинения в буржуазном национализме, троцкизме, сплачивании с кулачеством, вредительстве, экономическом саботаже, неверие в социалистический строй и т. п. «Обладание» такими политическими «признаками» являлось, по мнению карательных и судебных органов, основой всех прегрешений в хозяйственной деятельности. Ярлык «троцкиста», «из бывших» и др., бесосновательное и бездоказательное пристегивание обвиняемых к антисоветским организациям являлись немаловажным фактором для вынесения им более суровых судебных приговоров. По Калмыкии в годы Большого террора наблюдался заметный рост следственных преследований по экономическим и хозяйственным преступлениям. Решения судебных органов по таким делам ошеломляли суровостью наказаний. Только за один 1937 г., по сообщению прокурора КАССР Хонхошева, «привлечено 69 чел., из них по делам о вредительстве: в животноводстве – 32 человека и в полеводстве – 37 человек», «приговорены по делу о вредительстве в животноводстве из 9 чел. 6 чел. к расстрелу, 1 чел к 20 годам и 1 чел. к 15 годам лишения свободы», «по делам о вредительстве в деле хранения зерна и заражения его клещом осуждены бывшие работники Башантинского Заготзерно – к расстрелу 4 чел., 1 чел. к 10 годам лишения свободы и по делу о вредительстве в колхозе «Интернационал» – к расстрелу 3 чел. и к принудительным работам – 2 чел.». Кроме этого, как далее следует из прокурорской информации, «Прокуратурой республики вскрыто контрреволюционное вредительство на Лаганском рыбокомбинате. По этому делу привлечено 4 человека по ст. 58-7, 11 УК. Дело передано в Спецколлегию» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 49. Л. 114].

Неумная деятельность органов НКВД, действовавших в унисон с партийными организациями, охватывала и борьбу с религией, хотя к периоду Большого террора религиозные организации в республике в результате гонений на духовенство, уничтожения монастырей и хурулов, принудительного вытравливания из умов людей культового сознания практически прекратили свое существование. НКВД считал, что буддийское духовенство, православие, религиозные настроения в обществе тлетворно влияют на

«хозполитразвитие» КАССР, мешают строительству социализма. Правоохранительными структурами постоянно направлялись в Совнарком республик информационные сообщения общего и оперативного содержания, в одном из них, в частности, говорится: «В Лаганском улусе, Ики-Багутовском хуруле группа гелюнгов в количестве 11 человек Ики-Багутовского хурула проводят среди населения антисоветскую деятельность и контрреволюционную агитацию против советской власти и колхозов, говоря, что колхозы вредная организация для буддийской веры, отвлекая население от работы в колхозах. Так же проводило молебен «Сякусн» о поражении советской власти в будущей войне. Группировка охватывала 5 хурулов Лаганского улуса. Одновременно сеяли среди населения провокационные слухи о скором падении советской власти. Арестовано 11 гелюнгов» [Бадмаева 2012: 133].

В этой же информации сообщается об аресте священнослужителей Хапчинского и Хамхутинского хурулов того же улуса, которые «распространяют слухи о скорой гибели советской власти, голоде, гибели населения, скота», приводятся их имена, религиозное положение и социальное происхождение: «Эрдни Гаряев Намру-зурхач, Теляев Зодба Теляевич-бакша, Утнасунов Дорджи (гелюнг зурхач) (бывший старший бакша), Балкуев Убуш-гелюнг-зурхач, Гаряев Надбит Долда-гелюнг зурхач, Мучаев Носта-гелюнг, Явашкеев Эрдни-гелюнг, Абдурлуев Сангаджи-гелюнг, Домбаев Лиджи-гелюнг, Улюмджиев Нюрюп (бывший старший бакша над пятью хурулами Долбанского и Лаганского улусов), Чудяев Манджи (бывший служитель религиозного культа в 1935 г.) исключен из родов ВКП (б), Терзалиев Амзя (бывший служитель религиозного культа в 1935 г.) исключен из родов ВКП (б), Чумудов Сангаджи Дульгаевич 1912 г.р., сын кулака Цекертинского сельского совета Долбанского улуса, бывший член ВКП (б) с 1932 по 1935 г., Анджуров Анка Барангович, 1912 г.р., сын кулака, белогвардейца, бывшего доверенного рыбопромышленника Джильгитинского и Лаганского улусов, бывший член ВКП(б) с 1930 по 1935 г., исключен за сокрытие социального происхождения, Гаряев Манджи Сарангович, 1913 г.р. из Цекертинского сельского совета Долбанского улуса, бывший гелюнг, бывший член ВКП (б) с 1933 по 1935 г.

исключен за скрывание службы гелюнгом, судим по ст. 111 к 1 году ИТР» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 50. Л. 59].

Перечисление подобных фактов можно продолжать бесконечно. «Враги народа» активно выявлялись, во многих случаях по надуманным обвинениям и в массовом порядке арестовывались, члены их семей высылались в окраинные районы страны, НКВД разоблачал одну за другой «антисоветскую», «фашистскую», «террористическую» организацию. «Тройки» были главной составляющей массовых политических репрессий в 1937–1938 годах. Они рассматривали дела заочно, в ускоренном порядке, одновременно занимаясь десятками, сотнями дел, по которым могли проходить тысячи заранее обречённых на беззаконие человек. Уже к концу мая 1937 г. (с 26 января по 27 мая) по республике спешно были исключены из рядов партии 186 коммунистов, из них с формулировкой «буржуазные националисты» 73 человека. Большинство из них впоследствии необоснованно обвинялись в том, что якобы являлись активными участниками различного рода контрреволюционных, повстанческо-диверсионных и террористических организаций, занимавшихся подготовкой в Калмыцкой АССР вооружённого восстания против Советской власти. Все они, безусловно, понесли суровые наказания, вплоть до расстрела [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 3. Д. 47. Л. 22; 156, Оп. 1. Д. 373. Л. 73-74; Д. 76. Л. 71]. Параллельно с валом разоблачений, арестов и осуждений «врагов народа», страну в 1937–1938 гг. накрыла волна преследований членов их семей. В отношении жён и детей «осуждённых изменников родины» были приняты почти такие же жестокие меры, что и к их мужьям и отцам. 15 августа 1937 г. был издан чудовищный приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины» [Мемориал 1993].

В Калмыкии очередной жертвой «разоблаченного врага народа» стала, якобы совершившая преступные деяния против существующего режима, начальник Главлита, супруга арестованного председателя правительства А. Пюрбеева – Н. Х. Коваева. Она была освобождена от занимаемой должности, исключена из партии, арестована «как буржуазная националистка... дочь крупнейшего кулака... сознательно выпускающая переводную литературу

с грубейшими извращениями основ марксизма-ленинизма, не принимающая никаких мер к запрещению антисоветской литературы» и выслана в лагерь без права переписки [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 376. Л. 244-247; Оп. 3. Д. 45. Л. 200].

Приказы НКВД СССР № 00447 и № 00486 и подобные страшные документы, вышедшие в период Большого террора и приводимые в исполнение, породили в советском обществе атмосферу животного страха, абсолютной безысходности, доносительства, клеветы и шпиономании. По всей стране шел поиск «врагов народа», «шпионов иностранной разведки», «буржуазно-националистических деятелей». Соответствующие органы выявляли в результате доноса или собственных разработок определенные, мнимые или действительные, «изъяны» в биографии того или иного руководителя, простого гражданина, причисляли их к «неблагонадежным», «опасным» для общества. Людей арестовывали по любому поводу и без него. Тем же, кто работал или общался с «выявленными» врагами, приходилось обеляться на собраниях, писать повинные и оправдательные письма в партийные органы и структуры НКВД. Член ВКП (б) Санджиев в своем заявлении в обком партии упорно «открещивается» от знакомства с «троцкистами» Закостыновым и Беглеевым, уверяя, что они после ареста «ни разу у меня на квартире не были», «никогда Беглеев у меня не ночевал» и т. д. [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 209]. Во многих случаях такие «оправдания» не принимались во внимание, если «подозреваемый» попадал в поле зрения карательных органов, то он допрашивался с пристрастием, «раскручивался» по полной катушке. Не мог скрыться он и в других регионах, так как в стране были установлены строгие паспортные ограничения. Партийные и государственные руководители, чувствовавшие угрозу ареста в Калмыкии, обращались в ЦК ВКП (б), Совнаркомы СССР и РСФСР с просьбой о направлении на учебу в Москву и иные города, переводились на работу в другие регионы. Однако, «калмыцкий след» в виде запросов, доносов и других компрометирующих документов «проявлялся», в частности, в партийных организациях тех регионов, куда были направлены для работы бывшие руководители республики,

такие, как А. Чапчаев, Х. Джалыков: по материалам, присланным из Калмыкии, они были арестованы и расстреляны.

Практика направления «компромата» на партийно-государственных, милицейских и иных руководителей в другие региональные партийные организации существовала не только в Калмыцком обкоме партии. Костромской ГК ВКП (б) направил на имя Калмобкома сообщение о деятельности Озеркина в Костромской городской парторганизации. Направляя такое сообщение, Костромской ГК ВКП (б), думается, сыграл на актуальность и оперативность, ведь именно в это время в стране началась чистка в органах НКВД. Данная информация была заслушана на состоявшемся 17 января 1939 года бюро Калмобкома. Начальник НКВД Калмыкии П. Г. Озеркин обвинялся «по прошлым грешкам»: в том, что во время работы в Костроме им не были разоблачены члены бюро ГК, оказавшиеся врагами народа, в засоренности Костромского аппарата НКВД, массовом исключении из партии при проверке партийных документов, связях с Мавтян–Ивановой, оказавшейся чуждым-подозрительным элементом. По словам выступившего на заседании бюро обкома Председателя Совнаркома Калмыцкой АССР Н. Гаряева «...из 11 членов бюро Костромского горкома партии 9 оказались врагами народа». На заседании чувствовалась направляющая рука первого секретаря обкома Карпова, умевшего держать нос по ветру, который ради собственной карьеры был готов пожертвовать карьерой своего давнего соратника, выступавшего его правой рукой при принятии решений об исключении коммунистов из партии. Бюро Калмыцкого обкома вывело П. Озеркина из своего состава после согласования с Москвой, а затем Президиум Верховного Совета КАССР освободил его от занимаемой должности наркома внутренних дел республики [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 169; 161, Оп. 2. Д. 22. Л. 6–7]. Надо сказать, что этому карательных дел мастеру еще повезло: он не был арестован, отправлен в тюремные лагеря или расстрелян. Кровавый чекист с многолетним стажем, с большевистским рвением трудившийся на ниве «посажек» в тюрьмы тысяч и тысяч, во многом неповинных людей в Калмыкии и Костроме, наверное, с облегчением вздохнул, что на дворе не 1937 г. и что карающий меч возмездия к счастью обошел его стороной.

Между тем, только в сентябре-октябре 1937 г. в Калмыкии были «разоблачены» и исключены из партии 98 руководителей различных рангов республиканских, улусных партийных, советских, хозяйственных органов, известные писатели, талантливые учителя и другие. Их разного рода «грехи» обсуждались на партийных и производственных собраниях, партийных пленумах, заседаниях бюро райкомов и областного комитета партии. На них разгорались нешуточные страсти, звучали критика и обвинения, чаще всего необоснованные, в адрес тех, кто уже заранее был «намечен» для шельмования. В ход пускалось все: изъяны в биографии, откровенная клевета, наветы и т. п. Споры переходили в плоскость бурных выяснений отношений враждующих группировок, отдельных личностей с навешиванием всевозможных ярлыков. И война между ними шла в буквальном смысле не на жизнь, а на смерть, где победитель, как говорится, получал все, а проигравший – ничего. Заказчиками, дирижерами таких хорошо поставленных политических спектаклей являлись обычно первые секретари партийных комитетов, выступавшие зачастую в связке с начальником регионального НКВД. Идеологические «проработки» на партийных мероприятиях, конфликты между однопартийцами, чаще всего внутри руководства республики, стали постоянным фактором в работе Калмыцкой областной партийной организации в 1930-е годы. В основе имевшихся конфликтов, в частности, в руководстве Калмыкии, лежала не фракционная, даже не навязанная «сверху» борьба сталинского и троцкистского линий в партии, тем более не борьба противоборствующих идей, так как практически все руководители были ярыми приверженцами коммунистической идеи. Скорее всего, конфликты на разных уровнях власти являлись проявлением межгрупповых и межличностных интересов, а способом удержаться у власти было активное, порой агрессивное нападение и шельмование конкурентов или отдельного конкурента. Обвиняемые яростно защищались, ведь им было понятно, что их ждало впереди в случае поражения в недалеком будущем – изгнание из партии, в лучшем случае забвение, арест, тюрьма или расстрел. Людьюми двигало, безусловно, желание остаться в номенклатурной обойме, дававшей им определенные привилегии, почет

и уважение в обществе, но в первую очередь – элементарное чувство самосохранения, вполне естественное всем людям.

В годы Большого террора особое место занимают так называемые массовые террористические операции по национальному признаку. Национальные республики с первых лет советской власти были всегда под пристальным вниманием центральных властей, органов НКВД и ОГПУ. Для усиления руководства «отсталыми» национальными регионами, в порядке оказания им практической помощи, а по существу надзора над партийно-государственными деятелями из числа коренной национальности, из Центра направлялись тысячи партийных и хозяйственных руководителей. Многие из них действительно оказывали необходимую и полезную помощь, но некоторые из присланных сверху кадров вели себя пренебрежительно по отношению к местным работникам, сеяли среди них раздор, занимались доносом в вышестоящие органы. Все это вкупе с непростыми межличностными отношениями среди самих националов создавали напряженную атмосферу в партийных и государственных органах, в производственных коллективах. ЦК ВКП (б) постоянно получал из мест «необходимые сведения» о работе и личной жизни руководства национальных регионов, порой опираясь на непроверенную информацию «стукачей», зачастую не разобравшись по сути, решал судьбу того или иного представителя национального региона. Конечно, не последнюю роль «в съедание» руководящих кадров на местах играло то, что многим представителям руководящего состава были свойственны такие низменные чувства, как зависть, месть, угодничество, доноительство. И во многих случаях «проработка» на партийных пленумах благодаря «товарищам» по партии, не оставлявшим без внимания своего недруга и за пределами региона, заканчивалась освобождением от занимаемой должности либо попаданием за тюремную решетку или расстрелом. Показательны в этом плане трагические судьбы видных государственных и политических деятелей Калмыкии – А. Амур-Санана, А. Чапчаева, А. Пюрбеева и др., полная драматизма история преследования партийно-государственного и военного деятеля – В. Хомутникова. Все они, как известно, стали прямыми жертвами политических репрессий 1930-х гг.

Антон Мудренович Амур-Санан после революционного переворота 1917 г. стоял у истоков автономии калмыцкого народа, работал постоянным представителем Калмыкии в Москве, внес значительный вклад в налаживание всесторонних связей степной республики с Центром, регионами страны. В годы голодного бедствия 1921 г. он являлся членом Областной комиссии помощи голодающим, вместе с О. Насуновым, Д. Бадушевым, Е. Сайковым и др. земляками в Москве активно участвовал в организации гуманитарной помощи бедствующему населению Калмыкии, в том числе международную, что, безусловно, говорит о его незаурядных деловых и нравственных качествах [Бадмаева 2006: 61]. Его преследование по политическим мотивам началось с письма сценариста «Восток-кино» Т. Н. Колина в ЦКК ВКП (б) еще задолго до 1937 г. По полученной из Саратова информации на Амур-Санана, указанный партийный орган в сентябре 1931 г. направляет запрос в Калмыцкий обком партии. В ответе на запрос ЦКК ВКП (б), ответственный секретарь Калмобкома партии Х. М. Джалыков дает уничижительную характеристику Амур-Санану, в частности, бесосновательно называет его одним из главных виновников межнационального раздора и территориального раздела в Калмыкии в двадцатые годы: «После организации автономии и созыва I общекалмыцкого съезда в июле 1920 г., между калмыцкими руководящими работниками и руководящими работниками русского населения, входившими в КАО (особенно Ремонентский район) национальная группировка и борьба. В этой группировке Амур-Санан явился руководителем калмыцкой части работников и в результате этой борьбы Ремонентский район был вынужден выделиться из состава КАО» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 2. Д. 22.Л. 7].

В своем письме действующий на то время главный партийный лидер Калмыкии нелестно отзывается обо всей многогранной общественной и государственной деятельности Амур-Санана в годы установления Советской власти в республике и в послереволюционные годы, в духе того времени называет его «ярким националистом, врагом Калмыкии и авантюристом», который «должен быть немедленно исключен из партии с преданием суду» [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 377.Л. 11].

После получения ответа Х. М. Джалькова на запрос высшего контрольного органа партии, «дело» Амур-Санана не закончилось. ЦКК ВКП (б) запрашивает и получает объяснения от другого крупного партийного и государственного деятеля Калмыкии – А. Ч. Чапчаева. На основании их объяснений, в особенности письма Калмыцкого обкома партии в ЦК ВКП (б) от 31 августа 1937 г. с обвинением в связях с контрреволюционными элементами и предложением исключить «из рядов партии буржуазного националиста Амур-Санана», Амур-Санану инкриминируется «буржуазный национализм», «организация и борьба группировок» в Калмыцкой области. Такие грозные обвинения в условиях того времени не могли закончиться не иначе, как его арестом и расстрелом в 1939 г.

Трагична сложилась в годы Большого террора и судьба А. Ч. Чапчаева, в разные годы работавшего в Калмыкии на руководящих советских и партийных должностях, хотя преследование его по политическим мотивам также началось гораздо раньше 1937 г. В феврале 1934 г. уже будучи слушателем Института красной профессуры, он дает объяснения в ЦКК ВКП (б) по поводу своих писем А. Амур-Санану из Монголии осенью 1926 г., в которых он якобы отрицает возможность построения социализма в Калмыкии, призывает к восстановлению старокалмыцкой письменности, созданию в Калмыкии партии, подобной Монгольской народно-революционной партии. В своих объяснениях А. Чапчаев «сознается» в наличии антипартийных группировок в области, называет ее участников – С. Н. Башкаева, Ю. С. Эренценова, А. М. Амур-Санана. Он «раскаивается в своих ошибках», допущенных ввиду политической незрелости, недостаточного понимания теории марксизма-ленинизма, незнания конкретных исторических условий, в которых шло его формирование, «далеко не способствовавшие моему быстрому и безболезненному идеологическому росту как коммунисту», просит ЦК ВКП (б) не исключать его из ее рядов. А. Чапчаев внутренне понимает, что изгнание из партии означает конец его карьеры, но, конечно, до наступления времени Большого террора он еще не мог представить к какому трагическому исходу в плане жизни и смерти эти

«ошибки» могут привести в дальнейшем [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 61–66].

Следующим негативным «штрихом» к «антипартийному портрету» А. Чапчаева, по мнению его недругов, явилось выступление на XI областном съезде Советов в 1934 г. А. Чапчаев, как истинный коммунист, указал на удручающий спад сельскохозяйственного производства в Западном улусе и на его причины. Партийно-государственному руководству Калмоласти (А. П. Пюрбееву и В. А. Хомутникову) не понравилась критика со стороны недавно назначенного на должность начальника политотдела Союзскотководтреста Калмыкии А. Чапчаева. Уже 20 декабря в решении бюро Калмыцкого обкома ему инкриминируют «отход на позиции правоопортунизма, клевету на партию и советскую власть, выражающую интересы классово-враждебных элементов» и принимают решение: «За антипартийное и контрреволюционное выступление А. Чапчаева и за непризнание своих ошибок снять с работы и исключить из рядов ВКП (б) и просить ЦК ВКП (б) и крайком партии утвердить это решение» [НА РК.Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 376. Л. 159].

Однако ЦК ВКП (б) не утвердил решение бюро Калмыцкого обкома партии. Видимо, вышестоящий орган партии учел большие заслуги А. Чапчаева в создании автономии калмыцкого народа, областной партийной организации, а также «исключительные заслуги перед Советской Республикой» в выполнении секретной миссии в Тибете по заданию НКВД РСФСР и спецслужб, по результатам которой он был награжден в 1928 г. орденом Красного Знамени. Возможно, его спасло то обстоятельство, что в это время жестокий маховик репрессий Большого террора только-только начинал раскручиваться в полную силу.

«Строгая кара перед страной», которую требовал для А. Чапчаева, переведенного работать управляющим трестом совхозов в Хабаровском крае, его калмыцкий однопартиец В. Хомутников в письме от 20 августа 1936 г. и вытасченное из загашников письмо секретаря Калмыцкого обкома партии Х. Джалыкова от 21 сентября 1931 г. на запрос ЦК ВКП (б), другие известные и неизвестные ныне доносы и письма в Москву, в крайком партии, сыграли свою

роль, – в марте 1937 г. Араши Чапчаевич Чапчаев был расстрелян [НА РК.Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 51].

С настойчивой последовательностью проводилось преследование председателя Совнаркома КАССР А. П. Пюрбеева, который бы избран на эту должность 2 ноября 1936 г. (ранее работал 1 секретарем Калмыцкого областного комитета партии). Первым сигналом к началу гонений явилась прозвучавшая в его адрес критика на пресловутом пленуме Калмыцкого обкома ВКП (б), состоявшемся 27–31 марта 1937 г. Далее, установка на критику работы А. Пюрбеева была спущена в нижестоящие улусные комитеты партии. И как по команде с «разоблачениями» Председателя Совнаркома республики выступили актив Элистинской городской парторганизации, Лаганский, Черноземельский, Западный улускомы ВКП (б). Он обвинялся в культивировании семейственности, чиновничества, зажиме самокритики, в признаках зазнайства и вождизма, неудовлетворительном руководстве наркоматами и ведомствами, падеже скота, непринятии мер для борьбы с распространением бруцеллеза скота и т. д. Его недавние соратники навешали ему ярлык «предателя интересов калмыцкого народа», якобы в Правительстве, возглавляемом и сформированном им, оказались «буржуазные националисты», «враги народа», «троцкисты» и т. п. На заседании бюро обкома партии началась настоящая травля Председателя Совнаркома Калмыцкой АССР, тон которой задал нарком внутренних дел республики П. Озеркин. Первый секретарь Калмыцкого обкома партии И. Карпов и выступившие в унисон с ним все члены бюро обкома требовали освободить А. Пюрбеева с занимаемой должности. И они добились своего – на пленуме областного комитета партии он был снят с высокого поста в исполнительной власти республики и исключен из партии. 17 сентября 1937 г. Президиум ЦИК Калмыцкой АССР в письме на имя Председателя ЦИК СССР Калинина «просит вывести из состава членов ЦИК СССР Пюрбеева Анджура Пюрбеевича за прямую связь и защиту буржуазных националистов, покровительство троцкистских элементов, допущение антимарксистских, антиленинских формулировок, извращение вопросов ленинизма в брошюрах, развал работы Совнаркома и вредительские директивы, заражения

животноводства республики бруцеллезом, политическое разложение молодежи» [НА РК.Ф. Р.-3.Оп. 10 с. Д. 177. Л. 13]. И нижайшая просьба республиканских властей была удовлетворена, А. П. Пюрбеев был арестован и 16 января 1938 г. в тюремных застенках в самом расцвете сил трагически оборвалась жизнь одного из самых образованных и перспективных руководителей довоенной Калмыкии

Не миновала карающая рука НКВД и «дружеское внимание» калмыцких однопартийцев другого активного участника государственного и партийного строительства в Калмыкии – Хохоло Джалыковича Джалыкова, работавшего с января 1936 г. на Дальнем Востоке в должности председателя Северо-Приморского государственного рыбтреста. 19 ноября 1937 г. из Калмыкии за подписью секретаря обкома партии Л. Килганова в ЦК ВКП (б) и одновременно (копия) в Дальневосточный крайком ВКП (б) было направлено письмо с обвинением в «дезорганизации и разрушении советского хозяйства, разжигание национальной розни» в Калмыкии, в поддержке духовенства, нойонов, зайсангов, препятствовании выселению и конфискации имущества кулаков, покровительство социально чуждых элементов, протекции на принципах кумовства и землячества, организации «буржуазно-националистического подполья» и т. п. Даже его обращения в бытность одним из руководителей республики в центральные органы СССР и РСФСР с ходатайствами об уменьшении для Калмыкии в неурожайные годы планов поставок в государственный фонд сельхозпродукции, в указанном выше письме ставились ему в вину и квалифицировались как «антигосударственная политика», «националистические действия», «неверие» в созидательные силы калмыцкого народа. Секретное письмо Калмобкома партии не осталось без внимания и оргвыводов ЦК ВКП (б): Х. Д. Джалыков был исключен из партии. Карательные органы довершили свое грязное дело, арестовали его и во внесудебном порядке в апреле 1938 г. этот, вне сомнения, талантливый государственный и хозяйственный руководитель, был расстрелян.

В период Большого террора в Калмыкии прочно утвердилось в качестве определяющей в массовых репрессиях технология

уничтожения отрядов «повстанцев и диверсантов», «троцкистских групп», лидеров «буржуазно-националистических групп» на основе личных отношений арестованных. Так, второму секретарю обкома ВКП (б) М. Б. Дедееву, критика которого началась еще на мартовском (1937г.) пленуме Калмобкома партии, в ходе предъявленного обвинения в примиренческом и либеральном отношении к арестованному к тому времени врагу народа – буржуазному националисту Н. Нормаеву, потере классово-бдительности и предательстве им интересов партии, на предварительном следствии припомнили произнесенные его тосты и поздравления на свадьбе у коллеги в 1936 г., путем тщательного опроса присутствовавших на свадьбе коллег, сотрудников обкома, членов правительства, родственников, соседей. Кое-кто из присутствующих на свадьбе представил сведения в письменном виде с показаниями, что, якобы, он, Дедеев, на свадебном торжестве занимался дискредитацией секретаря обкома партии И. Карпова. Следовательно НКВД не требовалась реальная картина. Ему достаточно было смонтировать подходящую для следствия модель, в которой избличенные «заговорщики» (М. Дедеев, кулак С. Кекеев, заведующий оргполитотделом обкома Л. Килганов, секретарь Западного улуса С. Алексеев) становились частью контрреволюционной организации, потому что знали друг друга и в частной обстановке поддерживали отношения. Еще до начала следствия решением Пленума областной партийной организации М. Б. Дедеев был освобожден от занимаемой должности, прошел через унижительную трехдневную (с 3–6 апреля 1937 г.) «проработку» на заседаниях городского Элистинского партийного собрания, исключен из партии. Обвинив М. Дедеева в контрреволюционной деятельности во главе вымышленной буржуазно-националистической организации в Калмыкии, Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР 16 января 1938 г. приговорила его к расстрелу, который был незамедлительно приведен в исполнение [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 35–37, 40–42; Д. 47. Л. 14–19; Оп. 1. Д. 375. Л. 88–100; 156, Оп. 10с. Д. 178. Л. 29].

Таким же образом, выясняя в ходе допроса характер личных отношений между присутствующими на свадьбе у поэта Эрен-

дженова Константина Эрендженовича, вовлекая его в качестве доносителя на друзей и знакомых, Оперуполномоченный 4 отделения УНКВД КАССР младший лейтенант госбезопасности Ильин «выбивал» необходимые сведения на «врага народа» Н. Нормаева [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 194; Д. 51. Л. 199]. Следователя интересовало все: в чьем кругу Н. Нормаев сидел, с кем общался и выпивал, о чем говорили гости, но, главное, ему важно было услышать о контрреволюционном выступлении «объекта», о чем оно, давал ли кто отпор на его антисоветское выступление и т. п.? По данному «делу» были опрошены десятки людей, но вряд ли их показания содействовали «выявлению» контрреволюционной деятельности Нормаева в составе организованной буржуазной националистической группы, которой в действительности не было и к которой причислили и К. Эрендженова. Налицо заданность цели для выполнения поставленной задачи нахождения «врагов народа», участников, пусть мнимых, буржуазно-националистических организаций. Неважно, каким образом, и какими средствами достигнуто получение признаний и доказательств, но, как говорится, цель оправдывает средства. К. Э. Эрендженов, как и другие писатели – Х. Б. Сян-Белгин, С. К. Каляев – были посажены в тюрьмы, прошли через тяжелейшие испытания, однако не сломались, вышли из лагерей, стали активно заниматься поэтическим творчеством и впоследствии были удостоены высшего писательского звания республики – «Народный поэт Калмыцкой АССР». Литературовед В. У. Очилов, неплохо знавший названных выше поэтов, убежден, что они не принимали участия в контрреволюционных организациях, о чем в беседах с ним говорили и сами репрессированные писатели. «Это было время нашей молодости, мы все как один верили в победу прогрессивного социалистического строя. Шутили, смеялись, подтрунивали друг над другом, высмеивали те или иные недостатки в обществе, друг у друга. Борьба с советской властью – такого просто не могло быть у нас в голове», – говорил поэт Санджи Каляевич Каляев. Устное слово мастеров художественного слова, облеченное в форме остроумной поэтической шутки, невинного памфлета и дружеского шаржа в кругу друзей,

могло стать и становилось, как известно нам сегодня, основанием для привлечения по антисоветской пропаганде, возбуждения уголовного дела, ареста и тюрьмы.

В сентябре 1937 г. открыто прозвучало, что в КАССР длительное время со дня создания автономии в 1920 г. существовало две партии. А в советское время, как известно, запрещались другие фракции, кроме коммунистической партии большевиков. Наряду с компартией по существу, по мнению блюстителей порядка, действовала вторая – буржуазно-националистическая, в состав которой входили А. Ч. Чапчаев, А. М. Амур-Санан, А. П. Пюрбе-ев, Даван Гаря, И. Т. Ванькаев, С. Каляев и другие. Состав антипартийной группы постоянно расширялся по мере «выявления» и ареста новых ее членов. Как гласил официальный документ: «Эта кучка бандитов ставила своей целью восстановление буржуазного строя в Калмыкии... пыталась превратить ее в колонию империалистов, в первую очередь японо-германских фашистов» [Максимов 2004: 163].

В октябре 1937 г. в КАССР в соответствии с приказом № 00447 подверглась репрессии отдельная группа коммунистов, служивших в 1920-е годы в качестве инструкторов в Монгольской народной армии. В тот период из Калмыкии в Монголию были направлены около ста младших командиров под командованием М. Лиджиева и М. Шапшукова, честно прослужившие там до конца 1924 г. Инструкторы-командиры, согласно военному времени, состояли в рядах Монгольской народно-революционной партии. 20 октября 1937 г. бюро Калмыцкого обкома приняло решение об исключении из рядов ВКП (б) тех коммунистов, кто находился в рядах других партий, в том числе и военных, служивших в Монголии [Максимов 2004: 165].

В докладной записке Калмыцкого обкома в ЦК ВКП (б) на имя Сталина в конце октября 1937 г. официально отмечалось о ликвидации «буржуазно-националистической организации» с общей численностью 66 человек, занимающих должности не ниже председателя колхоза, директора МТС, наркома республики, как вредителей, диверсантов, врагов народа и т.п. По мнению местных органов НКВД – «эта группа националистов ведет борьбу за свер-

жение советской власти... уход калмыков в Монголию и Тибет» [НА РК.Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 45. Л. 107].

Чуть ранее, в письме Калмыцкого обкома партии в ЦК ВКП (б) от 31 августа 1937 г. говорилось, что буржуазный национализм А. Амур-Санана исходит «из контрреволюционной идеи – отрыв Советской Калмыкии от Советского Союза» [НА РК.Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 375. Л. 70-76].

Такие обвинения были на руку тем великодержавным шовинистам, кто хотел принизить роль национальных республик, лили воду на мельницу Сталина, убежденного в том, что этнические национальности и нацменьшинства, подвергшиеся репрессиям, постоянно вынашивают идею об ослаблении советского строя, выхода из состава СССР и, таким образом, активно проводят подрывную деятельность. Поэтому, партийные и карательные органы считали для себя задачей номер один борьбу с такими во многом надуманными «проявлениями сепаратизма». За два года было издано и реализовано пять приказов по так называемому национальному признаку. «Национальные контрреволюционные контингенты» (т.е. обвиненные в «буржуазном национализме»), списки которых с санкции первого секретаря ЦК союзных республик и обкомов партии составляли органы госбезопасности с целью направления в «высшую двойку» – наркому внутренних дел СССР Ежову и Государственному прокурору Вышинскому для окончательного вердикта [Юнге, Биннер 2003: 84–93]. Всего по «национальным» приказам с августа 1937 по октябрь 1938 гг. было осуждено, согласно отчетам НКВД СССР, 335 513 человек, из них 73,66 % были приговорены к расстрелу [Охотин, Рогинский 1999: 35–74. 69].

В годы Большого террора в Калмыкии были репрессированы сотни представителей национальной интеллигенции, специалистов, руководителей республиканского уровня – калмыков. Подверглись репрессиям из числа лиц калмыцкой национальности – председатель правительства, второй секретарь обкома партии, ряд наркомов, председателей улусных комитетов, директоров совхозов и председателей колхозов и др. Власть хотела навсегда вычеркнуть их имена из народной памяти. В местные партийные и государственные

органы республики по распоряжению председателя ЦИК КАССР т. Хомутникова от 1 апреля 1937 г. за № 40 были направлены указания о предоставлении сведений об имеющихся на территории улусов поселках, селениях, сельсоветах, колхозах и др., носящих имя врагов народа, изменников родины [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 10с. Д. 29. Л. 15]. Председатель УИКа Шаваев сообщил: Хомутниковский сельсовет согласно постановлению ЦИКа № 12 переименован в Татальский. Сняты имена врагов народа: имя Душана с Шамбайской больницы, имя Пюрбеева с колхоза Татальского сельсовета. Центральный уисполком дополнительно сообщил, что именуемый колхоз имени врага народа Пюрбеева села Кебюты переименован общим собранием колхозников от 1 октября с.г., который именуется колхозом им. Ворошилова. 7 октября 1937 г. Лаганский уисполком информировал ЦИК КАССР: колхоз носящий имя А. Пюрбеева переименован в колхоз имени Чапаева. Пароход Рыкова в пароход им. Орджоникидзе. Аналогичные переименования были произведены в Западном улусе. Как следует из сообщения УИКа Западного улуса в Сладковском с/совете имелся хотон, носящий имя буржуазного националиста контрреволюционера Амур-Санана, там же один колхоз имени Пюрбеева. Колхоз им. Амур-Санана переименован в хотон Новый Чонос и колхоз им. Пюрбеева переименован им. Кагановича [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 10с. Д. 185. Л. 32–37].

Соответствующее поручение было дано 23 декабря 1937 г. Заместителем Председателя СНК КАССР Быркиным Главлиту КАССР тов. Пюрвееву: «Прошу произвести повторную проверку книг, журналов и др. литературы в библиотеке Госплана и изъять ту литературу, которая подлежит изъятию как изданная врагами народа» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 49. Л. 130].

По надуманным фактам, перечисляемым в письме ЦИК Калмыцкой АССР Всероссийскому ЦИК, а именно, что Б. Г. Майоров: «в 1920 г. в с. Чилгир на 1 съезде советов Калмыкии выступал с речью от имени молодежи и провозгласил лозунг «Да здравствует Троцкий» и т. п., кроме того участвовал на контрреволюционном собрании, где обсуждал вопрос об амнистии белоэмигрантов», «Как парторг Калмпедтехникума не скрывал антисоветских и троцкистских выступлений в 1937 г. Не давал отпора

антисоветским выступлениям Жигадло и Санджиеву Б. по вопросам НЭП», «был организатором контрреволюционной выставки по животноводству в Архивном бюро, где вывешивал речь князя Тундута», «Он скрывал связь с буржуазными националистами А. Пюрбеевым и Манкировым. Архивное управление было превращено в канцелярию буржуазных националистов. Буржуазные националисты Амур-Санан, Чапчаев, Кекеев, Манкиров и Шопкаев пользовались услугами Майорова, который выдавал справки об их деятельности». Решением Улускома ВКП (б) член партии большевиков с многолетним стажем Майоров Б. Г. был исключен из рядов ВКП (б), а решением Президиума ЦИК КАССР снят с работы управляющего Калмыцким архивным управлением. Партийным соратникам было мало вынесенного строгого наказания и, несмотря на революционные заслуги, ЦИК Калмыцкой АССР ходатайствовал перед Всероссийским ЦИК о снятии Майорова Бадма Гаряевича с государственной персональной пенсии федерального значения [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 10 с. Д. 177. Л. 22]. К счастью, карательный меч сталинского правосудия, нависший над головой этого государственного и военного деятеля Калмыкии, не исполнил своего прямого страшного назначения, и он еще долгие годы принимал активное участие в строительстве социализма в стране.

Завершение 1937 г. ознаменовалось тем, что большая часть Калмыцкого ЦИКа, избранного в 1936 г., подверглась репрессии. Из 101 члена Калмыцкого ЦИКа в Верховный совет КАССР в 1938 г. попали только 7 человек [Максимов 2004: 180]. Во второй половине 1938 г. внимание карательных органов привлек председатель ЦИК КАССР В. А. Хомутников, активный участник гражданской войны, кадровый военный, председатель Калмыцкого облисполкома (1933–1935 гг.), депутат Верховного Совета СССР, кавалер ордена Красного Знамени. На XV областной партконференции, состоявшейся 10–15 июня 1938 г., он был исключен из партии, освобожден от должности Председателя ЦИК КАССР. К счастью, ему удалось избежать ареста, и впоследствии, в феврале 1945 г. он героически погиб во время штурма советскими войсками г. Будапешта.

В 1938 г. в Калмыкии упорно продолжается поиск «врагов народа», но к середине 1938 г. волна массовых репрессий пошла на

спад. Началась так называемая «бериевская оттепель»: прекращение массовых операций, упразднение большинства чрезвычайных механизмов внесудебной расправы, частичное освобождение арестованных, ротация и уничтожение «ежовских» кадров в НКВД. Если за первые пять месяцев из руководящего состава республики было репрессировано 73 человека, то за этот же период в 1938 г. всего арестовано 23 человека. Несколько смягчилась и мера наказания. Обвиненные во вредительстве в сельском хозяйстве – директор мясовохоза Силенко и ветврач Ларичев, директор Калмыксовхоза А. И. Герасимов и заместитель директора И. А. Долгин приговорены к различным срокам лишения свободы, хотя в 1937 году суд вынес бы им смертный приговор.

В январе 1938 г. пленум ЦК ВКП (б) возлагает всю ответственность за творимые беспорядки в рядах компартии, массовые репрессии и смертные казни ни в чем неповинных советских граждан на местные партийные организации. Основную вину на беззакония руководство страны взвалило на «отдельных карьеристов-коммунистов, старающихся отличиться и выдвинуться на места исключенных из партии» или же «замаскированных врагов народа, организующих подачу клеветнических заявлений на членов партии». В то же время на пленуме прозвучали напутствия в адрес партийных органов о повышении большевистской бдительности и продолжении «выкорчевывания до конца всех вольных и невольных врагов народа» [КПСС в резолюциях 1971: 303–312]. Калмыцкий обком партии по выполнению решения январского пленума ЦК ВКП (б) на XV областной партийной конференции, состоявшейся в июне 1938 г., отметил в духе времени Большого террора, что «клеветники нам известны» – на них своевременно необходимо подготовить дела и обязательно довести дело до конца. В связи с этим органами НКВД были тщательно проверены дела прокуратуры и судов. Всю вину возложили на арестованных народных судей Семенова, Башинова, Котиева, поскольку они, якобы, подходили к уголовным делам формально и в результате чего необоснованно осуждены 98 человек [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 169. Л. 3–16; Д. 87. Л. 21].

Массовые репрессии дезорганизовали жизнь республики. Постоянные аресты среди руководителей Калмыкии, предприятий,

колхозов пагубно сказались на всех сторонах жизни калмыцкого общества, прежде всего на ее экономике, что привело, в частности, к нарастанию продовольственных трудностей, не способствовало повышению жизненного уровня населения региона.

Массовый террор в стране был остановлен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года, в котором формально многое в деятельности НКВД подвергалось критике.

Таким образом, массовые политические репрессии 1937–1938 гг. имели для жизни общества и государства серьёзные негативные последствия, некоторые из которых проявляются до сих пор. Они стали настоящими демографическими катастрофами, сказавшиеся в дальнейшем на историческое и экономическое развитие страны. Большой террор нанёс огромный урон всем сферам жизни общества. Репрессии обезглавили промышленность, армию, сферу образования, науки, культуры. В стране в период с 1937 по 1940 г. сокращается выпуск тракторов, автомобилей, другой сложной техники. По делам, которые вели органы госбезопасности (органы ГУГБ НКВД) в целом по стране было арестовано не менее 1710 тыс. чел., осуждено не менее 1440 тыс. чел., в том числе приговорено к расстрелу не менее 725 тыс. чел. Кроме того, за период с октября 1936 – ноябрь 1938 гг. осуждено «милицейскими тройками» как «социально вредный элемент» (СВЭ) не менее 400 тыс. чел.; подвергнуто высылкам и депортациям в административном порядке не менее 200 тыс. чел.; осуждено судами общей юрисдикции по общеуголовным обвинениям не менее 2 миллионов человек, из них в лагеря отправлено не менее 800 тыс. чел. [Большой террор: memo.ru/history/y1937/hronika1936_xronika.html].

Истребление невинных граждан в период политического террора оставило неизгладимый след в правовой культуре советских людей. То, что определяло атмосферу общества 1937–1938 гг. – государственное беззаконие и произвол, страх, двойная мораль, единомыслие – не в полной мере преодолены и сегодня. В большинстве своем проанализированный исторический феномен рассматривается нами как исключительно противоправная, ничем не оправданная кампания государства против своего народа.

Глава 4.

Колхозная деревня в период Великой Отечественной войны

§1. Ослабление материально-технической базы

В истории нашей страны одним из самых трагических является период Великой Отечественной войны, ставший тяжелейшим испытанием для всего советского народа. Суровые годы военного лихолетья явились исторической проверкой прочности экономических основ социалистического государства и обороноспособности советского государства, силы патриотического духа его граждан. Жесточайшая битва советского государства против немецко-фашистских захватчиков продемонстрировала стойкое единство армии и народа, фронта и тыла, самых различных слоев общества, сплотившихся в годину тяжелых испытаний. Советское крестьянство ценой неимоверных моральных и физических усилий, напряженного героического труда, собственного жесткого самоограничения в продуктах питания выполнило во время войны свою главную задачу по обеспечению, в первую очередь продовольствием, действующую армию, городское население.

Сельские жители страны накануне войны составляли 67,5 % (130 млн крестьян) от общей численности населения в 194,1 млн чел. К этому периоду практически были уничтожены крестьяне-единоличники, но те из них, кто не был выслан, посажен в тюрьмы, по-прежнему показывали примеры продуктивного труда. В 1940 г. на долю подсобных и единоличных хозяйств приходилось всего лишь 13 % посевных площадей, но ими было произведено 65 % картофеля, 48 % овощей и даже 12 % зерна. Они обеспечили 72 % мяса и 77 % молока, 94 % яиц. В результате насильственно проведенной коллективизации в структуре сельского хозяйства СССР безраздельно господствовал социалистический сектор. В стране насчитывалось около 236,9 тыс. колхозов и 4,2 тыс. совхозов, в колхозах сосредоточилось 18,7 млн наличных дворов [На-

родное хозяйство 1987: 373]. В одном из аграрных животноводческих регионов России, с небольшим по численности населения Калмыцкой АССР – сельское население составляло более 80 %. В предвоенный период в КАСССР существовало 176 колхозов, в которых было объединено 98,7 % крестьянских хозяйств, а также 13 совхозов. Имелось 17 МТС, которые располагали 1034 тракторами, 450 комбайнами, 450 автомашинами [НА РК. Ф.Р.-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 43]. Калмыкия перед началом войны с большой натугой, но все же регулярно, в пределах плановых объемов поставляла произведенную ею сельхозпродукцию в союзный фонд продовольствия. В 1940 г. республика произвела 23,7 тыс. тонн мяса, из них государству было сдано 8,4 тыс. тонн. В указанном году валовой сбор зерна составил 144,6 тыс. тонн, из них 37 тыс. тонн поступили в закрома государства [Максимов 2009: 417].

Несмотря на осуществленную, правда не в требуемом объеме, частичную механизацию сельского хозяйства, расширение посевных площадей довоенная эффективность аграрного сектора СССР все еще оставалась низкой. Кризисное состояние аграрной экономики, непомерные сельскохозяйственные заготовки предопределили продовольственные трудности в городах и в советской деревне. Для колхозного крестьянства основным источником благосостояния предполагалась натуральная оплата трудодней, главным образом зерном. Как и по всей стране, в Калмыкии средний размер выдачи зерна колхозникам оставался небольшим. Крайне низкой была и денежная составляющая оплаты их труда. Одна прополотая грядка оценивалась в среднем в 1,5 коп. Например, в колхозе «10 лет Октября» Вознесенского сельского совета Троицкого улуса в 1940 г. выдавали в среднем до 0,40 руб. на трудодень. Во многом колхозная экономика страны находилась в кризисном состоянии в 1939–1940 гг. в связи с нарушениями колхозами основополагающих положений Устава сельскохозяйственной артели. Устав предусматривал в части распределения на трудодни не менее 60–70 % всех денежных доходов артели. В реальности они в основном использовались на капитальные, производственные, административно-хозяйственные расходы. Крестьянство, зачастую не получая положенное на трудодни зерно и достойного денеж-

ного вознаграждения за свой труд, спасалось личным подсобным хозяйством, особенно там, где выращивали овощи – оно давало колхознику даже больше, чем колхоз [История советского крестьянства 1987: 21, 26–28, 36–37; Никонов 1995: 74].

22 июня 1941 г. прервалась нелегкая мирная жизнь советских граждан, началась Великая Отечественная война. Советское правительство принимает ряд чрезвычайных мер и вполне естественно, что одним из важнейших и первоочередных актов государства стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении». Согласно этому указу ужесточались трудовые отношения, в частности, вводилась трудовая повинность для определенного рода работ, а самовольный уход с работы приравнивался к дезертирству. Следом, 26 июня 1941 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени для рабочих и служащих в военное время». Данным указом директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли давалось право вводить сверхурочные работы продолжительностью от 1-го до 3-х часов в день. Отменялись все очередные и дополнительные отпуска, правда, они заменялись денежной компенсацией, переводившейся на замороженные вклады [Сборник законов СССР 1956: 213–216]. Происходит дальнейшее ужесточение командно-административной системы. Вся власть в стране сосредотачивается в одних руках – Государственного Комитета обороны (далее ГКО) и ее председателя И. В. Сталина. Перед аграрным сектором страны поставлена жесткая задача по обеспечению Красной Армии, а также городского населения хлебом и всеми необходимыми продуктами. Партийным и государственным органам на местах предписано в кратчайший срок, перестроить экономику и весь хозяйственный механизм к работе в условиях военного положения. Перед всеми территориями страны, в том числе Калмыкией, стояла задача мобилизации всех имеющихся людских, хозяйственных, экономических ресурсов. Партийные и советские органы региона организовано проводили мобилизации в Красную Армию. Калмыцкой АССР было направлено на фронт в начальный период военных действий более 20 тыс. чел., а всего в боевых действиях в

разное время участвовали более 40 тыс. жителей КАССР [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 7,16]. В начале войны крестьянство Калмыкии поставило в фонд обороны страны 20 тыс. лошадей, более 1 тыс. повозок, 800 автомашин, сотни тракторов, направило бойцам Красной Армии большое количество теплых вещей, произведенных из кожсырья [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 599. Л. 2–3]. В первые годы войны республика, как и многие регионы страны, испытывает острый недостаток трудовых и материальных ресурсов, продовольствия.

В условиях военного времени осуществляется полный перевод народного хозяйства и перестройка всей работы и жизни жителей Калмыкии на военный лад. Начавшаяся Великая Отечественная война принесла большие трудности сельскому хозяйству Калмыкии. Республика сосредоточила все свои усилия на проведение в необходимые сроки сезонных посевов семян зерна, масличных культур, уборку урожая, окотной (расплодной) кампании, стрижку овец, сенокоса и т. д. Совнарком КАССР принимает постановления «О мероприятиях по уборке урожая в связи с военным положением в стране» от 23 июня, «О ходе строительства и ремонта дорог по республике и подготовке их к хлебоуборке» от 25 июня, направленные на организацию уборки урожая 1941 года [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–6]. Калмыцкий обком РКП (б) на августовском пленуме определил конкретные направления хозяйственной, мобилизационной деятельности, политической работы, пропагандистской политики, наметил ряд мероприятий социально-экономического и организационного характера. Этими решениями было предусмотрено расширить посевные площади колхозов, совхозов и подсобных хозяйств республики для оказания помощи фронту и обеспечения необходимым продовольствием населения. В 1941 г. республика имела 268 тыс. га посевных площадей зерновых и технических культур, в том числе под зерновыми – 237,5 тыс. га, т. е. на 24,6 тыс. га больше, чем в предыдущем году.

Однако увеличение посевных площадей колхозов и совхозов дало незначительный результат. К концу 1941 года крестьянство КАССР сдало государству 46483 т хлеба, или 89,7 % годового плана [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 1017. Л. 47; Ф.Р.-1. Оп. 3. Д. 81.

Л. 25]. Невыполнение государственного задания коллективными хозяйствами, совхозами объясняется многими причинами, в том числе природно-климатическими (отсутствием осадков в весенне-летний период, частыми суховеями, засухой, бесснежной зимой и сильными морозами), нехваткой квалифицированных специалистов, опытных рабочих рук, неисправностью техники и отсутствием удобрений. Несмотря на сложившиеся трудности в производстве зерна, и с целью продовольственного обеспечения населения, 10 ноября 1941 г. Калмыцкий обком ВКП (б) и СНК Калмыцкой АССР принял постановление «О создании хлебных фондов обороны в колхозах республики», в котором колхозам республики разрешалось создать в каждом колхозе хлебные фонды обороны в размере 5–10 % от валового сбора урожая 1941 года [Калмыкия в Великой Отечественной войне 1985: 64]. Совнарком СССР 27 июня обнародовал специальное постановление «О плане хлебозаготовок из урожая 1941 г. по Калмыцкой АССР», согласно которому правительство республики утвердило общий план по зерновым в размере 32 916,4 т, увеличенный в октябре 1941 г. до 51 817,1 т. Республика поставила в фонд государства к концу года 46 483 т зерновых [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 10с. Д. 83. Л. 10–11]. До конца марта 1942 г. республика в счет урожая предыдущего года сдала более 16 тыс. тонн и в общем итоге перевыполнила увеличенный план 1941 года на 117 %. К середине октября 1941 г. животноводы колхозов и совхозов региона поставили государству 64 896 ц мяса, а также молоко, масло, брынзу, яйца, шерсть, кожсырье. Отправка в фонд обороны значительного количества скота, лошадей, автомашин, гусеничных тракторов и др. существенно ослабила материально-техническую базу отрасли. Многие трудоспособные мужчины из села воевали на фронте, часть колхозников была направлена на мобилизационные работы. Эти факторы и ряд других снизили эффективность сельскохозяйственного производства, до крайности усложнили решение продовольственной и сырьевой проблемы. Перед руководством Калмыкии встали сложные социальные задачи, важнейшей из которых было обеспечение населения пищевыми продуктами, в частности, за счет увеличения производимой в регионе животноводческой продукции. Но боль-

шая часть произведенной продукции уходила в счет сельскохозяйственных поставок на нужды фронта. Выполнение крестьянством обязательных государственных молоко- и мясopоставок, а также зерновой продукции, подписки на займы и т. п. постоянно находилось в поле зрения власти и надзирающих органов. И за их невыполнение по суровым законам военного времени полагалось жесткое административное и судебное наказание. Несмотря на предпринятые государственно-партийным руководством меры организационного и хозяйственного характера, неусыпный надзор карательных органов, предполагаемого роста в животноводческой отрасли Калмыкии не произошло. Наоборот, к концу года в республике из-за постоянно проводимых скотозаготовок, недостатка теплых помещений, падежа животных, бесхозяйственности, а также отсутствия ветеринарных препаратов, затруднявших борьбу с эпизоотиями, сократилась численность поголовья скота. Ситуация усугублялась экстренным приемом на территории республики эвакуированного скота из ближайших регионов страны. Весь эвакуированный скот практически был сконцентрирован в районе переправ через Волгу на территории Юстинского и Приволжского улусов и почти полностью кормился за счет «принимающей стороны». В этих улусах в результате непредвиденных кормовых расходов сено, солома, концентрированные корма были израсходованы, и уже в первой половине зимы случился массовый падеж скота. Ненадлежащим образом был организован уход за собственным и эвакуированным скотом и в других прифронтовых улусах республики, некоторые из них будут захвачены фашистами. В докладной записке Народного комиссара внутренних дел КАССР И. Гончарова «О расследовании причин падежа скотопоголовья в совхозе «Большой Царын» Мало-Дербетовского улуса КАССР» на имя Председателя Совнаркома КАССР Гаряева от 23 марта 1942 г. говорится: «Расследованием установлено, что основной причиной падежа скота является отсутствие соответствующих условий в содержании, кормлении и ухода за скотом, в особенности за эвакуированным, которому по прибытии в совхоз не были созданы нормальные условия и не проявлено должной заботы со стороны руководства совхоза (директор Гордюхин) и др. лиц, от-

вечающих за состояние скота». В этом совхозе «в результате преступного отношения директора Гордюхина, управляющего 2-й фермы Бадняева к сохранению эвакуированного скота допустили массовый падеж, так из 15252 гол. овец на 1 марта 1942 г. пало 12265 гол. овец» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 83. Л. 69].

Только в одном Юстинском улусе пало 33483 гол. или 30 % собственного поголовья скота и 16128 гол. эвакуированного или 54 % [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 3. Д. 678. Л. 2]. В целом, зимой 1941 года колхозы республики недосчитались 125,8 тыс. гол. или 10,8 % скота, в том числе 91,1 тыс. голов молодняка [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 1070. Л. 80]. В крестьянских хозяйствах, имевших в индивидуальном пользовании 210500 гол. скота, был лучше организован уход за животными и соответственно меньше был падеж скота. В голодные военные годы население республики выжило в основном за счет личного подсобного хозяйства.

В годы войны в аграрной политике большевистского режима во главе со Сталиным прочно стал утверждаться командно-административный подход, в частности, в сельском хозяйстве. Одним из его ярких проявлений явилось создание решением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17 ноября 1941 г. чрезвычайных партийных органов в деревне – политических отделов в МТС и совхозах [Анисков 1993: 197]. Воссоздание политотделов в структурах сельского хозяйства, ликвидированных в 1934 г., свидетельствует о том большом значении, которое придавали партийные органы командно-административному методу руководства аграрным сектором. Политотделы должны были не только контролировать хозяйственную деятельность, но и мобилизовать крестьянство на обеспечение фронта и тыла продовольствием. Решением Калмыцкого обкома ВКП (б) от 26 ноября 1941 г. повсеместно во всех совхозах и МТС республики создаются политотделы. Начальник политотдела занимал одновременно несколько административных должностей – заместитель директора МТС, заместитель директора совхоза по политической работе и выполнению хозяйственных планов, назначался ЦК ВКП (б) по представлению 1-го секретаря обкома партии и начальника политуправлений Наркомзема и Мясосовхозтреста КАССР [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 599. Л. 2–3]. Были произведе-

ны «усиливающие» кадровые назначения в партийных, государственных структурах, в карательных органах. Указом Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 2 августа 1941 г. Наркомом НКВД КАССР назначен И. И. Гончаров, а его заместителем Б. Д. Комаев. Эти назначения были произведены в связи с принятыми на высшем государственном уровне с подачи Политбюро ЦК ВКП (б) решениями об объединении наркомата внутренних дел и наркомата государственной безопасности в единый НКВД СССР во главе с Л. П. Берия [Лубянка 1997: 7]. Данное решение принималось, как говорилось в государственном документе «с учетом сложности военной обстановки» и было направлено на выполнение с привлечением карательных органов всех мобилизационных задач, стоявших перед государством и обществом в условиях военного времени. И карательные органы в лице НКВД КАССР «старались» постоянно держать в курсе областной комитет партии и СНК республики о состоянии дел, в частности, в сельском хозяйстве Калмыкии, зачастую влезая в чисто хозяйственные вопросы аграрного сектора. В докладных записках НКВД руководству республики имеются сведения о ходе проведения тех или иных хозяйственных кампаний, читая их, кажется, что знакомишься с хозяйственными отчетами и сводками, поскольку практически те же сведения встречаешь и в отчетах хозорганов партийным и государственным органам. Донесения НКВД отмечены «широтой» охвата различных вопросов сельского хозяйства в регионе: «О ходе выполнения плана сельскохозяйственных вопросов по КАССР», «О неблагоприятном положении совхоза № 108 Улан Малч Приютненского улуса», «О недочетах в подготовке к весенне-посевной кампании по Кетченеровскому улусу», «О недочетах в подготовке к весенне-посевной кампании по Троицкому улусу», «О состоянии подготовки к весеннему севу в совхозах КАССР» и др. Вот лишь некоторые примеры из донесений: «План посевных площадей по улусу на 1942 г. составляет 22235 га, в том числе по колхозам 15635 га, по совхозу им. Чкалова 3100 га, и по совхозу «Сарпа» 3500 га», «Имеется тягловой силы по улусу рабочих лошадей – 527, волов – 894 и верблюдов – 177» и т.п. В докладных записках имеются и «рекомендации» хозяйственным структурам:

«При МТС нужно иметь механизаторов – 830 чел., учиться 661 чел., необходимо бригадиров – 33, учиться 7. Комбайнеров – 165 чел., учиться 3 чел.», «руководители улуса недостаточно обращают внимания этому вопросу, в результате чего ряд колхозов улуса не имеют достаточного количества отдельных видов семян — особенно технических культур и бахче-огородных» и т.п. [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д 83. Л. 38–96].

В донесениях, безусловно, приводятся факты оперативного реагирования органов НКВД на проявления бесхозяйственности, мошенничества, незаконного присвоения социалистической собственности, на «неправильные» решения экономико-хозяйственных вопросов в улусах, колхозах, совхозах, МТС. Иногда факты «преступного отношения» крестьян к делу социалистического строительства, фиксируемых в докладных записках, притягиваются «за уши» и изобилуют наивными примерами в документах, подготовленными руководящим составом НКВД: «Председатель колхоза им. 18 партсъезда Троицкого улуса велел кузнецам использовать имеющийся уголь для ремонта повозок, а ремонт сельхозинвентаря пусть подождет, пока найдем новый уголь. На требование агронома о принятии мер снегозадержания Курдюков ответил: «Некогда возиться со снегом, тут скот пропадает». Председатель колхоза им. Городовикова того же улуса Кекеев на собрании бригадиров полеводческой бригады о необходимости ремонта сельхозинвентаря отвечает: «У меня пропадает скот, некогда мне возиться с ремонтом, до весны далеко – отремонтируем». И за такое «преступное отношение» к работе зачастую привлекали к административной и уголовной ответственности. Карательный уклон в части применения наказаний являлся, как и в довоенное время, отличительной чертой деятельности НКВД, что отражалось во множестве донесений и докладных записок в партийные, исполнительные, советские органы власти. За допущенный падеж скота во время зимовки скота 1941–1942 гг. было арестовано 41 чел. из числа руководителей совхозов и колхозов, советских и партийных органов сельских районов республики.

В 1942 г. общее состояние аграрного сектора Калмыкии оставалось неудовлетворительным. На ненадлежащем уровне прово-

дились посевные работы, хлебоуборка, окотная (расплодная) кампания скота, сеноуборка и т. д. В результате этого эффективность сельскохозяйственного производства была крайне низкой. Сталин и его команда были серьезно озабочены слабой действенностью принимаемых мер в аграрном секторе. Пути решения этой проблемы ими виделись в принятии еще более жестких мер по отношению к колхозному крестьянству. 13 апреля 1942 г. выходит Постановление СНК СССР и ЦК КВП (б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней», которым количество обязательных трудодней увеличивается в полтора раза. Согласно указу, каждому члену сельхозартели полагалось вырабатывать не менее 100–150 трудодней вместо 60–80 в 1939 г. Не выполнившие установленного минимума должны были исключаться из сельхозартели и лишаться приусадебного участка. Затем их предавали суду и наказывали исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев. Председатели правлений колхозов и бригадиры, не наказавшие нарушителей, сами отдавались под суд [Важнейшие решения по сельскому хозяйству 1948: 310–311]. Действие закона распространялось уже на подростков 12–16 лет, им полагалось выработать не менее 50 трудодней в год.

Продолжавшаяся в 1942 г. мобилизация из сельского хозяйства большей части работоспособного мужского населения и техники, опытных земледельцев и животноводов, специалистов сельского хозяйства на фронт, в промышленные города, потеря материально-технических ресурсов ряда сельскохозяйственных районов, временно оккупированных врагом, серьезно повлияли на развитие аграрного сектора страны, а также обострили продовольственную проблему в стране. Вследствие этого, произошло значительное уменьшение в стране валового сбора сельскохозяйственных культур, поголовья скота. Валовой сбор зерна в 1942 г. сократился по сравнению с 1940 г. с 95,6 млн до 29,6 млн т, сахарной свеклы – с 18 млн до 2,2 млн т, картофеля – с 76,1 млн до 23,6 млн т. Поголовье скота в 1942 г. в СССР также существенно уменьшилось по сравнению с 1941 г. [Великая победа 1976: 139].

Тяжелая ситуация в стране усугублялась также нехваткой рабочих рук в промышленных предприятиях. Война забрала на

фронт миллионы трудоспособных граждан. К концу 1941 г. во всех отраслях народного хозяйства насчитывалось лишь 18,5 млн рабочих и служащих, что почти в 2 раза было меньше по сравнению с 1940 г. Перед государством встала непростая задача восполнения потери в рабочей силе на производстве. Для обеспечения рабочей силой важнейших предприятий и строек, военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работающих на нужды обороны, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» привлекается городское население. Немалую часть «новых» рабочих на промышленных предприятиях составляли сельские жители. Их уход в города создал напряженную ситуацию в деревне, сказался на общей производительности труда в аграрном секторе. Стране необходимо было срочно подготовить квалифицированных рабочих из числа женщин и детей, найти замену, пусть неполноценную в физическом и качественном отношении, ушедшим на фронт крестьянам. Изменяется структура баланса рабочей силы в городе. Больше стал применяться труд подростков. В 1939 году подростки в возрасте до 18 лет составляли 6 % общего количества занятых в промышленности, а в 1942 году – 15 %. В военное время повысилась доля женского труда. Удельный вес женщин в общей численности рабочих и служащих увеличился с 41 % в 1940 г. до 52 % в 1942 г. В период военной экономики в сельском хозяйстве Калмыкии на смену мобилизованным в действующую армию колхозным кадрам пришла новая трудоспособная рабочая сила. По сравнению с довоенным временем, она претерпела качественные изменения. Решающую роль в обновлении сельскохозяйственных кадров стали играть женщины и молодежь. Аграрная специфика республики предопределила преобладающую занятость женщин в этой отрасли, именно благодаря их колоссальному труду и трудовой активности выполнялись все производственные планы, что давало возможность оказывать посильную помощь армии, эвакуированному населению, а позже регионам, пострадавшим от оккупации после освобождения их от немецко-фашистских захватчиков. Вовлечение в сельскохозяй-

ственное производство огромного числа женщин стало одной из особенностей работы аграрного сектора республики в военный период. В Калмыкии доля женщин, участвовавших во всех видах сельскохозяйственной деятельности, поднялась до 66 %. Уже к ноябрю 1941 г. из числа калмыцких девушек было подготовлено 840 трактористок, 320 комбайнеров, 137 шоферов, 73 моториста и судоводителя [НА РК. Ф.П.-22.Оп. 1. Д. 61. Л. 2]. С июля 1941 г. по июнь 1942 г. на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу было выдвинуто 860 женщин, тогда как в довоенное время ответственные должности занимали всего 327 женщин [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 661. Л. 23, 185]. Именно женщины и подростки в соответствии с решением ЦК ВКП (б) и СНК СССР и постановлением Калмыцкого обкома КАССР и СНК от 30 сентября 1941 г. составляли основную рабочую силу на строительстве стратегически важного объекта – железнодорожной линии Астрахань-Кизляр. На участке дороги, проходящей по территории республики, принимало участие свыше 9500 чел., 3030 подвод и было выполнено 2800 тыс. куб. земельных работ, возведено земляное полотно протяженностью 280 км (из 356 км общего расстояния от Кизляра до Астрахани). Железнодорожная линия была построена с активным участием жителей сельских хотонов Черноземельского, Юстинского, Приволжского, Долбанского, Лаганского, Улан-Хольского, Малодербетовского, Сарпинского улусов КАССР. В период подготовки мощного контрудара Красной Армии под Сталинградом и на Северном Кавказе – эта железная дорога приобрела исключительно важное стратегическое значение [НА РК.Ф.Р.-1. Оп. 19. Д. 12. Л. 6; Оп. 20. Д. 24. Л. 10–14]. По решению ГКО более 10 тыс. рабочих, колхозников, служащих и студентов из Калмыкии также принимало участие на строительстве Донского оборонительного рубежа в ноябре 1941 г. Уместно будет заметить и восхититься стоическим мужеством его строителей. Для того чтобы начать возведение оборонительного рубежа призывникам и добровольцам из Калмыкии пришлось пройти походным маршем 250 км. «Трудно себе представить, – говорит одна из участниц строительства этого оборонительного рубежа Анна Егоровна Игнатова (Теслюкова) – как нам удалось пройти пешком

в холодном и промозглом ноябре месяце такой длинный и трудный путь, ночевать под открытым небом, а потом рыть лопатой оборонительные рвы глубиной 2,5 м, шириной по верху 7 м, по дну – 3 м» [ПИМА: 2].

Героический труд, в основном женщин и подростков, наиболее ярко проявлялся в их повседневной работе на колхозном поле, на животноводческой стоянке. Несмотря на резкое снижение трудовых ресурсов деревни в связи с призывом в армию наиболее старательной и работоспособной части крестьянства, мобилизацией для работы в промышленности и на строительстве оборонительных линий, сокращением посевных площадей, поголовья скота и снижением качественных показателей производства, уменьшением продуктивности животноводства, урожайности и валовых сборов сельскохозяйственных культур, со значительным ослаблением материально-технических ресурсов колхозов и совхозов – старая техника изнашивалась, а новая, естественно, не поставлялась – советское крестьянство смогло обеспечить в основном продовольственные нужды фронта и тыла. Всего за 1941–1944 гг. страна заготовила 4264 млн пудов хлеба, 184 млн ц картофеля, 50,5 млн ц мяса, 132 млн ц молочной продукции, а также 57 млн ц хлопка-сырца, 3,6 млн ц льноволокна, 3,3 млн ц шерсти и др. Общий расход основных видов продовольствия и фуража на довольствие Советской Армии за годы Великой Отечественной войны составил около 40 млн т [История советского крестьянства Т. 3. 1986: 248–249].

В Калмыкии, согласно постановлению СНК КАССР и обкома партии «Об установлении норм сдачи зерна в фонд Красной Армии колхозами республики из урожая 1942 г.», были утверждены нормы поставок зерна с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами: с пригородных колхозов – 24 кг, Западного, Яшалтинского, Приютненского улусов – 21 кг. Троицкого, Кетченеровского, Сарпинского, Малодербетовского – 10 кг, Черноземельского, Юстинского, Приволжского – 5 кг. [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 10 с. Д. 83. Л. 126]. Колхозами и совхозами республики до оккупации фашистскими войсками отдельных улусов Калмыкии было собрано 491 715 ц зерна, но большая часть его по причине неорганизован-

ности, паники, быстрого приближения немецких войск к границам республики осталась на территории захваченной врагом. Сельские труженики Калмыкии за первые два с половиной месяца 1942 г. поставили в Фонд обороны 9050 лошадей, немалое количество мяса, шерсти и другой сельскохозяйственной продукции [Максимов 2007: 86]. Только в одном Яшалтинском улусе республики «3605 колхозников Яшалтинского улуса в фонд обороны страны выделили 22437 трудодней, деньгами 50334 руб., заем 47750 руб., зерна 380 ц, 19 гусей, 70 уток, 39 кур, 54 овцы, 27 кг сливочного масла. Выделено колхозами: 2680 ц. зерна, 627000 руб., 1217 валухов, 140 овчин, товар на сапоги 10 пар, валенок 75 пар, 17 ц свиного мяса, 14 ц сливочного масла, 15 лошадей, пчелиного меда 357 кг. В фонд обороны из всего улуса поступило 896294 руб. и на 581000 руб. облигациями займа. Для бойцов Красной армии собрано подарков: 631 фуфаяк, 631 ватных брюк, 1216 валенок, 17 полушубков, 353 выделанных овчин, 440 сырых овчин, 2700 кг шерсти, 318 шерстяных носок, 226 перчаток, 17 тулупов, 2575 м мануфактуры, 20 пар сапог, 123 шапок, 84 теплых рубашек, 65 кальсон, 6 шинелей, 73 одеяла и др. По всему улусу собрано 220 тонн металла [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 1а. Л. 73].

В связи с военными действиями, все увеличивающимися поставками мяса государству, в Калмыкии ежемесячно происходило сокращение скота, создававшее продовольственные трудности в аймаках и хотонах республики, население которых питалось в большей части мясом. В августе 1942 г. поголовье скота в КАССР по сравнению с июлем уменьшилось на 7,2 % [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 711. Л. 7].

Серьёзные трудности в аграрном секторе Калмыкии были связаны с ослаблением материально-технической базы сельского хозяйства, нехваткой рабочих рук, неквалифицированных кадров, уменьшением парка тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин и автомобилей в улусах, главным образом в освобождённых районах Калмыкии. За 4 месяца оккупации республика понесла значительный ущерб, было разграблено и уничтожено 17345 шт. сельхозинвентаря на сумму 10 216650 руб. [НА РК. Ф.П.-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 36]. Неприглядная картина вырисовывалась и с заго-

товкой зерна – после оккупации республика не могла возместить потери посевных площадей. Постановлением СНК и бюро обкома ВКП (б) от 13.07.1943 г. № 416 «Об установлении порайонных норм сдачи зерна и подсолнуха колхозами в хлебный фонд Красной Армии из урожая 1943 г.» были установлены порайонные нормы сдачи зерна и подсолнуха государству в хлебный фонд Красной Армии из урожая 1943 г. с площади фактического сева озимых и плана посева яровых зерновых культур и подсолнуха в кг. с одного гектара по всем зерновым и в % соотношении по культурам.

Таблица 9 Госзадания по сдаче зерна и подсолнуха из урожая 1943 г.
[НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 112. Л. 27]

Улусы	Зерновые				Подсолнуха С одного гектара лана сева кг
	Все зерновые в кг	В том числе в %			
		Пшеница	Рожь	Просо	
Западный	98	50	-	20	77
Яшалтинский	98	50	-	20	77
Приютненский	60	40	12	30	-
Троицкий	60	40	12	30	-
Элиста	65	40	12	30	-
Сарпинский	40	20	30	33	-
М.-Дербетовский	30	20	30	33	
Юстинский	30	20	30	33	-
Кетченеровский	26	15	35	40	-
Черноземельский	26	15	-	40	-
Приволжский	26	-	20	25	-

Эти государственные плановые задания не были выполнены. Вместо 54 911 ц хлеба по плану сдачи колхозами в 1943 г. в хлебный фонд Красной армии фактически поступило 27 374 ц, что составило 50 % к плану [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3. Д. 116. Л. 13]. Большой ущерб зерновым полям наносился мышевидными грызунами. СНК КАССР даже приняло специальное постановление от

16 августа № 449 «О мероприятиях по истреблению мышевидных грызунов на территории КАССР во 2-м полугодии 1943 г.», где Элистинской противочумной станции предписывалось «В связи с нарастанием численностью мышевидных грызунов и необходимостью истребления их в Западном и Яшалтинском улусах объемом работ по Элистинской противочумной станции, утвержденной КАССР на 1943 г., перенести в указанные улусы: Западный улус – 10 тыс. га, Яшалтинский улус – 6 тыс. га; а) по колхозам Наркомзема: Долбанский улус – 1500 га; б) по совхозам мясосовхозтреста: Улан-Хольский улус – 4000 га, Лаганский – 1000 га; в) объем работ по мышевидным грызунам определить по колхозам Наркомзема: Западный улус – 3000 га, Яшалтинский – 3000 га. По совхозам мясосовхозтреста: Западный улус – 6000 га, Яшалтинский – 4000 га, Приютненский – 10000 га» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 112. Л. 53]. Указанные негативные факторы в сельском хозяйстве повлияли не только на урожайность зерновых, но и на значительное снижение урожая технических культур в регионе. К тому же сказались и неблагоприятные метеорологические условия: бесснежная зима 1942–1943 года, отсутствие осадков в весенне-летний период 1943 года и суховеи в период созревания хлебов. Все это привело к небывалой низкой урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур в этот год: подлежало к уборке 125579 га, а погибло посевов – 60100 га. Таким образом, фактически в 1943 г. убрано 65477 ц и валовой сбор зерна составил 86314 ц и масличных культур – 3679 ц. Необмолоченными остались поля «по Яшалтинскому улусу 1845 га, по Западному – 646 га, по Приютненскому – 200 га. Кроме того, в колхозах Яшалтинского и Западного улусов имеется значительное количество не обмолоченного хлеба прошлых лет» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3. Д. 116. Л. 12–13,71].

В целом по стране, именно в 1943 г. был получен самый низкий за все годы войны валовой объем сельскохозяйственной продукции, но крестьянство все же сумело, ограничивая себя в хлебе и за счет внутренних резервов, дать стране 94,2 % всех хлебных заготовок. Но этого оказалось в принципе достаточно, чтобы обеспечить население и фронт необходимым продовольствием [Трагедия советской деревни. Т. 3. 2000: 224].

Начиная со второй половины 1943 года быстрыми темпами идет восстановление сельского хозяйства освобождённых районов. По мнению ряда исследователей, 1943 и 1944 годы являются переломными годами во многих отношениях в развитии сельского хозяйства всей страны. Советское правительство уделяло особое внимание восстановлению и дальнейшему развитию земледелия, животноводства. За годы войны, значительно увеличенные поставки мяса, шерсти государству резко отразились на воспроизводстве стада: и в численности и размещении поголовья скота произошли серьёзные изменения. По СССР в целом вследствие временной оккупации ряда сельскохозяйственных районов поголовье скота в 1942 и 1943 годах уменьшилось по сравнению с 1941 годом. Только в Калмыкии рабочего скота уничтожено во время оккупации 30981 гол. на сумму 121 104482 руб. Общая численность разграбленного, уничтоженного и погибшего скота составила 967803 гол. на сумму 368 092288 руб. [НА РК. Ф.П.-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 36].

Продовольственное обеспечение Красной армии и населения европейской части страны стало осуществляться главным образом за счет колхозов и совхозов восточных районов СССР, увеличивших поголовье рогатого скота с 1,4 млн гол. на начало 1941 г. до 2,5 млн гол. на начало 1943 г., поголовье овец и коз за данный период с 28,1 млн гол. до 34,2 млн гол. Значительное умножение скота в этих регионах страны произошло как за счет собственного воспроизводства, но в основном за счет эвакуированного скота из оккупированных немецко-фашистскими захватчиками районов, а также перемещенного скота из Сталинградской области, Астраханского округа и Калмыцкой АССР в связи угрозой оккупации, эвакуировавших в срочном порядке свой скот в Сибирь и Казахстан. В Калмыкии эвакуационные мероприятия осуществлялись согласно правительственным постановлениям «О мероприятиях по эвакуации скота, тракторов, сырья и другого имущества их прифронтовых районов» от 29 августа и «О перегоне эвакуированного скота в Казахскую ССР» от 30 августа 1942 г., когда отдельные районы республики были уже захвачены фашистами. Потери скота за время перегона из улусов, переправы через Волгу и размещения в колхозах Казахской ССР составили более полумиллиона голов.

Общие потери перегоняемого скота определялись падежом поголовья в дороге в связи со скудными кормами, неблагоприятными погодными условиями, массовыми эпидемиями, в том числе, чешоткой, ящуром, утерей и хищениями, количеством сданного скота на мясopоставку Красной Армии, были обусловлены неподготовленностью приемных пунктов в колхозах и совхозах Западно-Казахстанской, Гурьевской, Актюбинской, Чкаловской областей. На приемных пунктах было оставлено истощенного и подбитого скота – 305694 гол. скота, сдано государству Заготскот, воинским частям по чековым требованиям и распискам и другим государственным организациям – 175852 гол. скота [Горяев 2001: 102].

В Справке «О количестве скота колхозов КАССР, принятого комиссией Казахской АССР для размещения на передержку по областям» даются следующие данные о количестве эвакуированного скота из Калмыцкой КАССР в Западно-Казахстанскую и Гурьевскую области Казахстана.

*Таблица 10. Эвакуированный скот из КАССР
[НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3. Д. 114. Л. 129].*

Районы Казахстана	КРС	Лошадей	Верблюдов	Овец и коз	Всего
Западно- Казахстанская область	12279	1951	623	87009	101862
Гурьевская область	9752	1851	583	89408	101594
Всего принято	22031	3802	1206	176417	203456

Республика так и не дождалась полного возврата принадлежавшего ей скота, хотя на данный счет было принято Постановление Совета Народных Комиссаров Калмыцкой АССР и бюро Калмыцкого обкома ВКП (б) № 485 от 28 августа 1943 г. «О мероприятиях по перегону эвакуированного скота из областей Казахской ССР, проверки и выявления количества размещенного, израсходованного и наличие скота на местах его передержки». Этим

постановлением предусматривались меры организационного, технического, финансового характера по выполнению мероприятий возвращения эвакуированного скота в Калмыкию, установлены трассы перегона скота, намечен список ответственных и т. д. Однако, возвращено же было колхозникам Калмыкии личного скота в 1943 г. после освобождения территории республики от оккупации всего 1531 гол., в том числе, 121 гол. лошадей, 225 гол. крупного рогатого скота, 1078 гол. овец и коз, 8 верблюдов [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 1238. Л. 34–35]. Правительство республики и бюро Калмобкома ВКП (б) строго выполняло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 22 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» и своим совместным Постановлением № 488 от 31 августа 1943 г. «Об учете имеющегося на передержке эвакуированного скота колхозов Украинской ССР» обязало председателей улусных исполкомов и секретарей улусных исполкомов ВКП (б) проверить и уточнить «количество скота, имеющегося в наличии на 1 сентября 1943 года в колхозах, у колхозников, рабочих и служащих республики с расчетом полного соответствия количества принятого скота и всех изменений, произошедших во время передержки» для передачи хозяйствам Украинской ССР [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 112. Л. 155]. Следует заметить, что в другие регионы страны эвакуированный скот был также возвращен, и можно предположить, что руководство страны, не требуя вернуть большое количество эвакуированного скота в КАССР, уже в середине 1943 г., а может и раньше, вынашивало зловещие планы по выселению калмыцкого народа.

Потери скота на этапе эвакуации, невозвращение эвакуированного поголовья животных, сельхозмашин и другой техники из мест временного размещения, безусловно, серьезно ослабили материально-техническую базу сельского хозяйства Калмыкии, сказались и на самом развитии отрасли, производстве сельскохозяйственной продукции, поставке ее в фонд обороны страны. Развитие основной отрасли сельского хозяйства республики – животноводства республики – в середине 1943 г. характеризуется значительным спадом общественного поголовья скота. В Поста-

новление СНК и бюро обкома ВКП (б) от 01 августа 1943 г. № 443 «О ходе выполнения государственного плана развития животноводства по колхозам и совхозам республики» говорится, что «по состоянию на 1 июля план развития животноводства по колхозам выполнен: КРС – на 83,5 %, лошадям – 95,2 %, верблюдам – 99,3 % и птицам – 33,3 %. По совхозам план развития животноводства выполнен по РКС – на 94,4 %, свиньям – 70,6 %, поголовье овец в июне сократилось на 7,5 %. Из-за плохого ухода, содержания и недостаточных мер борьбы с эпизоотическими заболеваниями скота в колхозах Западного улуса пало: лошадей – 31,8 %, КРС – 11,3 %, свиней – 38,5 %; в колхозах Яшалтинского улуса: лошадей – 21,7 %, овец и коз – 22,9 %, свиней – 25,0 %» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 112. Л. 39].

Оккупация некоторых улусов, разграбление немцами народного хозяйства, посылка на фронт тракторов, автомашин и др. серьезно повлияли на материально-техническую базу сельского хозяйства автономии. Об этом свидетельствует Постановление Совета Народных Комиссаров Калмыцкой АССР и бюро Калмобкома ВКП (б) № 483 от 22 августа 1943 года, в котором сказано: «Учитывая напряженное положение с тяглом и тракторами в колхозах и МТС Западного и Яшалтинского улусов и в целях ускорения уборки урожая и сдачи хлеба государству обязать Наркомзем Калмыцкой АССР (тов. Колбасова): а) в трехдневный срок отправить в Западный улус – 50 рабочих волов, из них: в Приютинский улус – 13 пар, Троицкий улус – 10 пар, Черноземельский улус – 12 пар и в Кетченеровский улус – 15 пар; б) в пятидневный срок организовать отправку в Западный улус – 100 пар рабочих волов из числа возвращенного скота из Казахстана; в) в трехдневный срок организовать отправку в Яшалтинский улус – 9 гусеничных тракторов, из них: из Вознесенской МТС – 2 трактора, Верхне-Яшкульской МТС – 2 трактора, Нижне-Яшкульской МТС – 2 трактора и Абганеровской МТС – 3 трактора; г) в семидневный срок перебросить 50 конных плугов из Астрахани в Западный улус» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 112. Л.107].

Вследствие оккупации немцами ряда земледельческих и животноводческих районов Калмыкии производство совокупного

общественного продукта республики в 1942 г. уменьшилось, изменилось соотношение между накоплением и потреблением, сократились их абсолютные размеры по сравнению с довоенным 1940 г. Абсолютные размеры производственного потребления также уменьшились, хотя удельный вес остался без изменения. Фонд личного потребления населения несколько сократился. Удельный вес и размеры накопления временно снизились, хотя накопление продолжалось в течение всего периода военной экономики.

В целом, в военные годы сельское хозяйство Калмыкии, несмотря на ослабление материально-технической базы сельского хозяйства, за счет внутреннего производства посильно обеспечивало снабжение продовольствием и сырьем армейские части и население советских городов. Калмыцкое крестьянство смогло на максимально возможном уровне наладить на своей территории сельскохозяйственное производство, перестроить его на военные нужды. В 1943 г. колхозникам республики, кроме поставок в фонд обороны зерна и мяса, вменили обязательства по сдаче государству горчицы, овощей, картофеля. Многие селяне, несмотря на тяжелые условия жизни и труда, значительно перекрывали нормы по трудодням, по-хозяйски относились к социалистической, народной собственности, подчас ценой жизни защищали его, стойчески переживали все тяготы военного времени. 500 чел. из Калмыкии принимали участие в восстановлении предприятий Наркомстройматериалов РСФСР в Сталинграде и крестьяне составили основную часть [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 112. Л. 65]. Колхозники, рабочие и служащие Улан-Хольского, Лаганского, Долбанского, Приволжского, Юстинского, Черноземельского, Мало-Дербетовского и Сарпинского улусов активно восстанавливали столицу республики – Элисту, участвовали в транспортировке леса из Астрахани [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 112. Л. 131].

К сожалению, самоотверженные трудовые подвиги жителей КАССР, калмыцкого крестьянства в достижение экономической победы не были в полной мере оценены советским государством. Как известно, в конце 1943 г. калмыцкий народ был насильственно выслан в сибирскую ссылку и долгих 13 лет находился вдали от родных мест. Незаконная депортация калмыцкого народа пол-

ностью подорвала его генофонд, негативно сказалась на многовековых традициях калмыцких крестьян-скотоводов, разрушила некогда крепкие калмыцкие сёла, имевшие в наличии достаточно крупное общественное и личное стадо и славившиеся производством качественной животноводческой продукции.

Крестьянство страны стало главным и самым многочисленным источником пополнения вооруженных сил. В войну почти не было такой колхозной семьи, которая не направила бы на фронт отца, сына или внука. Ведь армия по своему составу была в основном крестьянской. Более 60 % численности армии в военное время составляли жители села. В целом, по стране число ушедших в армию колхозников за годы войны составило не менее 10 млн человек [История советского крестьянства. Т. 3. 1987: 225]. Примерно 27 млн человек потеряла наша страна во Второй мировой войне. По приблизительным подсчетам российских историков, каждый шестой из погибших был из деревни. Крестьянство страны страшной ценой заплатило за независимость своего Отечества, внесло свой неоценимый вклад в великую Победу советского народа в Великой Отечественной войне, с честью выполнило главную задачу, поставленную перед ним в военные годы – обеспечение фронта и тыла продовольствием.

§ 2 Продовольственные трудности в республике

В годы Великой Отечественной войны одной из важнейших проблем советского государства являлось продовольственное снабжение Красной армии и мирного населения страны. Решение этого жизненно важного вопроса в условиях военного времени осложнялось тем, что в результате вероломного нападения немецко-фашистских войск и просчетов сталинского руководства, СССР в первые месяцы войны лишился значительной части своей территории, важнейших экономических районов, производивших до войны существенную долю промышленной и сельскохозяйственной продукции страны. В частности, на захваченных врагом территории в довоенное время производилось 38 % зерновых, 87 % сахарной свеклы, около половины технических культур, выращивалось 45 % поголовья крупного рогатого скота и 60 % свиней [История советского крестьянства. Т. 3. 1987: 147]. В КАССР осталось в оккупированных улусах: Сарпинском – 87 533 головы скота, 1153 колхозных свиней, 392 т зерна, 95 т шерсти, 80 т овец, 57 тракторов, 45 комбайнов, 11 автомашин; Западном – 7912 голов КРС, 19029 овец, 687 лошадей, 1494 свиньи, более 50 тракторов Башантинской МТС; Яшалтинском – 87 511 головы скота, 139 тракторов; Малодербетовском – 43 327 голов скота колхозов и совхозов, индивидуального сектора, 200 т зерна, 75 т шерсти; Приютненском – 148 053 головы скота, около 3 тыс. т зерна уже убранный урожай. Как печально констатировал начальник Сарпинского улусного отделения НКВД Гурьев С. А., что по причине неорганизованности и паники: «... хлеб, шерсть и другие ценности остались на местах» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 1. Д. 1237. Л. 165, 169, 229, 230, 238, 239, 241, 242, 244; Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 868. Л. 45; Д. 736. Л. 70, 72. Л. 99об.; Д. 761. Л. 1; Д. 734. Л. 91; Ф.Р.-1. Оп. 3с. Д. 2. Л. 44; Оп. 1. Д. 224. Л. 17; Ф.П.-9. Оп. 1. Д. 137. Л. 22; Д. 146. Л. 17; Ф.Р.-68. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–7].

В результате захвата жизненно важных районов страны значительно суживались экономические возможности советского государства, которое лишилось крупных запасов продовольствия на складах, оказавшихся в оккупированных районах. Если бы оно

было сохранено, то естественно, в меньшей мере и не в срочном порядке потребовались бы продовольственные поставки для Красной Армии из сельскохозяйственных районов страны, вызвавшие в них и без того сложную обстановку с продуктами питания. Потеря огромной территории лучших плодородных земель также предопределило нехватку продовольствия в начальные годы войны.

Государство с первых дней военных действий системно занималось продовольственным обеспечением городского населения, рабочих промышленных предприятий и строек, в особенности снабжением действующей армии. В годы Великой Отечественной войны на армейском довольствии постоянно находилось 9–11 млн солдат и офицеров Красной Армии, а на государственном продовольственном обеспечении почти 90 млн гражданского населения [Орлов 2010: 20]. Правительство и в первый год и в последующие военные годы держало в поле зрения вопросы продовольственного обеспечения советских воинов, сражавшихся на фронте с немецко-фашистскими оккупантами. 30 августа 1942 г. принято постановление за № 222/ов «Об отпуске продовольственных пайков для Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД в сентябре 1942 г.». На сентябрь 1942 г. устанавливалось 9282900 пайков для Красной Армии, 750000 – госпитальных пайков и фуражных пайков – на 922000 лошадей. Установленные государством нормы продовольственных пайков для солдат Красной Армии, населения страны в целом исполнялись, и их обеспечение осуществлялось за счет поставок сельскохозяйственной продукции из деревни, а также ленд-лиза.

Продовольственные трудности в некоторых городах страны начали проявляться уже в августе 1941 г., когда жители стали ощущать хроническую нехватку хлеба и других продуктов питания. Правительство предпринимало активные меры по доставке сельхозпродуктов из аграрных регионов страны, но из-за ряда объективных и субъективных причин сложная ситуация с продовольственным обеспечением городов оставалась напряженной. В связи с ограниченностью продовольственных ресурсов больше внимания стало уделяться экономному расходованию имеющегося в наличии небогатого продовольствия. Основным способом обе-

спечения населения продовольственными товарами в годы войны стала централизованная система распределения нормированных продуктов питания. Важнейшие ее принципы были заложены еще довоенным постановлением СНК СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» от 18 июня 1941 года [Любимов 1968: 70]. Вышедшее 20 августа 1941 г. постановление СНК СССР послужило дальнейшим толчком для введения карточной системы нормированного распределения продуктов в 197 городах страны, разделившее население на 4 группы и дифференцировавшее нормы снабжения по социально-производственному принципу [Чернявский 1964: 37–43, 38]. В регионах России, в частности, в городах Нижнего Поволжья распределение продовольствия по карточкам вводилось с 23 августа 1941 г. В последующие месяцы список продовольственных товаров, внесенных в перечень, продаваемых по карточкам, постоянно расширялся, при этом калорийность питания населения постепенно снижалась. Государство ввело централизованный принцип распределения продовольственных товаров для гарантированного получения хотя бы минимума продуктов питания населения и во избежание надвигающегося продовольственного голода.

19 октября 1941 г. СНК СССР установил дифференцированные нормы в снабжении населения продовольственными продуктами. Нормы продовольственного снабжения для рабочих, служащих, иждивенцев и детей были неодинаковы. Рабочие первой категории получали суточную норму снабжения – 800 г хлеба; представители так называемой второй категории, в том числе врачи, фельдшеры, медицинские сестры и санитарки больниц по 600 г, простые служащие – 500 и 400 г, иждивенцы и дети до 12 лет – 400 г хлеба в сутки [Максимов 2010: 28–31].

В целях организации производства и заготовки сельхозпродукции, улучшения системы распределения продуктов на предприятиях ведущих отраслей промышленности с 1942 г. создавались отделы рабочего снабжения (ОРСы). Их деятельность сводилась в основном к организации собственного сельскохозяйственного

производства: ловли рыбы, сбора дикорастущих растений. ОРСы занимались также децентрализованными продовольственными заготовками в основном в близлежащих от себя регионах. В 1942 г. в стране было образовано не менее 2000 ОРСов. В дальнейшем, к январю 1944 г. их количество достигло 4000 [Калмыкия в Великой Отечественной войне 1966: 100]. В Калмыкии видимо по причине отсутствия крупных промышленных предприятий и больших городов не было необходимости создания ОРСов.

В связи с продовольственными затруднениями на основании распоряжения СНК СССР от 26 июня 1942 года по всей стране начали создаваться контрольно-учетные бюро продовольственных и промтоварных карточек. В их задачи входила проверка правильности выдачи карточек населению и контроль над расходованием нормированных продуктов общественного питания. Работники регулярно уточняли списки населения, штатную численность и списочный состав рабочих и служащих предприятий и учреждений, проверяли обоснованность распределения их по группам снабжения. В контрольно-учетных бюро продовольственных и промтоварных карточек наблюдалась большая текучесть кадров, поскольку, к примеру, штатный состав республиканского (Калмыцкой АССР) карточного бюро в основном составлял малограмотный и необученный коллектив. Отсутствие необходимого образования, достаточных профессиональных навыков, а также, говоря современным языком, корыстные случаи превышения должностных полномочий, являлись в основном главной причиной увольнения работников и ухода их с работы. Нормированная система распределения продовольствия имела свои определенные изъяны, чем ухищрялись пользоваться отдельные работники, которые похищали продовольственные карточки и сами продукты питания. Карточки и талоны сами по себе создавали широкое поле для мошенничества и спекуляции. В первые месяцы войны не было установлено должного контроля за работой учреждений по выдаче карточек, в связи с чем отмечались различного рода злоупотребления. Как свидетельствуют архивные материалы, Элистинское карточное бюро нередко грубо нарушало установленный Наркомторгом СССР порядок выдачи хлебных карточек. Было установлено, что рабочие

карточки нередко получали сторожа, завхозы, даже заведующие столовыми, которые не были приравнены к списочному составу рабочих. Самыми распространенными нарушениями подобного рода явились отсутствие учета при выдаче карточек, незаконная торговля хлеба без учета карточек из централизованного хлебного фонда.

Постановлением ГКО «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» от 22 января 1943 г. был усилен государственный контроль за торгующими организациями. Этим постановлением вводилась должность государственного инспектора по торговле [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 26]. Совнарком КАССР и бюро Калмобкома в Постановлении № 86/с от 22 марта 1943 г. отметили имеющиеся факты расхищения и разбазаривания продовольственных и промышленных товаров, злоупотребления с продовольственными, промтоварными карточками в торгующих организациях Калмыцкой республики: «в Долбанском улусе в декабре по Долбанскому сельпо (председатель тов. Говоров) отпущено незаконно 936 кг хлеба, 90 кг. муки, 295 кг пшеницы, в то время как население улуса недополучало хлеба. В январе 1943 г. Долбанский райвоенкомат без всяких талонов взял из Харахусовского рыбокоопа 52 кг крупы, из Коринского рыбокоопа по распоряжению сельсовета взято 60 кг хлеба. В Лаганском улусе в январе ошибочно выдано 38 хлебных карточек I-й категории рабочих и служащих и это составило завышение расхода хлеба в месяц на 456 кг. Такая же картина наблюдается в пос. Кануково» [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3. Д. 111. Л. 104].

Правонарушения, выявляемые в процессе распределения продовольственных товаров, оказывали самое негативное влияние на осуществление продовольственной политики центральными и местными партийно-государственными органами. Но в то же время, следует особо подчеркнуть, переход к карточной системе продовольственного снабжения имел все же положительные результаты. Использование данной системы способствовало организации в целом планомерной работы по обеспечению населения необходимыми продуктами питания и позволило избежать массового голода в регионах страны, в том числе и в Калмыкии. Следует

отметить, что нормы хлеба и других жизненно необходимых продуктов, установленные по карточкам, удовлетворяли лишь самый необходимый минимум потребностей людей. Например, в Элисте с введением карточной системы почти сразу в два раза уменьшилась среднедневная продажа хлеба. Вообще, повсеместно наблюдались значительные перебои с хлебом. Многие магазины не обеспечивали бесперебойное снабжение хлебом. Городские власти не могли обеспечить отоваривание даже детских карточек. Зачастую вместо положенного количества, хлеба поступало вдвое меньше и в этом случае торговые заведения выдавали его только рабочим, исключив из обеспечения хлебом детей и иждивенцев. Иногда вместо хлеба населению выдавали тесто. Так, магазин № 2 г. Элисты из 74143 кг, полагающихся по нормативам продажи хлеба, 26 дней реализовывал вместо хлеба тесто в количестве 14505 кг. Также имелись случаи, когда вместо хлеба выдавали зерно, включая кукурузу и горох. Совнарком КАССР в начале января 1943 г. в целях улучшения обеспечения населения хлебом, его качества и количества издал специальное постановление по организации снабжения частей Красной Армии и населения республики продовольствием, продуктами питания и фуражом, а также регулирующее ежедневную выпечку хлеба в количестве 2 т населению г. Элисты и пригородных сел: Троицкое, Вознесенка, Приютное и Ульдючины [НА РК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 843. Л. 23; Ф.Р.-131. Оп. 3 Д. 111. Л. 2].

Процесс оформления продуктовых карточек и снабжения продуктами питания населения в Калмыкии не был четко организован и вызывал недовольство населения региона. Люди затрачивали все свободное время вначале на простаивание в очередях, чтобы получить карточки, а затем на их отоваривание. Нормы отпуска хлеба и всех продуктов питания во время войны в республике менялись в сторону уменьшения, установленной государством. Впрочем, такая картина наблюдалась во многих регионах страны.

В продовольственной политике советского государства в условиях военного времени большое внимание уделялось продуктовому снабжению социально незащищенных слоев населения. Руководство КАССР старалось проявлять заботу о льготном контингенте населения: инвалидах Отечественной войны и их семей,

детских домах, детских садах, больницах, учителях и врачах. Партийные, советские, профсоюзные органы республики в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» постоянно занимались вопросами организации своевременного назначения, выплаты пособий, трудоустройства, обеспечения жильем, продуктами питания, одеждой и др. Только в течение первого месяца войны были назначены пособия 1781 семье военнослужащих первого призыва, к концу 1941 года пособия получали уже 4397 семей, и выплаченная им сумма составила 236800 руб. [История Калмыкии 2009: 81]. Весной 1943 г. по инициативе Калмыцкого обкома ВКП (б) во всех улусах прошли декадни в помощь семьям фронтовиков и партизан. В одном только Лаганском улусе в ходе этой акции по неполным данным было собрано семьям военнослужащих: 84 тыс. руб., 993 кг муки, 30 т рыбы, 110 кг крупы, 31 кг масла, 15 кг мыла, 512 предметов одежды, 65 пар обуви. В сентябре 1943 г. СНК КАССР в целях улучшения работы органов социального обеспечения улусных сельских Советов по трудовому трудоустройству инвалидов Отечественной войны постановил провести проверку во всех улусах материально-бытового положения всех инвалидов ВОВ и создания для них всех необходимых условий для устройства на работу и предоставления им продуктов питания [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3с. Д. 112. Л. 203]. Оценивая мероприятия, проводимые Правительством республики по продовольственному снабжению социально незащищенных слоев населения, необходимо отметить, что эта группа населения в регионе недостаточно обеспечивалась продуктами питания, их материально-бытовое положение оставалось на низком уровне. Постановления по улучшению жизни социально незащищенных слоев населения принимались, но из-за отсутствия финансовых и материально-технических ресурсов, они не могли быть реализованы в полной мере. По существу, это объясняется тем, что в те грозные военные годы для государства основополагающей составляющей являлась военно-оборонная деятельность и все средства использовались на военные расходы.

Следует отметить, что в продовольственной политике советского государства применялся дифференцированный принцип распределения продуктов питания. Во все времена существовала особая категория, которую составляли руководящие работники исполкомов, партийных органов, городских управлений, руководители предприятий, привилегированно снабжавшиеся продуктами и промышленными товарами или же пользовавшиеся повышенными нормами снабжения в военный период. Их снабжение регламентировалось союзными и региональными постановлениями органов власти. Для этого контингента руководящих работников функционировали закрытые точки, в которых организовывалась торговля хлебом, гастрономией, бакалеей, галантереей, промышленными товарами. В указанных магазинах имелся широкий ассортимент продовольственных товаров, рассчитанный на обеспечение ими партийно-государственных служащих.

Официальный статус руководящим работникам в распределительных отношениях был установлен постановлением СНК СССР 12 июля 1943 г. № 757–224е «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций». Следует заметить, что если до войны закрытыми видами распределения пользовались руководители верхнего слоя власти, то во время Великой Отечественной войны такой льготой стали пользоваться руководители региональной номенклатуры всех уровней. Еще ранее, в 1942 г. по постановлению СНК СССР от 17 сентября 1942 г. за № 3205/2364 под грифом «Секретно», руководящим работникам полагались литературные продовольственные обеды. Согласно новому постановлению все руководители партийного, советского, профсоюзного и хозяйственного актива подразделялись на три категории. В первую категорию входили руководители областных, окружных и городских партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных организаций, первые секретари райкомов ВКП (б) и председатели исполкомов местных советов. Они получали продовольственные карточки по нормам рабочих особых списков. Кроме того, они обслуживались литературными обедами, им отпускались сухие пайки. Работники, отнесенные к 1 категории, получали трехразовое питание с ли-

тером «Б» и имели право на дополнительное снабжение и лимиты второго горячего питания для работников, работающих в вечернее время, через специальные столовые и буфеты. Им даже по их желанию отпускалось до 3-х бутылок водки или вина в месяц.

*Таблица 11. Норма снабжения для работников, отнесенных к 1-й категории
[НА РК. Ф.Р.-131.Оп. 3. Д. 112. Л. 93]*

Наименование товаров	Нормы особого отпуска по карточке	Норма обеда литера «Б»	Сухой паек	Примечание
Мясо-рыба	2200	5000	2200	
Жиры	600	800	1000	
Крупа-макароны	1500	1500	2000	
Сахар-конд. изделия	500	600	2000	в т.ч. 1 кг печенья
Яйца		10 шт.		
Сухофрукты		500		
Молоко		1 л		
Хлеб	800	200		
Табак				300 г или 500 шт. папирос
Мыло хозяйственное				1 кусок
Мыло туалетное				1 кусок
Чай				50 гр.
Картофель		10000	10000	сезонная
Овощи		5000	5000	норма
По желанию отпускается до 3-х бутылок водки или вина в месяц				

В Калмыкии к первой категории по г. Элисте был отнесен 139 чел., ко второй – 174 чел, к третьей – 350 чел. Всего по г. Элисте по 3 группам данный контингент составлял 663 чел. В улусах к первой группе был отнесен 26 чел., ко второй группе – 26 чел., к

третьей группе не был отнесен ни один номенклатурный работник [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3. Д. 112. Л. 80]. 25 сентября 1943 г. вышло очередное Постановление СНК Калмыцкой АССР «О частичном изменении постановления Совнаркома республики и бюро обкома ВКП (б) «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций», которым был утвержден для улусов контингент второй группы в количестве 52 чел., за счет уменьшения для города Элисты контингента второй группы до 148 чел. Руководящие работники, отнесенные к первой группе снабжения, получали, в сравнении с третьей группой, куда были отнесены руководящие работники низшего звена, значительно больше мясных и рыбных продуктов, круп, сахара и кондитерских изделий. Кроме того, для руководящих работников было введено также и особое снабжение промышленными товарами. Руководители, относящиеся ко второй и третьей группам, получали продовольственные карточки по нормам рабочих промышленности, транспорта и связи. Для их продовольственного снабжения выделялось 1,8 кг мяса (рыбы), 400 г жиров, 400 г сахара, 1,2 кг крупы. Выдаваемые талоны на сухой паек обеспечивали их 2,2 кг мяса (рыбы), 600 г жиров, 500 г сахара, 1,2 кг крупы [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3. Д. 112. Л. 73, 77].

Продовольственные трудности в Калмыкии были вызваны прифронтовым, а затем и фронтовым положением региона в августе 1942 – начале 1943 гг. Партийно-советским органам КАССР, до оккупации некоторых улусов республики, пришлось в экстренном порядке решать задачи эвакуации значительной части населения, скота, техники и оборудования, а также эвакуации перегоняемого скота из Украины через территорию Калмыкии в Казахстан. Это, естественно, отвлекало от производства сельхозпродукции силы и средства. В результате стремительного продвижения немецко-фашистских войск на территорию республики под временную оккупацию попали г. Элиста с тремя пригородными колхозами, 8 улусов (районов) из 13-ти. Территория временной оккупации составила почти 43 тыс. кв. км (54 %), где осталось 1 237 277 голов скота или 72,8 % от общего поголовья скота республики. Были захвачены все зерновые районы, которые занимали 92 % всех по-

севных площадей региона [Максимов 2007: 130–131]. Временная оккупация разрушила сложившуюся до войны инфраструктуру аграрного комплекса республики и временно оккупированные районы выпали из сельскохозяйственного оборота, сократив объем и потенциал сельскохозяйственного производства. Население Калмыкии, оставаясь в оккупированной части республики, испытывало больше продовольственных трудностей, жило, естественно, в более тревожной обстановке, опасаясь за свою жизнь, безопасность родных и близких, в постоянном страхе, что враг в любое время захватит личный скот и имущество, разграбит жилище. Повседневную жизнь человека в условиях оккупации было бы точнее назвать как «выживание». Многие жители оккупированных территорий республики погибли от голода и болезней, были уничтожены во время различных карательных акций. Кто-то смог пережить тяжелое время, а кто-то сломался, стал сотрудничать с нацистами. Но в целом, население оккупированных районов республики жило общими проблемами страны, с нетерпением ждало радостных известий с фронта, долгожданной и доброй весточки от своих отцов и сыновей, воевавших с ненавистным врагом.

На не оккупированных территориях местному населению также приходилось бороться за свое выживание, поскольку трудности военного времени коснулись в полной мере и их. Трудовые усилия сельских жителей не могли полностью восполнить их потребность в продуктах питания, тем более централизованные поставки в регион практически не выполнялись из-за нехватки продовольствия в целом по стране, захватом основных хлебопроизводящих районов, военными действиями в европейской части СССР и на территории самой республики. В структуре мотивации крестьян к труду, безусловно, было осознание ими неизбежности тягот и лишений, продовольственных трудностей, вызванных войной, но, пожалуй, в большей степени – страх наказания за невыполнение своего «долга», приказа центрального и местного начальства. И по эту сторону линии фронта находились те, кто шел в услужение к немецким оккупантам. Причины были самые разные: лютая ненависть к советской власти, желание «отплатить большевикам», удовлетворение собственных нереализованных амбиций путем

получения власти при новом режиме. Но таких перебежчиков было единицы. Люди самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, в совхозах и колхозах, своевременно сдавали государству сельскохозяйственную продукцию, участвовали, не за страх, а за совесть, в движении сопротивления оккупантам в составе партизанских отрядов, подпольных групп ЦК ВКП (б) и разведывательно-диверсионных групп НКВД на оккупированной территории родной республики. Партийным и государственным органам на местах, в общем, удалось настроить не воюющее население республики на четкую мобилизацию всех сил на нужды обороны, а само оно в основной своей массе проявило свои лучшие человеческие и нравственные качества.

Осенью 1943 года снабжение гражданского населения в целом по стране, в том числе жителей Калмыкии, продуктами питания значительно ухудшилось. Это было связано с засухой в Поволжье и сокращением хлебозаготовок, а также с тем, что пришлось выделять продовольственные ресурсы для населения освобожденных от немецко-фашистских захватчиков регионов страны. Поэтому 15 ноября 1943 года СНК СССР издал постановление «Об экономии хлеба», в котором разрешалось при изготовлении муки для хлебопеченья использовать до 25–30 % ячменя, овса и проса. Постановлением сокращались нормы отпуска хлеба. Согласно постановлению СНК КАССР за № 627 от 19 ноября 1943 г. повсеместно устанавливались новые нормы снабжения хлебом. В сельских местностях были определены следующие хлебные нормы: рабочим с предприятий – 500 г, служащим в пределах – 300 г иждивенцам и детям – 200 г, при этом общий расход муки не должен был превышать установленного фонда расхода в месяц [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 114. Л. 175]. Чуть ранее, специальным постановлением СНК КАССР от 12 августа 1943 г. было принято решение, официально закрепляющее к продовольственным фондам, согласно нарядов Госплана Калмыцкой АССР, рыбаков Калмыкколхозсоюза [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 112. Л. 66].

Одновременно улусным исполкомам совместно с торговым отделом предоставлялось право в сельских местностях уменьшать норму хлеба рабочим и служащим, снижать снабжение хлебом

членов их семей, в зависимости от их обеспеченности продовольственными ресурсами собственных хозяйств. При этом, дополнительная обеденная норма хлеба 200 г районному руководству сохранялась [НА РК. Ф.Р.-131. Оп. 3 с. Д. 113. Л. 56]. Порядок снабжения сельского населения хлебом, другими продовольственными товарами и предметами первой необходимости регулировался постановлением СНК СССР от 15 ноября 1943 г. «О мерах по обеспечению вывозки хлеба из глубинных пунктов».

Введение нормированной системы распределения ограниченных продовольственных ресурсов позволило в минимальном размере обеспечить продовольствием население республики. Установленный в регионе минимальный размер, хотя не всегда соответствовал установленным по стране нормам, однако позволял получать необходимый минимум основных продуктов, а также в какой-то мере стимулировать увеличение производительности труда. Вне сомнения, нормированное снабжение позволило гражданскому населению Калмыкии выжить в нелегких условиях военного времени.

Ухудшение в целом продовольственной ситуации в стране требовало от местных властей и общественных организаций использования внутренних ресурсов снабжения. Одним из дополнительных источников снабжения населения продовольствием стало развитие подсобных хозяйств, коллективного и индивидуального огородничества. Особую значимость развитие огородничества получило в связи с острой необходимостью и недостатком продуктов питания, в особенности недостаточным обеспечением населения хлебом. Собранный на огородах урожай стал весомым дополнением к скудному и однообразному питанию рабочих и служащих предприятий и учреждений. В Калмыкии, как и в других территориях страны, население создавало, если так можно выразиться, «собственную продовольственную базу», источниками пополнения которой были подсобные хозяйства, коллективные и индивидуальные огороды, охота, сбор грибов и ягод. Практически повсеместно, по воспоминаниям ветеранов, было развит такой необычный промысел, как ловля сусликов, мясо которых стало важным элементом питания в рационе степняков. Эти источники

продовольствия продолжали играть большую роль в питании населения региона до конца войны и помогли выжить многим людям в трудные военные годы.

Калмыкия, как исторически сложившийся район интенсивного животноводства, стала в первые два с половиной года войны стабильной базой для производства мяса, способствовала созданию устойчивых мясных резервов Советского Союза. На базе сельского хозяйства и местной промышленности она поставляла на фронт хлеб и все необходимые продукты, седла, уздечки, повозки и другой конский инвентарь. КАССР вносила посильный вклад в продовольственное обеспечение армии и населения СССР вплоть до 28 декабря 1943 года – роковой черты в истории калмыцкого народа, когда республика была лишена автономного статуса, а сам он был незаконно и насильственно выслан в сибирскую ссылку.

25 июля 1944 г. Берия в докладной записке Сталину, Молотову и другим руководителям государства проинформировал их о голоде в стране. В отдельных местностях на почве недоедания и почти полного отсутствия продовольствия имели место случаи употребления в пищу мяса павших животных и собак. Из-за отсутствия пищевых продуктов население питалось корнями трав. В связи с продовольственными затруднениями наблюдались даже случаи детоубийства и самоубийства. Часто случались массовые кражи продовольствия из погребов и овощей с огородов. Значительное число краж совершалось на почве продовольственных затруднений, в том числе членов семей фронтовиков. Хищения вызывали озлобление у потерпевших, которое в ряде случаев принимало форму самосуда со смертельным исходом. 17 апреля 1945 г. Берия докладывал Сталину, Молотову, Маленкову о голоде уже в Узбекской, Кабардинской и Бурят-Монгольской АССР, где в связи с неурожайностью в 1944 г., а также неудовлетворительным завозом хлебопродуктов, население ряда районов испытывало «острую нужду в продуктах питания и имеются случаи смертности от истощения». В это же время на огромных просторах Восточной Сибири, Казахстана, Дальнего Востока терпел настоящее бедствие высланный по политическим мотивам калмыцкий народ, потерявший из-за сталинского произвола, голода и холода почти половину своей численности.

География «военного» голода была достаточно широка и охватывала самые различные в природно-климатическом отношении районы. Органами НКВД указывалось, что продовольственные трудности наблюдались в селениях, где «колхозники на трудодни почти ничего не получали». Одной из основных причин голода были также неблагоприятные погодные условия разных регионов в 1943 и 1944 гг. Сказывалось крайнее ослабление материально-технической базы сельского хозяйства, слабая экономика колхозов. В семьях фронтовиков, оставшихся без «кормильцев», по существу некому было заниматься и личным хозяйством, разного рода промыслами. Конечно же, одна из причин голода заключалась в непродуманной политике властей, постоянно перегибавших палку по части «заготовок» сельхозпродуктов в колхозах и не умевших, или не желавших вовремя прийти на помощь голодающим. При всем этом, «военный» голод было бы неправомерно ставить на одну доску с голодоморами 1921, 1932–1933, 1946–1947 гг., когда число голодающих и жертв голода исчислялось миллионами. «Военный» голод вернее было бы отнести к разряду локальных, что, впрочем, ни в коей мере не уменьшает его трагизма.

Во многом ответственность за голод ложится на верховное руководство страны и лично Сталина, боявшегося распространения правдивых слухов о голодном бедствии населения во время победоносного наступления Красной Армии. Информация о голоде в отдельных районах страны в военные годы была засекреченной, неслучайно она поступала от органов НКВД–МВД, а не от органов здравоохранения, снабжения, заготовок и других органов, казалось бы призванных быть в курсе уровня жизни народа. Изначально у Сталина отношение к правде о бедственном положении народа было как к чему-то «контрреволюционному», попадающему в компетенцию органов государственной безопасности.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что, несмотря на продовольственные трудности, пережитые населением страны, в том числе и Калмыкии, продовольственная политика советского государства в Великую Отечественную войну сыграла решающую роль в обеспечении армии и тыла максимально возможным на тот момент произведенным количеством сельхозпродукции, в приближении великой Победы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе еще незавершившейся гражданской войны большевистское руководство столкнулось с задачей обеспечения продовольствием населения страны. Продразверстка лишь отчасти решила продовольственную проблему и голод 1921 г., поразивший ряд регионов европейской части СССР, явился свидетельством краха политики военного коммунизма. Для подъема народного хозяйства была необходима совершенно другая экономическая политика, способная дать толчок развитию ее основных отраслей. Новая экономическая политика, пришедшая на смену политике военного коммунизма, раскрепостила и оживила экономику, дала зеленый свет частной инициативе, позволила стране за короткое время достичь или заметно приблизиться к довоенным экономическим показателям.

Конец 1920-х и 1930-е гг. прошлого века явились переломными в российской истории, поскольку именно в это время руководство страны стало жесткими командно-административными методами ускоренно проводить индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства. Сегодня трудно сказать, была ли замена нэпа политикой все большего вмешательства государства в экономические процессы единственно верным решением в то сложное противоречивое время. Безусловно, в условиях угрозы надвигающейся войны, необходимо было удваивать темпы экономического роста и укреплять обороноспособность страны. Не имея достаточных финансовых ресурсов и возможностей внешних заимствований на приемлемых условиях, нужно было перестраивать и модернизировать промышленный сектор страны. С этой позиции, проведение индустриализации представляется шагом необходимым и исторически оправданным. Ведь, в конечном счете, от темпов ее проведения зависели экономическая и военная мощь советского государства, его способность противостоять капиталистическому окружению. Но согласно расчетам некоторых российских и зарубежных экономистов темпы промышленного раз-

вития при сохранении нэповской системы могли быть значительно выше, и страна могла бы иметь к моменту начала войны более высокий промышленный потенциал. К тому же, по их мнению, он был бы выстроен более сбалансировано и без характерных проявлений чрезвычайщины. Сталинская же политика индустриализации, напротив, породила падение темпов роста, что особенно было заметно на завершающем этапе «великого перелома».

С другой стороны, была ли необходимость в ускоренной коллективизации сельского хозяйства, в условиях, когда уже в годы нэпа индивидуальные крестьянские хозяйства практически смогли обеспечить продовольствием все население страны и имели хорошие перспективы экономического роста. Перестройка экономического курса на селе объяснялась тяготением большевиков к коллективному хозяйствованию на земле, к общине, но, как показал дальнейший ход истории, само крестьянство в общей массе не было готово к объединению своих хозяйств. Это во-первых, шло вразрез с их менталитетом, во-вторых, они видели, что те немногие коллективные хозяйства, имевшиеся к тому времени в стране, несмотря на определенные преференции со стороны государства, были не способны к эффективному труду и не доказали своего преимущества над частными производителями сельхозпродукции. И тогда нашлось, на взгляд «коммуняк», одно единственное, верное решение – ломать, переламывать, переделывать крестьянский менталитет, насильственно загонять крестьян в прокрустово ложе коммун, колхозов и других общественных форм хозяйствования, не считаясь ни с их чаяниями, многовековыми традициями и устоями. Так получилось, что супротив своей воли крестьянская Россия по волюнтаристскому решению одного человека – Сталина, пошла по пути ненавистного им коллективного хозяйствования в аграрном секторе и поплатилась жизнью миллионов сельчан, ставших жертвами невиданного коммунистического эксперимента в сельском хозяйстве. Насильственная коллективизация, осуществленная с особой жестокостью, никак не оправдывает позицию тех исследователей, считающих, что достигнутое в конце 1930-х гг. техническое перевооружение аграрного сектора за счет форсированной индустриализации, некоторые позитивные результаты в

сельскохозяйственном производстве коллективными хозяйствами, завоеванные за большой временной отрезок, стоили того, чтобы ее проводить. В противовес подобным суждениям следует сказать, что за десятилетие колхозного строя страна так и не достигла по многим показателям сельхозпроизводства дореволюционного уровня. Но об этом мы скажем чуть ниже. Следствием коллективизации сельского хозяйства стал невиданный ранее в российской истории голод 1932–1933 гг., повлекший демографическую катастрофу. Продовольственные трудности, продовольственный дефицит, как показало и наше исследование, постоянно преследовали многие регионы СССР, в том числе и Калмыкию, они были не редким явлением в советской действительности. Была уничтожена самая трудоспособная и предприимчивая часть крестьян, любивших и умевших трудиться на земле, выращивать скот. Последствия вот такой антикрестьянской коллективизации российская деревня испытывала еще долгие годы и до сих пор продолжает ощущать. Как жаль, что история не знает сослагательного наклонения и можно только предположить, какого уровня экономического роста достиг бы российский аграрный сектор, если развивался на принципах нэпа, с опорой на индивидуальные крестьянские хозяйства.

Дело историка не столько рассуждать, как могло быть при благоприятном стечении обстоятельств, что тоже конечно важно, а сколько показывать, как те или иные события или явления рождались, развивались, влияли на развитие общества, страны, жизнь граждан. Важно «учиться» на уроках истории, какой бы горькой она не была и не повторять прошлых ошибок, находить все ценное и полезное, что можно извлечь из исторического опыта.

Таким образом, в изучаемый нами период в стране начались модернизационные процессы, произошла смена экономической стратегии. Вместо новой экономической политики стала проводиться в жизнь политика форсированной индустриализации, ускоренной коллективизации сельского хозяйства. В настоящем исследовании нами была сделана попытка рассмотреть, как проводились командно-административными методами хозяйствования и управления экономикой модернизационные процессы в отдельно взятом регионе – Калмыкии. Особое внимание было уделено

исследованию процесса трансформации крестьянского хозяйства и сельскохозяйственного производства в Калмыкии в условиях перевода хозяйств из единоличной в коллективную форму хозяйствования. Кроме этой задачи, коллективизация крестьянских хозяйств в Калмыкии решала задачу специфического характера – переход от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлому. В этом заключалась одна из важнейших особенностей коллективизации в регионе. Переход кочевых и полукочевых хозяйств к оседлому образу жизни в Калмыкии начался еще в дооктябрьский период и происходил до развертывания в стране массовой коллективизации. В 1920 г. стационарным хозяйством занималось всего 365 калмыцких семей [Очерки истории Калмыцкой АССР 1970: 122], а всего в Калмыкии в указанном году было 33,4 тыс. индивидуальных животноводческих хозяйств, ведущих в основном кочевой образ жизни. К концу 1925 г. в Калмыцкой автономной области к оседлому образу жизни перешло 17365 хозяйств, что составило 55,8 % всех хозяйств Калмыкии [История Калмыкии...Т. 2. 2009: 327]. Переход к оседлости нередко вызывался падежом скота вследствие зуда или эпизоотий. Но особенно быстрым он был в земледельческих районах калмыцкой степи, где калмыцкое население под влиянием соседнего русского, украинского, немецкого населения стали заниматься выращиванием земледельческих культур и одним из важных факторов перехода к оседлости стала более высокая экономическая эффективность земледелия и свойственных ему систем содержания скота. Высокий процент оседлости калмыцкого населения был в приморских улусах, там, где калмыки занимались рыболовством, требующего в силу специфики производства объединенного труда и наличия стационарных помещений в рабочих поселках. Например, в Яндыко-Мочажном улусе к началу 1923 г. к оседлости перешло 2503 калмыцких семей [НА РК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 291]. Вместе с тем, в 1929 г. из 75 % населения КАО, занимавшегося животноводством, 66,4 % продолжало вести кочевой и полукочевой образ жизни. С развертыванием коллективизации перевод кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни принял массовый и плановый характер. Он являлся важнейшим шагом в преодолении социально-экономиче-

ской отсталости КАО. Государство выделило значительные средства на строительство колхозных поселков с производственными сооружениями (скотными дворами, зернохранилищами, складами, кузницами, мастерскими), жилыми домами, школами, больницами, клубами и другими учреждениями. Отпускались кредиты для снабжения оседавших хозяйств сельскохозяйственным инвентарем, предоставлялись налоговые льготы. Основная масса кочевых и полукочевых хозяйств перешла к оседлому образу жизни в годы второй пятилетки. Хозяйства, перешедшие к оседлому образу жизни, обычно сразу же объединялись в колхозы.

В этот период массовая коллективизация сельского хозяйства и раскулачивание крестьянства привели к образованию абсолютно нового социально-экономического уклада в деревне, основанного на принципах коллективного хозяйствования. Однако, производство сельхозпродукции коллективными хозяйствами не давало желаемого результата. Собственно колхозные поля в пропорциональном плане давали значительно меньше продукции, чем малочисленные индивидуальные крестьянские хозяйства. Последние практически были вытеснены из производственного процесса деревни: если до и в начале коллективизации это осуществлялось насильственным образом – путем массового выселения зажиточных крестьян из обжитых мест, то на завершающем ее этапе – налоговыми, реквизиционными и другими мерами, подводя индивидуальные хозяйства под разорение, тем самым не давая крестьянам другого выхода, как идти в колхозы. Коллективизация имела тяжелые последствия в целом для страны. В результате массовой коллективизации было ликвидировано до 15 % хозяйств, признанных кулацкими, хотя, по данным переписи 1929 г., их было всего 3 %. Был уничтожен слой зажиточных крестьян-кулаков, которые умели успешно работать на земле и тем самым обеспечивали продовольствием население страны.

Результатом трансформации аграрной сферы было раскрестьянивание – процесс, связанный с сокращением численности крестьянства, а также с изменением образа жизни сельских жителей. В Калмыкии, правда, не произошло резкого сокращения крестьянского населения, как в других регионах, видимо ввиду того,

что в республике не велось интенсивное промышленное строительство и, следовательно, не отмечалось роста городов, а также в связи со слабым знанием русского языка калмыцким населением и отсюда невозможностью поехать на рабочие стройки за пределы своего региона.

Калмыцкая деревня в предвоенные годы претерпела серьезные изменения, в ней произошла резкая ломка сельского уклада жизни, размеренный ритм деревенского бытия сменился на более динамичный. Новые веяния жизни выразились в переходе к оседлости коренного населения – вчерашних кочевников, приобщении их к грамоте, общественной жизни в виде участия в выборных кампаниях, призыве молодежи из числа калмыцкой национальности на действительную службу в рядах Красной Армии и т. п. Коллективизация способствовала развитию интенсивных форм ведения хозяйства с применением машинной техники, которая поставлялась с построенных в результате проведения индустриализации в СССР тракторных заводов. Машинная техника была сосредоточена в основном в системе государственных машинно-тракторных станций, обрабатывавших колхозные поля за натуральную плату, размеры которой устанавливались сверху. Это, конечно, ускорило процесс технической реконструкции в сельском хозяйстве, но вместе с тем создало материальную основу для неэквивалентного обмена между колхозами и государством и для утверждения и функционирования командно-мобилизационной системы в колхозном секторе сельского хозяйства. Параллельно складывалась система директивного колхозного планирования и командования колхозами со стороны громоздкого партийно-советского аппарата, предписания которого должны были безотлагательно исполняться. Введение паспортов для всего населения страны, кроме колхозников, лишило их возможности свободного перемещения – и территориального и, главное, социального, связанного со сменой занятий. На деле это означало юридическое прикрепление крестьян к колхозам, придавало их труду принудительный характер.

В результате модернизации аграрной сферы не произошло качественного улучшения жизни селян. Сами колхозы были лишены самостоятельности и являлись бесправным придатком ад-

министративно-бюрократического аппарата власти. Руководители колхозов, рядовые колхозники, а также директора совхозов, работники МТС, служащие и др. за невыполнение планов хозяйственной деятельности, которым зачастую припоминались «прошлые грехи» из биографии, привлекались к административной и уголовной ответственности. В 1930-е годы массовые аресты, произвол, внесудебные расправы, разгул репрессий, сфальсифицированные политические процессы, насильственное устранение видных деятелей партии и государства республиканского масштаба стали характерным явлением в жизни автономии, как и всей страны. Идеологическим обоснованием этих явлений стал известный сталинский тезис об обострении классовой борьбы в стране в условиях социализма, который вождь провозгласил в 1937 г., ставшем самым страшным годом массовых репрессий. «Большой террор» затронул все слои советского общества. Нормой жизни стало отторжение миллионов советских людей от общественной жизни – лишение гражданских прав, отстранение от должностей, ссылки, тюрьмы, лагеря, смертная казнь. В Калмыкии под жернова сталинских репрессий попали такие видные государственные и партийные руководители, как Х. Джалыков, А. Амур-Санан, В. Хомутников, А. Чапчаев, молодые начинающие поэты К. Эрендженев, С. Каляев и др.

К концу 1930-х гг. колхозы объединяли в СССР более 90 % крестьян. В Калмыкии в 1940 г. было 177 колхозов. Создание колхозов не привело, вопреки ожиданиям, к росту сельскохозяйственного производства в стране. В 1936–1940-х гг. валовая продукция сельского хозяйства осталась на уровне 1924–1928 гг., т.е. доколхозной деревни. Вместе с тем, коллективные хозяйства позволили значительно увеличить государственные заготовки сельскохозяйственной продукции, особенно зерна. Калмыкия относилась к потребляющим регионам, основным направлением сельскохозяйственного производства было мясное животноводство, овцеводство. В связи с этим республике были установлены плановые задания по мясозаготовкам, а также по хлебозаготовкам, так как западные районы региона занимались посевом зерновых. Чтобы полностью удовлетворить потребности населения этих районов

в продуктах питания, необходимо было дополнительно завозить сельскохозяйственную продукцию из других регионов страны. Со временем становилось ясно, что экстенсивные системы земледелия и животноводства исчерпали свой потенциал, и справиться с возросшими плановыми заданиями по производству сельхозпродукции аграрная сфера региона уже не могла. Противоречивость ситуации в аграрном секторе заключалась в том, что достигнутые производственные результаты не облегчили тяжелое экономическое положение хозяйств и колхозников в предвоенное время. В результате насильственной коллективизации произошло отчуждение сельских жителей от собственности и результатов своего труда на земле. Колхозники не имели заинтересованности в расширении общественного производства. Они не стали носителями модернизационных изменений. Обобщественный труд вчерашних частных, насильно загнанных в колхозы, оплачивался очень низко. Даже начисленные минимальные трудодни не выдавались ни в натуральном, ни в денежном выражениях. В колхозную эпоху отсутствовали стимулы экономической активности крестьян-колхозников, необходимо было выживать, а не накапливать. Крестьянство Калмыкии оставалось самой бедной частью населения региона. Почти половина всей сельхозпродукции выращивалась на небольших приусадебных участках сельских жителей, в личных скотных дворах, к тому же полученная сельхозпродукция облагалась значительным налогом. Несмотря на все изменения, которые принесла с собой в деревню коллективизация, крестьянское хозяйство сохранилось, поскольку выполняло важнейшую функцию – обеспечение крестьянской семьи необходимыми продуктами. Крестьянский двор в целом сохранил черты традиционного семейного хозяйства: многоотраслевую структуру, полунатуральный характер, использование трудового потенциала семьи. Наряду с колхозно-совхозным сельхозпроизводством, крестьянское хозяйство сыграло важную роль в обеспечении продовольственной безопасности страны, хотя в целом можно сказать, что обостренная продовольственная проблема при Советской власти стала постоянным признаком существования людей. Государство с конца 1920-х гг. пыталось решать проблему нехватки продуктов

питания путем народнохозяйственного планирования и централизованного распределения, которые в силу сложности объекта управления далеко не всегда справлялись с поставленной задачей. Особое влияние на решение проблем продовольственной безопасности оказала деформированная структура советской экономики: в хозяйственной политике преимущественное внимание уделялось тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству, легкой и пищевой промышленности. В результате такой однобокой политики в Калмыкии не произошло значительного увеличения численности скота и зерновой продукции, что вкупе с недостаточной продовольственной помощью региону из федерального Центра, отразилось на бедственном положении населения республики, испытывавшего постоянный недостаток в основных продуктах питания – хлебе и мясе. Виной продовольственных трудностей в республике в предвоенное время были также и непомерные хлебозаготовки и скотозаготовки, а также природные аномалии в виде повторяющихся из года в год засух.

Великая Отечественная война стала испытанием прочности тыла, и, в том числе, способности аграрного комплекса КАССР действовать в условиях военного времени. В связи с начавшейся войной перед сельским хозяйством возникли весьма усложненные войной задачи – производство достаточного количества продовольствия для обеспечения многочисленной армии и многомиллионного населения, находившегося на государственном довольствии. Их пришлось решать в условиях снижения государственных дотаций на развитие сельского хозяйства и сокращения трудовых и материально-технических ресурсов. Колхозы и совхозы почти весь урожай, большую часть скота должны были сдавать государству в счет обязательных поставок. Сбор зерновых в республике в военные годы заметно сократился, произошло сокращение поголовья скота. Прифронтовое, а затем и фронтовое положение региона в 1942 году усилило трудности производства продовольствия, связанные с войной. Сельскохозяйственные работы на незанятых врагом территориях Калмыкии продолжались, шла заготовка продовольствия для обеспечения армии. Калмыцкая АССР до конца марта 1942 г. поставила государству из урожая 1941 г. 60 626 т зерна.

Наряду с обеспечением процесса сельскохозяйственного производства пришлось решать задачи эвакуации значительной части скота, техники и оборудования не только из республики, но и перемещенного из Украины и других регионов страны. Это, естественно, отвлекало от производства силы и средства. Временная оккупация части Калмыкии разрушила сложившуюся до войны инфраструктуру аграрного комплекса. Оккупированные районы выпали из сельскохозяйственного оборота, сократив потенциал сельскохозяйственного производства. Государственное регулирование сельского хозяйства позволило провести максимальное извлечение всех ресурсов деревни. Одним из элементов регулирования в годы Великой Отечественной войны стали мобилизационные мероприятия государства, направленные на производство максимально возможного количества продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Такие мероприятия носили характер идеологического, политического, материального и дисциплинарного воздействия на основных производителей сельскохозяйственной продукции – крестьянство. В ходе войны в аграрном комплексе Калмыкии произошло резкое сокращение трудовых ресурсов. Всеобщая мобилизация отняла от процесса производства основную массу трудоспособного населения и в первую очередь – квалифицированные сельскохозяйственные кадры: трактористов, комбайнеров и механиков. Происходил постоянный отток трудовых ресурсов деревни в армию и промышленность. Основная тяжесть работы падала на оставшихся на селе женщин, стариков и подростков. Государственными органами в регионе в постоянном режиме решались вопросы подготовки сельскохозяйственных кадров на краткосрочных курсах механизаторов, трактористов и комбайнеров при МТС, в школах механизации и совхозах, в том числе из числа женщин. Уже к ноябрю 1941 г. из калмыцких девушек было подготовлено 840 трактористок, 320 комбайнеров, 137 шоферов, 73 моториста и судоводителя. Был увеличен на каждого работающего обязательный минимум трудодней, он коснулся и подростков – членов семей колхозников в возрасте от 12 до 16 лет. За его выполнением устанавливался строгий контроль. За систематическое невыполнение установленного минимума трудодней

колхозники подлежали уголовной ответственности. Для повышения производительности труда в колхозах и совхозах, проведения идеологической, политической и организационной работы среди крестьян, контроля за трудовой дисциплиной восстанавливались политические отделы МТС и совхозов, ликвидированные в довоенное время. Для увеличения объема производимой продукции широко применялись методы материального и морального поощрения, развертывалось социалистическое соревнование между бригадами, звеньями, колхозами, совхозами. Относительная стабильность производства сельскохозяйственной продукции в основном была обеспечена именно наличием командно-административной системы воздействия на тружеников сельского хозяйства.

Мобилизационные мероприятия государства в Великую Отечественную войну, направленные на увеличение объема сельскохозяйственного производства и его поставок в фонд обороны, и прежде всего героический труд сельских жителей сыграли основную роль в обеспечении армии и тыла достаточным количеством продовольствия для достижения Победы. Сами крестьяне практически жили впроголодь, но они отдавали последнее для нужд фронта, так как в действующей армии сражались их сыновья, отцы и братья.

После освобождения значительной территории страны от немецко-фашистских захватчиков усилилась репрессивная политика по отношению к отдельным национальностям (балкарцам, ингушам, карачаевцам, калмыкам, крымским татарам, чеченцам). В конце 1943 – начале 1944 гг. эти народы были высланы из родных мест, но находясь в политической ссылке по национальному признаку, активно участвовали в местах временного пребывания в восстановлении разоренной экономики страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХИВЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

- Ф. 3316 ЦИК СССР
- Ф. 1235 ВЦИК
- Ф. 374 ЦСУ РСФСР
- Ф. 1064 Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК (ЦК помгол)
- Ф. Р.–5263 Постоянная комиссия по вопросам культа при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР
- Ф. Р.–130 СНК РСФСР и подведомственных ему учреждений
- Ф. Р.–5451 ВЦСПС

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

- Ф. 478 Народный комиссариат земледелия
- Ф. 7446 Колхозцентр СССР и РСФСР
- Ф. 484 Центральный союз потребителей
- Ф. 764 Наркомпрод СССР
- Ф. 8040 Комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов (Комзаг СССР) 1932–1938 гг.
- Ф. 1562 Статистическое управление СССР

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 17. ЦК КПСС ЦК РКП (б), ЦК ВКП (б)

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

- Ф. Р.–3 Центральный исполнительный комитет Калмыцкой АССР
- Ф. Р.–1 Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР
- Ф. Р.–131 Совет народных комиссаров Калмыцкой АССР
- Ф. Р.–166 Каспийский районный отдел социального обеспечения
- Ф. Р.–9 Фонд областного отдела здравоохранения

- Ф. Р.–89 Калмыцкий союз рыболовецких колхозов (Калмырбакколхозсоюз)
- Ф. Р.–68 Республиканская чрезвычайная комиссия по расследованию злодеяний фашистов
- Ф. Р.–112 Представительства КАССР при Президиуме ВЦИК
- Ф. Р.–136 Калмыцкий государственный рыбопромышленный трест
- Ф. Р.–26 Статистическое управление Калмыцкой АССР
- Ф. Р.–21 Исполнительный комитет Малодербетовского улусного совета народных депутатов
- Ф.Р–49 Исполком Хошеутовского улусного Совета рабочих, крестьянских и ловецких депутатов
- Ф. Р–50 Хошеутовский волостной народный суд
- Ф. Р–53 Калмбазаринский народный суд
- Ф. Р–98 Ремонтненский уездный народный суд
- Ф. П.–1 Калмыцкий обком ВКП(б)
- Ф. П.–22 Калмыцкий областной комитет ВЛКСМ
- Ф. П.–9 Сарпинский райком КПСС

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Бюллетень Областного статистического бюро при ЦИК Калмыцкого трудового народа [Текст]. – Астрахань: 1922. № 2: Июль-сентябрь. 1922.

Важнейшие законы и постановления Советского государства во время Великой Отечественной войны [Текст] – М.: Воениздат, 1946.

Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. – М.: Сельхозгиз, 1948. – 560 с.

Данилов В. П., Кондрашин В. В. Перечень сборников документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, опубликованных с 1957 г. по 1998 г. [Текст] / В. П. Данилов, В. В. Кондрашин // Трагедия советской деревни. Т. 1. – М.: 1999.

Два года пятилетки [Текст]: Материалы к отчету Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета Советов РК и КД за период от 1 до 2 краевого съезда Советов. – Саратов: изд-е Нижне-Волжского крайисполкома, 1931. – 120 с.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. [Текст]: Сб. док. В 4 тт. Т. 2. 1929–1945 гг. – М.: Госполитиздат, 1957. – 846 с.

Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М.: Юриздат, 1943. 294 с.

Индустриализация Нижнего Поволжья. 1926–1941 гг. [Текст]: Док. и мат.-лы. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн.изд-во, 1984. – 320.

Калмыкия в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. [Текст]: Сб. документов и материалов / 2-е, перераб. и доп. – Элиста: Калм. кн.изд-во, 1985. – 510 с.

Коллективизация сельского хозяйства [Текст]: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927–1935. – М.: изд-во АН СССР, 1957. – 575 с.

Колхозы во второй сталинской пятилетке [Текст]: Статистический сборник / под ред. И. В. Саутина. – М.; Л.: Госпланиздат, 1939. – 240 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1970) [Текст]: Т. 1–4. Т. 4. – М.: Политиздат, 1970. – 1200 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст]. Т. 5. (1931–1941). – М.: Политиздат, 1971.

Лицом к деревне: Сб. докладов, речей, статей и резолюций по вопросам кооперативной и партийной работы в деревне. Л.: Кооперация, 1924

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД [Текст]: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. – М.: 2004.

Материалы IX областной партийной конференции ВКП (б) [Текст] – Астрахань: 1927. – 295 с.

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 [Текст]: Статистический сборник. – М.: Информационно-издательский центр, 1990; РСФСР за 60 лет [Текст]: Статистический ежегодник. – М.: Статистика, 1977. – 367 с.

Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник [Текст] / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.

Отчет ЦИК автономной области трудового калмыцкого народа VI общекалмыцкому съезду Советов. – Астрахань, 1925.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. и мат.-лов за 50 лет. М.: Политиздат, 1967.

Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. 2-е изд-е., испр. и доп. М.: Госторгиздат, 1944. 180 с.

Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954. М.: Госполитиздат, 1954

Свод законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР [Текст] – М.: Советское законодательство 1930. № 57. Ст. 598

СЗ СССР. 1935.

СЗ СССР. 1938.

СЗ СССР. 1939.

Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР [Текст] – М.: 1943.

Собрание постановлений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР [Текст] – М.: 1941.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР)–1929, Ст. 589

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) [Текст]: Сб. док. Т. 1–8 (12 книг). – М.: ИРИ РАН, 2001–2008.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 [Текст]: Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934. Кн. 1: 1930–1931. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН: «Российская политическая энциклопедия», 2003. – 864 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 1999.

Статистический сборник по Саратовской губернии [Текст]: – Саратов, 1923.

Статистический сборник по Саратовской губернии [Текст]: – Саратов: 1923.

Статистический справочник Нижней Волги. 1929–1933 [Текст]: Сталинград: изд-е журнала Нижнее Поволжье, 1934.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг. [Текст]: Документы и материалы: В 5-ти т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН: «Российская политическая энциклопедия», 1999. – 880 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг. [Текст]: Документы и материалы: В 5-ти т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН: «Российская политическая энциклопедия», 2000. – 928 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 [Текст]: Документы и материалы. В 5-ти т. – М.: (РОССПЭН): «Российская политическая энциклопедия». Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — М.: (РОССПЭН) «Российская политическая энциклопедия», 2001. – 1008 с.

Установление и упрочение Советской власти в Калмыкии (январь 1918 – апрель 1919 гг.) [Текст]: Сб. док. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973.– 352 с.

Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы [Текст] / В. В. Цаплин // Материалы к серии «Народы Советского Союза». – М.: Институт этнологии и этнической антропологии АН СССР, 1990. Ч. 1. Перепись 1939 года. Документальные источники Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР. – М.: Институт этнологии и этнической антропологии АН СССР, 1990.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Ведомости Верховного Совета СССР. 1938

Известия Нижне-Волжского Краевого Исполнительного Комитета [Текст] – Саратов: 1931.

Известия Нижне-Волжского Краевого Исполнительного Комитета [Текст]. – 1930, 22 мая – Саратов: 1930, № 15–16.

Известия Нижне-Волжского Краевого Исполнительного Комитета [Текст] – 1931. 27 августа. Саратов: 1931, № 14.

Известия Нижне-Волжского крайисполкома [Текст]. – 1929. № 17–18. 16 с.

Известия Нижне-Волжского крайисполкома [Текст]. – 1930. № 25–26. 350 с.

Известия ЦК КПСС. – № 9. 1990. – 130 с.

Ленинский путь– 1932. – 15 апреля.

Ленинский путь. – 1940. – 19 декабря.

Ленинский путь. – 1940. – 6 ноября.

Правда – 1920. – 2 марта.

Правда – 1930. – 11 января.

ЛИТЕРАТУРА

Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке [Текст] / Б. М. Абдрахманова – Астана: 1998. С.13.

Абрамов Б. А. Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса [Текст] / Б. А. Абрамов. – М., 1952. 525 с.

Авторханов А. Г. Происхождение партократии [Текст]. – Франкфурт-на-Майне. Т. II. ЦК и Сталин. – Франкфурт-на-Майне: 1981. – 728 с.

Акугинова С. Д. Всесоюзная перепись населения 1939 г. как источник по истории Калмыцкой АССР [Текст] / С. Д. Акугинова // Вестник института. Вып. 2. – Сер. истор. – Элиста: 1967. С. 47–71.

Александров П. А. Ленинско-сталинская теория коллективизации сельского хозяйства и борьба партии за ее осуществление [Текст] / П. А. Александров. – М., 1951.

Алексеев С. Д. В борьбе за социализм [Текст] / С. Д. Алексеев // Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации (1921–1931 гг.). – Элиста: Калмгосизд, 1963. С. 153–158.

Анисимов Н. И. Победа социалистического сельского хозяйства [Текст] / Н. И. Анисимов. – М.: Госиздат, 1937. –128 с.

Анисимов Н. И. Советское крестьянство [Текст] / Н. И. Анисимов – М.: Госполитиздат, 1947. – 462 с.

Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни: крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны [Текст] / В. Т. Анисков – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1993. –250 с.

Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни [Текст] / В. Т. Анисков – Новосибирск: СО РАН, 1993. – 244 с.

Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945: история и психология подвига [Текст] / В. Т. Анисков. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 499 с.

Анисков В. Т., Рутковский М. А. История Ярославского края (1928–1998) [Текст] / В. Т. Анисков, М. А. Рутковский – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2000. – 290 с.

Бадмаев Н. Х. Партийные организации в борьбе за социалистическую индустриализацию Калмыкии (1921–1937 гг.) [Текст] / Н. Х. Бадмаев // Промышленность и рабочий класс Советской Калмыкии. – Элиста, 1977.– 52 с.

Бадмаев С. Б. Сельское хозяйство Калмыкии в восстановительный период [Текст] / С. Б. Бадмаев // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. – Вып. 12. – Сер. истор. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 126–144.

Бадмаева Е. Н. «Устная история» народов Калмыкии о голоде 1933 г. [Текст] / Е. Н. Бадмаева // Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 2. Монгольские народы: традиционная культура и современные социокультурные процессы. – Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 131–141.

Бадмаева Е. Н. Буддийское духовенство и власть в Калмыкии в 20-е гг. XX в. [Текст] / Е. Н. Бадмаева // Российское монголоведение. Бюллетень VI. – М.: ИВ РАН, 2012.

Бадмаева Е. Н. Женщины Калмыкии в период репрессивной политики советского государства в 1930-е гг. XX в. [Текст] / Е. Н. Бадмаева // Кыргыз тили жана Адабияты. – Каракол, 2014. – № 27. С. 183–187.

Бадмаева Е. Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий [Текст] / Е. Н. Бадмаева; отв. ред. Г. Ш. Дорджиева. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. – 182 с.

Бадмаева Е. Н. Калмыцкая автономная область в условиях новой экономической политики (1920–1928 гг.) [Текст] / Е. Н. Бадмаева // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – С.278–363.

Бадмаева Е. Н. Не оккупированные районы Калмыцкой АССР в период военных действий (лето и зима 1942 г.) [Текст] / Е. Н. Бадмаева // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Международной научной конференции – Краснодар, 2013. С. 290–298.

Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.): Монография [Текст] / Е. Н. Бадмаева; отв. ред. К. Н. Максимов. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. – 544 с.

Бадмаева Е. Н. Повседневная жизнь населения Калмыкии в период немецкой оккупации [Текст] / Е. Н. Бадмаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 8. С. 96–100.

Бадмаева Е. Н. Сельское хозяйство Калмыкии в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Е. Н. Бадмаева // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы международной научной конференции (г. Ростов-

на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). – Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 316–320.

Бадугинова М. В. Женщины – медицинские работники Калмыкии на фронтах Великой Отечественной войны [Текст] / М. В. Бадугинова // Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы Росс. науч.-практ. конф., г. Элиста, 21–22 апр. 2010 г. / КГУ, КИГИ РАН. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. – С. 140–146.

Басхаев А. Н. Калмыкия в первые месяцы Великой Отечественной войны [Текст] / А. Н. Басхаев // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., г. Элиста, 27–28 апр. 2005 г. / Прав-во Республики Калмыкия, КГУ, КИГИ РАН, КИСЭПИ. – Элиста: КалмГУ, 2005. – С. 61–63.

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х–60-е гг.) [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 81–100.

Беликов Т. И. Калмыцкая область в восстановительный период (1921–1925 гг.) [Текст] / Т. И. Беликов // Ученые записки. – Вып. 6. – Сер. истор. – Элиста, 1968. С. 94–130.

Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век [Текст] / Р. А. Белоусов –М.: ИздАТ, Кн. 2: Через революцию к НЭПу. –2000.–425 с.

Богденко М. Л., Зеленин И. Е. История коллективизации сельского хозяйства в современной советской историко-экономической литературе [Текст] / М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин // История СССР. – 1962. – № 4.

Бокарев Ю. П. Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении [Текст] / Ю. П. Бокарев // Менталитет и аграрное развитие России. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 72–91.

«Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Текст] / Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский memo.ru/history/y1937/hronika1936_xronika.html (дата обращения 28.08.2014 г.)

Булдаков В. Красная книга. Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.

Бурджалов Э. Н. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.) [Текст] / Э. Н. Буджалов. Стеногр. лекции. – М.: б.и., 1950. – 86 с.

Бурмистенко М. А. Крепче драться за линию партии [Текст] / М. А. Бурмистенко. – Элиста: Калмиздат, 1932. – 67 с.

Василенко Н. В. К вопросу оседания кочевых и полукочевых хозяйств в Калмыкии (годы предвоенных пятилеток) [Текст] / Н. В. Василенко // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. – Вып. 8. – Сер. истор. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. – С. 65–76.

Васькин П. И. Становление социалистических производственных отношений в Калмыкии [Текст] / П. И. Васькин. – Элиста: Калмиздат, 1971. – 98 с.

Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (сер. 40–80-х годов XX в.) [Текст] / А. С. Ващук. – Владивосток, 1998

Великая Победа советского народа. 1941–1945 гг. [Текст]: Мат-лы научн. конф-ции, посвящ. 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.– М.: Наука, 1976.– 648 с.

Верхотуров Д. Н. Сталин. Экономическая революция [Текст]: Док-истор. изд-е / Д. Н. Верхотуров– М.: Олма-Пресс, 2006. – 352 с.

Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Текст]: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., г. Элиста, 27–28 апр. 2005 г. / Прав-во Республики Калмыкия, КГУ, КИГИ РАН, КИСЭПИ. – Элиста: КалмГУ, 2005. – 204 с.

Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Текст]: мат-лы Росс. науч.-практ. конф., г. Элиста, 21–22 апр. 2010 г. / КГУ, КИГИ РАН. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. – 284 с.

Война и судьбы российского крестьянства [Текст]: Сборник / Международ. акад. наук высш. шк. Ярославль — Вологда: Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподгот. пед. кадров, 1998. – 286 с.

Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937 гг.) [Текст] / М. А. Вылцан – М.: Наука, 1978. – 263 с.

Вылцан М. А. Крестьянство России в годы Большой войны 1941–1945 гг. Пиррова победа [Текст] / М. А. Вылцан. – М.: Издат. дом РНФ, 1995. – 79 с.

Вылцан М. А. Материальное положение колхозного крестьянства в довоенные годы [Текст] / М. А. Вылцан // Вопросы истории, 1963. – № 9. – С. 15–24.

Вылцан М. А. Последние единоличники [Текст]: Источниковая база, историография / М. А. Вылцан // Судьбы российского крестьянства. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 1995. – С. 364–387.

Вылцан М. А., Данилов В. П., Кабанов В. В., Мошков Ю. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории [Текст] / М. А. Вылцан, В. П. Данилов, В. В. Кабанов, Ю. А. Мошков – М.: Колос, 1982. – 399 с.

Генкина Э. Б. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства [Текст] / Э. Б. Генкина. – М.: изд-во МГУ, 1952. – 176 с.

Гладкова С. А. Калмыцкая областная партийная организация в начальный период Великой Отечественной войны [Текст] / С. А. Гладкова // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., г. Элиста, 27–28 апр. 2005 г. / Прав-во Республики Калмыкия, КГУ, КИГИ РАН, КИСЭПИ. – Элиста: КалмГУ, 2005. – С. 64–66.

Гладкова С. А. Организация эвакуации людских и материальных ресурсов [Текст] / С. А. Гладкова // Великая Отечественная война: события, люди, история (Сборник научных статей). – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 65–95.

Голощекин Ф. И. Казахстан на путях социалистического переустройства [Текст] / Ф. И. Голощекин – М.: Алма-Ата, ОГИЗ, 1931. 248 с.

Горяев М. С. Эвакуация скота из Калмыкии в Казахскую АССР в августе–ноябре 1942 г. [Текст] // Великая Отечественная война: события, люди, история. Сб. научных статей. Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 95–110.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 95 с.

Данилов В. Н. Война и власть: Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны [Текст] / В. Н. Данилов. – Саратов: Изд-во Поволжского филиала Российского учебного центра, 1996. – 392 с.

Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. [Текст] / В. Н. Данилов – Саратов: Изд-во СГУ, 2002. – 396 с.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения [Текст] / В. П. Данилов – М.: Наука, 1979. – 359 с.

Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР [Текст] / В. П. Данилов – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 451 с.

10 лет Калмыцкой автономной области (1920–1930) [Текст]. – Астрахань Калмиздат, 1931. – 135 с.

Джимгиров М. Э., Ташнинов Н. Ш., Эрдниев У. Э. Культура и просвещение в Калмыцкой АССР в период строительства социализма [Текст] / М. Э. Джимгиров, Н. Ш. Ташнинов, У. Э. Эрдниев // Очерки истории Калмыцкой АССР. – Т. 2. Эпоха социализма. – М.: Наука, 1970. С. 276–316.

Зеленин И. Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия (к истории коллективизации) [Текст] / И. Е. Зеленин // Вопросы истории. 1994. – № 10. – С. 26–36.

Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. [Текст] / И. Е. Зеленин – М.: Наука, 1982. – 239 с.

Земсков В. Н. Заключение в 30-е гг. (демографический аспект). Статистические данные о репрессиях [Текст] / В. Н. Земсков // Социологические исследования. – 1996. – № 7.

Зинич М. С. Будни военного лихолетья 1941–1945 [Текст] / М. С. Зинич. Выпуск 1–2. – М.: изд-во Ин-та российской истории РАН, 1994. – 143 с.

Зубкова Е. Ю. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» [Текст] / Е. Ю. Зубкова // История отечества: люди, идеи, решения: очерки истории Советского государства / Сост.: В. А. Козлов. – М.: Политиздат, 1991. – С. 284–320.

Ибрагимова Д. Х. Нэп и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку [Текст] / Д. Х. Ибрагимова. – М.: изд-во Памятники исторической мысли, 1997. – 223 с.

Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал [Текст] / Н. А. Ивницкий – М.: Собрание, 2009. – 286 с.

Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) [Текст] / Н. А. Ивницкий – М.: Изд-во АН СССР. Ин-т истории СССР, 1972. – 360 с.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) [Текст] / Н. А. Ивницкий. – М.: Спектр, 1994. – 272 с.

Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне. (1928–1933 гг.) [Текст] / Н. А. Ивницкий. – М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.

Игнатовский П. А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне [Текст] / П. А. Игнатовский – М.: Мысль, 1974. – 287 с.

Иджаева Б. В., Бадмаева Н. В. Великая Отечественная война в оценках жителей г. Элисты [Текст] / Б. В. Иджаева, Н. В. Бадмаева // Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне

1941–1945 гг.: мат-лы Росс. науч.-практ. конф., г. Элиста, 21–22 апр. 2010 г. / КГУ, КИГИ РАН. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. – С. 199–203.

Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа 1921–1928 гг. [Текст] / В. А. Ильиных – Новосибирск: изд-во СО РАН, 2005. – 282 с.

Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы [Текст] / редкол. и сост. Хромов С. С. (отв. ред.) и др. Ин-т рос. истории РАН.– М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 1999.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) [Текст]. Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б); Одобрен ЦК ВКП(б). – М.: Огиз-Госполитиздат, 1946. – 352 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 2. – 840 с.

История Коммунистической партии Советского Союза [Текст]. В 5-ти тт. Т. 4. – М.: Политиздат, 1971. Кн. 2: 1929–1937 гг. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1971. – 485 с.

История советского крестьянства. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945) [Текст] / АН СССР. Ин-т истории СССР. / отв. ред. М. А. Вылцан. В 5-ти т. Т. 3. – М.: Наука, 1987. – 447 с.

История СССР. – 1989. – № 2.

Калмыкия к первому съезду Советов Сталинградского края [Текст]: Материалы к докладу Калмоблисполкома на первом краевом съезде Советов. – Сталинград: 1935.

Кичиков М. Л. О закономерностях и своеобразии перехода к социализму 1917–1929 [Текст] / М. Л. Кичиков // Вестник института. – Вып. № 9. – Элиста, 1974.

Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства [Текст]. – М., 1955

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни [Текст] / В. В. Кондрашин – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 519 с.

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье [Текст] / В. В. Кондрашин // Вопросы крестьяноведения. – Вып. 3. Саратов: 1996.

Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. [Текст] / В. В. Кондрашин – М., 2001

Кондрашин В. В., Пеннер Д. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани) [Текст] / В. Кондрашин, Д. Пеннер. – Самара-Пенза, 2002.

Конюхов В. Н. Осуществление ленинской идеи индустриализации в автономных республиках РСФСР [Текст] / В. Н. Конюхов – М.: Московский университет, 1971.– 208 с.

Корнилова И. М. Становление и развитие высшего образования в Калмыкии (1920–2005) [Текст] / И. М. Корнилова – Элиста: ОАО «АПП «Джангар», 2005. –180 с.

Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. Учеб. пособие [Текст] / М. А. Краев – М.: Госполитиздат, 1954. – 306 с.

Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке сточки зрения мировых модернизаций [Текст] / В. А. Красильщиков. – М.: РОССПЭН, 1998. – 264 с.

Крестьяноведение. Теория. История. Современность [Текст]. Ученые записки / под. ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. Вып. 1–3. – М., 1996, 1997, 1999.

Кривенко В. Г. Природная циклика нашей планеты [Текст] / В. Г. Кривенко // Вестник РАЕН. 2010. № 3. С. 25–29.

Криворучко А. Н. Социальная политика в период НЭПа [Текст] / А. Н. Криворучко // Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР: Из истории социальной политики и социально-политической мысли СССР. – М., 1992. С. 111–116.

Кринко Е. Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство и границы [Текст] / Е. Ф. Кринко // Народы Юга России в Отечественных войнах: материалы международной научной конференции (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). – С. 264–270.

Лаговиер Н., Роднянский А. Социалистическое наступление и кулацкий террор. Уголовно–судебные очерки [Текст]/ Н. Лаговиер, А. Роднянский. –М., Л.: Гос. изд-во, 1930. –169 с.

Ланцанова Л. Ю. Переселение калмыцкого Оренбуржья, Урала, Кавказа и Дона в Калмыцкую автономную область [Текст] / Л. Ю. Ланцанова // Калмыкия – субъект Российской Федерации: история и современность: мат-лы рос. науч. конф. (6–7 октября 2005 г.). –Элиста: КГУ, 2005. С. 63–67.

Ланцов С. А. Политическая история России[Текст]: Учебное пособие. –СПб.:2009. –352 с:ил.

Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А. В. Любимов – М.: Экономика, 1968. – 231 с.

Максимов К. Н. Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии [Текст] / К. Н. Максимов // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., г. Элиста, 27–28 апр. 2005 г. / Прав-во Республики Калмыкия, КГУ, КИГИ РАН, КИСЭПИ. – Элиста: КалмГУ, 2005. – 204 с.

Максимов К. Н. Бои в калмыцких степях — на южном фланге Сталинградского фронта [Текст] / К. Н. Максимов // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 1–2 фев. 2013 г.

Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки [Текст] / К. Н. Максимов. – М.: Наука, 2007. – 316 с.

Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки [Текст] / К. Н. Максимов. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2010. – 406 с.

Максимов К. Н. Демографическая ситуация в Калмыцкой АССР в предвоенные годы [Текст] / К. Н. Максимов // Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы Росс. науч.-практ. конф., г. Элиста, 21–22 апр. 2010 г. / КГУ, КИГИ РАН. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. – С. 160–162.

Максимов К. Н. История национальной государственности Калмыкии (начало XVII–XX вв.) [Текст]. – М.: Инф-издат дом «Профиздат», 2000. – 311 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в Великой Отечественной войне: состояние и перспективы исследования проблемы [Текст] / К. Н. Максимов // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3 (спецвыпуск). – С. 74–80.

Максимов К. Н. Калмыкия в годы Великой Отечественной войны: всенародная помощь фронту [Текст] / К. Н. Максимов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2010. – № 1. – С. 3–14.

Максимов К. Н. Калмыкия в годы форсированного строительства социализма [Текст] / К. Н. Максимов // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2– Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – С. 363–440.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.) [Текст] / К. Н. Максимов. – М.: Наука, 2002. 523 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии [Текст] / К. Н. Максимов – Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2013. – 463 с.

Максимов К. Н. Коллективизация сельского хозяйства. Социально-экономическое положение области (1928–1934 гг.) [Текст] / К. Н. Максимов // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 2. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – С. 363–404.

Максимов К. Н. Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР. (июнь 1920–июль 1937 гг.) [Текст] / К. Н. Максимов – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981.

Максимов К. Н. Организационная деятельность высших органов государственной власти и управления Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны [Текст] / К. Н. Максимов // Основные этапы и закономерности развития Калмыцкой АССР в условиях социализма. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1982. – С. 132–145.

Максимов К. Н. Органы государственной власти и государственного управления Калмыцкой автономной области [Текст] / К. Н. Максимов – Элиста: Калм.кн. изд-во, 1970. – 57 с.

Максимов К. Н. Развитие советской национальной государственности (на материалах Калмыцкой АССР) [Текст] / К. Н. Максимов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981.

Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы [Текст] / К.Н. Максимов. – М.: Наука, 2004.– 311 с.

Манджиев С.-Г. М. За власть Советов [Текст] / С. Г. Манджиев // Первые десять лет Калмыцкой областной комсомольской организации (1921–1931 гг.). – Элиста: Калм гос. изд., 1963. – С. 158–162.

Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества [Текст] / Б. И. Марушкин. – М.: Наука, 1969. – 394 с.

Марьяхин Г. Л. Налоги и сборы с колхозов и населения [Текст] / Г. Л. Марьяхин – М., 1949.

Маслов А. Г. Страницы былого: из воспоминаний участника борьбы за установление Советской власти в Калмыкии [Текст] / А. Г. Маслов – Элиста: Калм.кн. изд-во, 1962.

Мачнев В. Я. Крестьянство Поволжья в годы войны 1941–1945 гг. [Текст] / В. Я. Мачнев – Самара: Изд-во Самарского университета, 1998

Медведев Д. А. Россия способна успешно пройти вторую волну кризиса [Текст] / Д. А. Медведев // Татар-информ. [Электронный ресурс]. RL:<http://kazan.bezformat.ru/listnews/vtoruyu-volnu-krizisa-medvedev/1768980/> (дата обращения: 05.09.2014).

Медеубаев Е. «Малый Октябрь» и коллективизация в Казахстане [Текст] // http://historykz.nm.ru/theme/t25_2.html (дата обращения: 25.10.2013).

- Мемориал – Аспект. 1993. №2/3.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России [Текст] / Б. Н. Миронов – СПб., 1999.
- Мошков Ю. А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.) [Текст] / Ю. А. Мошков – М.: изд-во МГУ, 1966. – 231 с.
- Никифоров С. А.* Примерный устав сельхозартели (1935 г.) и крестьяне Псковского округа [Текст] / С. А. Никифоров // Псков (научно-практический и историко-краеведческий журнал. 2010. № 32.С. 198–203.
- Никольский С. А.* Власть и земля [Текст] / С. А. Никольский – М., 1990.
- Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.) [Текст] / А. А. Никонов – М.: Энциклопедия российских деревень: 1995. – 576 с.
- Оглаев Ю. О.* К вопросу о ликвидации бывших калмыцких феодалов [Текст] / Ю. О. Оглаев // Вестник КНИИЯЛИ. – Вып. № 2. – Сер. историч. Элиста, 1967. С. 110–146.
- Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.) [Текст] / Ю. О. Оглаев– Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 160 с.
- Оглаев Ю. О.* Подготовка социалистических преобразований в Калмыцкой доколхозной деревне (1928–1929 гг.) [Текст] / Ю. О. Оглаев // Ученые записки. – Элиста, 1968. Вып. № 6. – Серия историческая.
- Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР 30 июля 1937 года № 00447 [Текст] // URL: <http://www.memo.ru/history/document/00447.htm>. (дата обращения 17 августа 2013 г.)
- Орлов Б. П.* Истоки перестройки [Текст] / Б. П. Орлов // ЭКО. 1989. № 5.С. 3–15.
- Орлов И. Б.* Становление системы государственного централизованного нормированного распределения в СССР (1941–1943 гг.) [Текст] / И. Б. Орлов // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Мат-лы междунар. научн. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. акад. Г. Г Матишов. – Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2010.– С. 337-343.
- Осколков Е. Н.* Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа [Текст] / Е. Н. Осколков. – Ростов на Дону: изд-во Ростовского ун-та, 1973. – 312 с.
- Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 [Текст]. — М.: РОССПЭН, 1999. – 271 с.

Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. [Текст] / Е. А. Осокина – М., 1993. – 144 с.

Островский В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя [Текст] / В. Б. Островский – М.: Мысль, 1977.

Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. [Текст] / Н. Охотин, А. Рогинский // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев / ред.-сост. И. Л. Щербакова. – М.: 1999. С. 35–74.

Очерки истории Калмыцкой АССР [Текст]. – Т. 2. Эпоха социализма. – М.: Наука, 1970. – 432 с.

Очерки истории Калмыцкой организации КПСС [Текст]. – Элиста, 1980. – 451 с.

Панин И. И. История Астраханского края (1900–1940 гг.) [Текст] / И. И. Панин – Астрахань: ГП «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 1997. – 160 с.

Плешков Б. Н. Специализация и кооперирование в сельскохозяйственном производстве [Текст] / Б. Н. Плешков – М.: Колос, 1976

Путин В. В. О наших экономических задачах [Текст] / В. В. Путин // Ведомости. – 2012, № 15. – 30 января.

Пюрбеев А. П. Калмыкия на подъеме [Текст]: Доклад на I республиканском съезде Советов о советском и культурном строительстве Калмыцкой АССР. – Элиста: Калмиздат, 1936. – 54 с.

Рогачева Л. И. Деятельность государственных и общественных организаций по охране детства и юношества в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг) [Текст] / Л. И. Рогачева. – М., 2000

Санжиева В. Ш. Промышленность Калмыцкой АССР в период строительства социализма [Текст] / В. Ш. Санжиева // Промышленность и рабочий класс Советской Калмыкии. – Элиста: 1977. – С. 3–26.

Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке [Текст]: Монография / Е. В. Сартикова; отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. – 416 с.

Сенявский А. С. Современные подходы к изучению имперской и советской моделей модернизации [Текст] / А. С. Сенявский // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств. Опыт, проблемы, сценарии развития. Мат-лы Всероссийской научн. конференции. г. Ростов-на-Дону, 18-19 сентября 2014 г. / отв. ред. Г. Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН. 2014. – С. 119–125.

Смирнов В. А. Раскулачивание по сценарию [Текст] / В. А. Шашков // Кентавр. – 1994. – № 3

Смирнов М. С. Борьба партии Ленина-Сталина за подготовку массового колхозного движения [Текст] / М. С. Смирнов – М.: Госполитиздат, 1952.

Сталин И. В. О хлебоготовках и перспективах развития сельского хозяйства: Сочинения в 13-ти томах. Т. 11. [Текст] / И. В. Сталин – М., ОГИЗ: гос. изд-во полит. лит, 1949.

Сталин И. В. Сочинения [Текст] / И. В. Сталин. – М.: 1997.

Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП (б). Речь на пленуме ЦИК ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г.: Сочинения в 13-ти томах. Т. 12. [Текст] / И. В. Сталин – М., ОГИЗ: Гос. изд-во полит. лит, 1949.

Староверов В. И. Деревня в условиях интеграции: социальные проблемы [Текст] / В. И. Староверов – М.: Колос, 1979.

Строительство железной дороги Астрахань – Кизляр: роль и значение [Текст]: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию строительства железной дороги Астрахань – Кизляр (г. Элиста, 17–18 окт. 2012 г.). – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. – 124 с.

Судьбы российского крестьянства [Текст] – М., 1995.

Сышляев В. А. Торжество ленинского кооперативного плана (историографический очерк истории коллективизации сельского хозяйства) [Текст] / В. А. Сышляев– Л.: ЛГУ 1972. – 128 с.

Ташнинов Н. Ш. К истории учительских кадров в Калмыкии [Текст] / Н. Ш. Ташнинов // Из истории культурного строительства в Калмыкии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. – С. 60–80.

Ташнинов Н. Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР [Текст] / Элиста, 1969.

Ташнинова Л. Н., Буваев Д. Черные земли Калмыкии: комплексные исследования и разработка ГИС [Текст] / Л. Н. Ташнинова, Д. Буваев // Геология, география и глобальная энергия. 2012. № 4 (47). С. 150–164.

Томилин В. Н. Машинно-тракторные станции в аграрном секторе экономики СССР [Текст] / В. Н. Томилин // Синергетика образования: ЮО РАО. – М.: Ростов-на-Дону, 2006. – № 2 (7). С. 124–127.

Трапезников С. П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой пятилетки [Текст] / С. П. Трапезников – М.: Госполитиздат, 1951. 463 с.

Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. 2-е изд-е, доп. М.: Мысль, 1976. 645 с.

Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни [Текст] / А. П. Тюрина. – М.: Мысль, 1982. – 208 с.

Убушаев В. Б. Советы Калмыкии в борьбе за построение народного хозяйства в годы НЭПа (1921–1925 гг.) [Текст] / В. Б. Убушаев – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983.

Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение 1943–1959 гг. [Текст] / В. Б. Убушаев, К. В. Убушаев. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. – 496 с.

Хубова Д. Н. Черные доски: TABULARASA. Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах [Текст] / Д. Н. Хубова // Голод 1932–1933 годов: Сб. статей. – М., 1995. – С. 67–88.

Хлевнюк О. В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики [Текст] / О. В. Хлевнюк // Отечественная история, 1994. – № 3. – С. 92–108.

Чернявский У. Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.) [Текст] / У. Г. Чернявский – М.: Наука, 1964. – 208 с.

Шанин Т. Определяя крестьянство. Oxford Vasi IBlackwell, [Реферат] / Т. Шанин // Там же. – 1993. – № 2. – С. 7–16.

Шуваев К. М. Старая и новая деревня: материалы исследования с. Ново-Животинского и др. Моховатка Березовского района Воронежской области за 1901 и 1907, 1926 и 1937 гг. [Текст] / К. М. Шуваев. – М.: Сельхозгиз, 1937. – 347 с.

Яковлев Я. А. Вопросы организации социалистического сельского хозяйства [Текст] / Я. А. Яковлев. – М., 1935. – С. 5.

Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство северо-западной России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест [Текст] / С. В. Яров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 167 с.

Мандра А. Конец крестьянства. Продолжение размышлений о конце крестьянства: Двадцать лет спустя. Париж, 1984 [Реферат] // Отечественная история – 1994. – № 2. – С. 33-42.

Мерль Ш. Аграрный рынок и новая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925–1928. Вена, 1981 [Реферат], Ш. Мерль // Отечественная история, 1995. – № 3. – С. 104–116.

Мерль Ш. Голод 1932–1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? [Текст] / Ш. Мерль // Отечественная история, 1995. – № 1.

Пайнс Р. Россия при старом режиме [Текст] / Р. Пайнс. – М.: РОССПЭН, 1993. – 376 с.

Пайнс Р. Россия при большевиках [Текст] / Р. Пайнс. – М.: РОССПЭН, 1997. – 670 с.

Пайнс Р. Русская революция. В 2-х ч. [Текст] / Р. Пайнс. – М.: РОССПЭН, 1994. – Ч. 1. – 397 с.; – Ч. 2. – 583 с.

Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение [Текст] / Дж. Скотт // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – 285 с.

Скотт Дж. С. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии [Текст] / Дж. С. Скотт. – Нью-Хэвн; Лондон: изд-во Йельского ун-та, 1976 [Реферат] // Отечественная история, 1992. – № 5.

Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года [Текст] / М. Б. Таугер // Судьбы российского крестьянства. – М., 1995. – С. 298–332.

Уиткрофт С. Г., Дэвис Р. У. Кризис в советском сельском хозяйстве [Текст] / С. Г. Уиткрофт, Р. У. Дэвис // Отечественная история, 1998. – № 6. – С. 95–109.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня [Текст] / Ш. Фицпатрик – М., 2001.

Хозяйственные итоги 1928–29 года по Нижне-Волжскому краю [Текст]. / ред. Г.А. Тимрот – Саратов: Нижне-Волжский край, 1930. – 166 с.

Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»: Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения [Текст]. – М.: АИРО-XX, 2003. – 352 с.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 [Текст] / А. Грациози – М.: РОССПЭН, 2001. – 95 с.

Davies R. W. The Socialist Offensive: the Collectivization of Soviet [Text] / R. W. Davies. – Agriculture, 1929–1930. – Cambridge, 1980.

Davis R. U. Советская экономика в период кризиса [Текст] / R. U. Davis // История СССР. – 1991. – № 4;

Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941. Пер. с англ. Ростов-на-Дону: изд-во Рост. ун-та, 1994. 280 с.

Jasny N. The socialized agriculture of the USSR. USSR. Plans and Performance. [Text] / N/ Jasny. – Stanford, 1949.

АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

Глумная М. Н. Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском севере России в 1933–1937 гг. [Текст]: автореф дисс... канд. ист. наук / М. Н. Глумная. – М., 1994.

Горохов В. С. Исторический опыт и проблема развития производительных сил российской деревни. 1928–1941 гг. [Текст]: автореф дисс... канд. ист. наук / В. С. Горохов. – Саратов, 1998. – 51 с.

Григорьев В. С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства. 1921–1941 гг. [Текст]: автореф дисс... докт. ист. наук / В. С. Григорьев. – М., 1997. – 52 с.

Кириянова Е. А. Социально-экономические и политические процессы в деревне в 1933–1937 гг. (по материалам Московской, Рязанской и Тульской областей) [Текст]: автореф дисс... канд. ист. наук / Е. А. Кириянова. – Рязань, 1994. – 32 с.

Михеев В. И. Сопrotивление курского крестьянства политике большевиков в 1918–1933 гг. [Текст]: дисс... канд. ист. наук / В. И. Михеев. – Курск, 1998.

Сергеев Г. С. Социально-экономическое развитие деревни нечерноземного центра РСФСР в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1937 гг.) [Текст]: автореф дис... докт. ист. наук / Г. С. Сергеев. – М., 1982. – 48 с.

Трепачев Ю. Д. Научно-технический прогресс и повышение культурно-технического уровня рабочих совхозов в условиях развитого социализма [Текст]: автореф дисс. ... канд. филос. наук / Ю. Д. Трепачев. – Саратов, 1976. – 50 с.

Шашков В. Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев (1930–1954 гг.): дисс... докт. ист. наук. М., 1995

Полевые материалы автора

1. Информант Алексеева Прасковья Эрдниевна, 1924 г.р., калмычка, Заслуженный работник культуры, Почетный гражданин РК. Запись 2009 г., Элиста, Республика Калмыкия.
2. Информант Игнатова (Теслюкова) Анна Егоровна, 1923 г.р., русская, депутат Верховного Совета КАССР (1968–1972 гг.), заведующая интернатом в с. Вознесеновка РК (1968–1979 гг.), старейшина с. Вознесеновка РК. Запись 2014 г., с. Вознесеновка, Целинный район, Республика Калмыкия.
3. Информант Чюрюмова Гарма Саранговна, 1922 г.р., калмычка, уроженка х. Николаевский Сальского округа Северо-Кавказского края. Запись 2010 г., г. Элиста, Республика Калмыкия.
4. Информант Халгинова Надежда Бадьминовна, 1904 г.р., калмычка, уроженка ст. Кутейниковская Сальского округа Северо-Кавказского края. Запись 2008 г. Элиста, Республика Калмыкия.
5. Информант Учурова Надежда Кирсановна, 1947 г.р., калмычка, уроженка ст. Атамановка Сальского округа Северо-Кавказского края. Запись 2010 г. Элиста, Республика Калмыкия.
6. Информант Манжикова Раиса Матвеевна, 1924 г.р., калмычка, уроженка с. Нем-Хагинка (ныне Ульяновка) Западного улуса. Запись 2008 г. Элиста, Республика Калмыкия.
7. Информант Бамбаева Читля Андреевна, 1924 г.р., калмычка, с. Ики-Манлан Сарпинского улуса. Запись 2010 г., Элиста, Республика Калмыкия.
8. Информант Теврюков Виктор Иванович, 1932 г.р., калмык, уроженец ст. Иловайской Сальского округа Северо-Кавказского края. Запись 2010 г. Элиста, Республика Калмыкия.
9. Информант Очирова (Менгтеева) Галина Сангаджиевна, 1933 г.р., калмычка, с. Солянка Приволжского района. Запись 2006 г. Элиста, Республика Калмыкия.
10. Информант Очиров Санджи Урюбджурович, 1900 г.р., калмык, уроженец с. Кануково Сарпинского улуса. Запись 1988 г. п. Ленинский. Целинный район, Республика Калмыкия.
11. Информант Харцхаев Мутл Дорджиевич, 1910 г.р., калмык, уроженец с. Кануково Сарпинского улуса. Запись 1988 г. п. Ленинский. Целинный район, Республика Калмыкия.

12. Информант Менгтеев Сангаджи Штыкович, 1905 г.р., калмык, с. Солянка Приволжского района. Запись 1976 г. п. Ленинский. Целинный район, Республика Калмыкия.
13. Информант Таджиева Александра Есеновна, 1918 г.р., калмычка, уроженка п. КетченерыКетченеровского района. Запись 2010 г. Элиста, Республика Калмыкия.
14. Информант Джальджиреев Цюгата Дорджиевич, 1920 г.р., калмык уроженец п. Ики-Чонос Целинного района, Республика Калмыкия. Запись 2009 г. Элиста, Республика Калмыкия.
15. Информант Савхаев Агуш Бораевич, 1923 г.р. п. Улан-Хол Черноземельского района Запись 2010 г. п. Комсомольский Черноземельского района, Республика Калмыкия.
16. Информант Горбанева Ольга Михайловна, 1926 г.р., русская, уроженка Сладковского сельсовета Западного улуса. Запись 2009 г., г. Элиста, Республика Калмыкия.
17. Информант Мангутова Цаган Алкаевна, 1930 г.р., калмычка, уроженка колхоза «20 лет Октября» Караванинского сельского совета Долбанского улуса. Запись 2010 г. г. Элиста, Республика Калмыкия.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Историография и источники	
§ 1. Историография	15
§ 2. Источниковая база исследования	36
Глава 2. Основные принципы и направления социально-экономической политики советского государства в 1930-е гг.	
§ 1. Трансформация сельскохозяйственного производства . . .	49
§ 2. Индустриальное развитие: особенности и результаты . . .	101
§ 3. Продовольственный кризис в Калмыкии (1932–1933 гг.)	118
§ 4. Социально-политические, демографические и культурные изменения в калмыцком обществе	146
Глава 3. Завершение коллективизации сельского хозяйства Калмыкии. Деревня накануне войны	
§ 1. Итоги и результаты политики сплошной коллективизации. Анализ кризисных явлений в развитии аграрной сферы республики в предвоенные годы	174
§ 2. Репрессии в Калмыкии: причины, масштабы, последствия (1937–1938 гг.)	197
Глава 4. Колхозная деревня в период Великой Отечественной войны	
§ 1. Ослабление материально-технической базы в годы войны	224
§ 2. Продовольственные трудности в республике	246
Заключение	261
Список использованных источников и литературы	272

Научное издание

Бадмаева Екатерина Николаевна

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС
В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ОПЫТ РЕШЕНИЯ В 1933–1943 гг.
(НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ)**

Монография

Подписано в печать 16.03.2016.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times.
Усл.печ.л. 17,2. Тираж 300 экз. Заказ 01-16.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук
358000 г. Элиста, ул. им. Илишкина, 8